Сочиненія

А. Н. Островскаго

и др.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Драматическія сочиненія

А. Н. Островскаго и др.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіеъ автора;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Драматическія
сочиненія
А. Н. Островскаго и Н. Я. Соловьева.

[т. 12]

Со вступительной статьей

С. В. Максимова:

„А Н. Островскій по моимъ воспоминаніямъ".

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе"
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы

891.72
085PA
t.12

Оглавленіе.

	Стр.
Женитьба Бѣлугина. Комедія	1
Дикарка. Комедія	139
Свѣтитъ да не грѣетъ. Драма	269

Женитьба Бѣлугина.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ

А. Н. Островскаго и Н. Я. Соловьева.

Дѣйствующія лица:

Гаврила Пантелѣичъ Бѣлугинъ, богатый купецъ, фабрикантъ, лѣтъ 55-ти; живетъ постоянно на фабрикѣ, верстахъ въ 60-ти отъ Москвы, изрѣдка пріѣзжаетъ въ Москву къ сыну.

Настасья Петровна, жена его, полная женщина, одѣвается по-русски; темное шелковое платье, большой шелковый платокъ, голова повязана.

Андрей Гаврилычъ, ихъ сынъ, лѣтъ 27-ми; одѣтъ современно, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ франтовства; живетъ постоянно въ Москвѣ, занимается дѣлами отца и имѣетъ свои обороты.

Василій Сыромятовъ, молодой, богатый фабрикантъ, сосѣдъ старика Бѣлугина по фабрикамъ, пріятель Андрея; одѣтъ небрежно, панталоны въ сапоги; немного щеголяетъ простонародностью въ словахъ и манерахъ.

Таня, сестра Сыромятова, молодая дѣвушка; одѣта богато.

Николай Егоровичъ Агишинъ, человѣкъ безъ опредѣленнаго положенія, съ ограниченными средствами; личность поизносившаяся, но еще интересная; по костюму и манерамъ — джентльменъ.

Нина Александровна Кармина, пожилая дама, съ разстроенными нервами.

Елена Васильевна, ея дочь, дѣвушка немного за 20 лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ красоты и здоровья; въ манерахъ видна избалованность и привычка повелѣвать.

Человѣкъ Карминыхъ.

Прохоръ, слуга Андрея Бѣлугина.

Дѣйствія 1-ое и 4-ое происходятъ въ квартирѣ Андрея Бѣлугина, дѣйствія 2-ое и 3-ье — въ квартирѣ Карминой.

Дѣйствіе первое.

Дѣйствующія лица.

Бѣлугинъ, Г. П.	Сыромятовъ.
Бѣлугина, Н. П.	Сыромятова, Таня.
Бѣлугинъ, Андрей.	Агишинъ.

Сцена — пріемная комната: въ глубинѣ входная дверь; по стѣнамъ тяжелые стулья хорошей, дорогой работы; по обѣ стороны, ближе къ аванъ-сценѣ, боковыя двери; налѣво отъ актеровъ, подлѣ двери, большое короткое бюро и высокій табуретъ; направо на стѣнѣ два фамильные портрета плохой, дешевой работы, въ большихъ золоченыхъ рамахъ; посрединѣ большой столъ, покрытый дорогой, тяжелой салфеткой; на столѣ модная дамская шляпка и новая, приглаженная мужская шляпа.

Явленіе первое.

Андрей Бѣлугинъ (выходитъ изъ боковой двери слѣва и становится подлѣ бюро), потомъ **Агишинъ.**

Андрей (съ неудовольствіемъ).

Кто тамъ еще?.. Эхъ!.. (Изъ средней двери входитъ Агишинъ). А, Николай Егорычъ... мое почтенье... здравствуйте! (Подаетъ руку.) Вернулся изъ Питера?..

Агишинъ.

Да, вчера... и вотъ заѣхалъ на тебя поглядѣть, мой милый... Но, кажется, я не во-время... такъ говори прямо... Я послѣ могу!..

Андрей.

Родители съ фабрики пріѣхали...

Агишинъ (указывая на шляпу).

А это что?.. Этихъ вещей твои родители, я думаю, не носятъ, да и прародители не носили?..

Андрей.

А это знакомые съ ними вмѣстѣ... тоже одинъ фабрикантъ съ сестрой...

Агишинъ.

Ну, я тебя не задержу... я на десять словъ... Мнѣ только нужны кой-какія свѣдѣнія... Бывалъ ты безъ меня у Карминыхъ?..

Андрей.

Заѣзжалъ иногда...

Агишинъ
(съ притворнымъ участіемъ).

Ну, что жъ, Андрюша, мой милый, какъ дѣла твои?..

Андрей (строго).

Какія такія дѣла?

Агишинъ.

Ну, твое ухаживанье, любовь, обожаніе, что ли?.. Кто жъ тебя знаетъ!.. Тронулъ ты ея сердце, или ужъ совсѣмъ покорилъ?..

Андрей.

Это ужъ мое дѣло! Ты разговоры эти лучше предоставь!..

Агишинъ (съ улыбкой).

Не предоставь, а оставь! Ты хочешь сказать: оставь? Тутъ есть небольшая разница.

Андрей.

Ну, тамъ оставь или предоставь — это все одно... а только я тебя прошу, чтобъ этихъ разговоровъ не было, потому я не люблю!..

Агишинъ.

А, вонъ оно куды пошло!

Андрей.

Да, потому что надъ чѣмъ я самъ не шучу, надъ тѣмъ и другимъ не позволю!..

Агишинъ.

Значитъ: это — святыня... къ которой прикасаться нельзя?..

Андрей.

Ну, да ужъ какъ хочешь, такъ и понимай!..

Агишинъ.

Какъ онѣ поживаютъ? здоровы?

Андрей.

Ничего... слава Богу!..

Агишинъ.

Ты когда у нихъ былъ въ послѣдній разъ?

Андрей.

Вчера.

Агишинъ.

А когда опять собираешься? сегодня, я думаю!

Андрей.

Мудренаго нѣтъ, что и сегодня!..

Агишинъ.

Ежедневно, значитъ...

Андрей.

А хотя бы и такъ, хоть бы на дню пять разъ. У тебя, что ли, позволенья мнѣ спрашивать?..

Агишинъ.

Да что ты сердишься? Для меня совсѣмъ не лишнее знать твои намѣренія въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь и я тоже живой человѣкъ, и я могу чувствовать красоту Елены. Ты имѣешь ли это въ виду?..

Андрей.

Ну, такъ что жъ? Торговаться ты, что ль, хочешь, отступного просишь?

Агишинъ.

Нѣтъ, за что брать отступное! Да ты и не дашь: шансы у насъ не равны. Гдѣ ужъ мнѣ соперничать съ тобою! И если ты...

Андрей.

Да... если я!.. Потомъ что жъ будетъ?

Агишинъ.

Зачѣмъ же я буду мѣшать тебѣ безъ всякой пользы для себя? Умнѣе и честнѣе съ моей стороны отступиться; будемъ дѣйствовать за-одно!

Андрей.

Да что за заговоры, что за стачка!.. Это дѣло чистое.

Агишинъ.

Ну, какъ знаешь... Вотъ что: коли ты пріѣдешь сегодня раньше меня, такъ не говори, что меня видѣлъ.

Андрей (съ досадой).

А какая мнѣ надобность разговаривать про тебя!..

Агишинъ.

А если и спросятъ, такъ сдѣлай милость, скажи, что не видалъ: мнѣ хочется сюрпризомъ явиться!..

Андрей.

Да ладно... что объ этомъ толковать-то! (Съ улыбкою.) Сюрпризъ! Какой же это сюрпризъ? По-нашему, привезти изъ Питера подарокъ тысячи въ три — вотъ это сюрпризъ!

Агишинъ.

Ишь у тебя замашки-то какія! Вотъ и поди, соперничай съ тобой! Нѣтъ, видно, вашему брату безъ бою уступать нужно!.. (Подавая руку.) Ну, я тебя задерживать не хочу... Порученія твои я исполнилъ, объ этомъ послѣ... До свиданія, сегодня вечеромъ! Поди къ своимъ гостямъ, занимай ихъ... (Уходитъ.)

Явленіе второе.

Андрей (одинъ).

Андрей.

Занимать гостей... Вотъ пытка-то!.. (Смотритъ въ

дверь направо.) Прощай, Таня!.. Какую я сейчасъ съ тобою подлость сдѣлаю, такъ, кажется, убить меня... убить!.. Думалъ: будемъ вѣкъ съ тобою другъ на друга радоваться!.. вѣдь вонъ она сидитъ: такая веселая, смѣется чему-то, лицо такое доброе... и не ожидаетъ! Злодѣй я, злодѣй!.. Да что жъ дѣлать-то, коли другая взяла за сердце, да и вырвала его?.. Отъ своей судьбы не уйдешь!.. И сталъ я ничѣмъ, ничѣмъ не лучше всякаго разбойника и всякаго безчестнаго!.. (Садится къ столу и опускаетъ голову на руки; входитъ Сыромятовъ.)

Явленіе третье.

Андрей и Сыромятовъ.

Сыромятовъ.

Что ты ушелъ отъ насъ? Аль куревомъ занимаешься, не хотѣлъ чадить при гостяхъ?..

Андрей.

Нѣтъ.

Сыромятовъ.

Такъ что жъ съ тобой... Ужъ здоровъ ли ты?..

Андрей.

Ничего, здоровъ!.. (Какъ бы про себя.) А еще людей бранимъ, людей судимъ, а сами хуже, можетъ быть, тѣхъ, что...

Сыромятовъ.

Ты ужъ, я вижу, заговариваться сталъ... Да что ты рехнулся, что ли, въ самомъ дѣлѣ?.. Ты лучше за докторомъ пошли.

Андрей.

Не вылѣчитъ меня никакой докторъ. (Встаетъ.) Измѣнникъ я своему слову и, значитъ, безчестный человѣкъ!

Сыромятовъ.

Да ты въ загадки-то не играй!..

Андрей.

А вотъ, братъ Вася, и разгадка всему этому: полюбилъ я твою сестру и по рукамъ мы ударили — такъ вѣдь?..

Сыромятовъ.

Такъ, не перетакивать стать!..

Андрей.

А теперь не могу!.. Простите вы меня... простите!..

Сыромятовъ.

Да ты полно шутить-то.. не къ мѣсту!

Андрей (горячо).

Да я и не шучу... Съ чего ты взялъ, что я шучу?.. Не до шутокъ!..

Сыромятовъ.

Однако, супризъ важный!

Андрей.

Ну, да вотъ хоть убей, я не скрываюсь. Ты думаешь, легко мнѣ... будетъ твоей сестрѣ въ глаза взглянуть?..

Сыромятовъ.

Гм... исторія, братецъ ты мой!.. По-пріятельски, удружилъ!.. Ты знаешь ли, какъ это, по-нашему, по-русски, называется?.. Вѣдь этотъ твой пассажъ для сестры и для всей нашей фамиліи безчестье и мараль!.· Ты подумалъ ли объ этомъ?

Андрей.

Безъ тебя все это я давно знаю. Да что жъ мнѣ дѣлать, коль я другую полюбилъ!.. Разсказать тебѣ вдругъ мои чувства — я не могу... да и словъ та-

кихъ не знаю... а вотъ возьми ты разорви грудь мою, да и погляди самъ, что тамъ дѣлается!.. Вотъ не уйдешь никуда отъ этого... не спрячешься... Судьба, одно слово — судьба...

Сыромятовъ.

Стало быть, богаче или лучше невѣсту нашелъ?

Андрей.

Да не то, Вася, совсѣмъ не то!..

Сыромятовъ.

А коли не то, такъ какія жъ съ твоей стороны оправданія?.. Какъ же ты, братецъ ты мой... хорошаго семейства дѣвушка и по нашей сторонѣ, можно сказать, первая невѣста по капиталу и по всему... какіе жъ у тебя резоны, что ты позоришь ее для какой-нибудь?..

Андрей (грозя пальцемъ).

Шшш... осторожно!.. не заикайся!..

Сыромятовъ (зло).

Не заикаться?.. Не приказываете?.. Но, однако, между прочимъ, интересно знать этотъ самый сюжетъ!..

Андрей.

Что тутъ знать?.. Красота — ума помраченье! вотъ и знай!..

Сыромятовъ.

А изъ какихъ онѣ будутъ?..

Андрей.

Да изъ какихъ бы то ни было!.. Ну, просто тебѣ сказать: семейство хорошее... живетъ дѣвушка, барышня съ маменькой, живутъ, признаться, небогато... Познакомилъ меня съ ними Агишинъ... Но только ужъ насчетъ образованія... ума!..

Сыромятовъ.

Съ романсами, значитъ? вотъ какъ!..

Андрей.

Сразу можетъ погубить человѣка... за одинъ взглядъ, за одну улыбку, куда хочешь и на что хочешь готовъ!.. Ахъ, Вася, такая это красота, такая красота!..

Сыромятовъ.

Насъ никакимъ товаромъ не удивишь... знавали мы и атласныхъ, и бархатныхъ.

Андрей.

Не то, говорю тебѣ, не то!..

Сыромятовъ.

Значитъ, ужъ самыхъ высшихъ сортовъ!..

Андрей.

Да что тебѣ говорить!.. Ты такихъ и не зналъ никогда, и не видывалъ!..

Сыромятовъ.

Познакомь, такъ увидимъ... не ударимъ лицомъ въ грязь... обращеніе понимаемъ... Можемъ карманомъ тряхнуть; чай, самъ знаешь, мы цыганкамъ за пѣсни по триста рублей бросали!..

Андрей (съ гнѣвомъ).

Оставь... оставь... я тебя честью прошу!.. Эти твои слова глупыя... и больше ничего!..

Сыромятовъ.

Какое дѣло, такія и слова... глупое дѣло, такъ и слова глупыя,потому серьезнаго я тутъ ничего не вижу!..

Андрей.

Нѣтъ, ужъ такъ-то серьезно, что хоть въ петлю полѣзай... Прежде-то бывалъ у нихъ не часто...

такъ, думалъ, для времяпровожденія, а теперь каждый день тянетъ, хоть взглянуть только!.. А она... она-то какъ будто шутитъ надо мною: то задумается, да такъ глядитъ, такъ глядитъ!.. а мнѣ такъ подошло... ну, прямо тебѣ скажу: не жить безъ нея... хоть руки на себя накладывай!.. Либо она... либо...

Сыромятовъ.

А коли такъ круто пришло, такъ что жъ ты зѣваешь-то, голова?.. Приглашай кататься хоть сегодня... ямскую тройку съ наборомъ... маменьку ублаготворить, а съ дочкой, какъ потемнѣе станетъ... куда нибудь подальше!..

Андрей (хватая его за плечи).

Не будь ты Василій Сыромятовъ, задушилъ бы тебя за эти слова!..

Сыромятовъ (отстраняясь).

Не горячо ли будетъ!.. Остыньте маленько!..

Андрей.

Это семейство честное, благородное, и любовь моя честная, и дѣло, коли Богъ дастъ, будетъ честное.

Сыромятовъ.

Честное! а съ нами твое дѣло честное? Стало быть, мы хуже другихъ, съ нами можно все... дескать, не взыщутъ, таковскіе... Нѣтъ, ты ошибся, и у насъ тоже своя амбиція есть, да еще побольше, чѣмъ у другихъ прочихъ... за себя постоять можемъ!..

Андрей.

Ну, мсти; ну, дѣлай, что хочешь, я не бѣгу, не прячусь, а самъ отдаюсь... А что ее обидѣть или чувства мои душевныя трогать, — я никому... отцу родному не позволю!

Сыромятовъ.

Вотъ тебѣ сказъ короткій: не будь ты мнѣ другъ, все одно, что братъ, я бъ съ тобою живъ не разстался; ужъ то ли, се ли, а, по крайности, разстрамилъ бы тебя на весь свѣтъ!.. А теперь хоть и обидно, а больше-то мнѣ тебя жалко! Оплели!.. да и что жъ не оплести, коли самъ въ петлю лѣзетъ... затянуть только покрѣпче!..

Андрей.

Нѣтъ, Вася, нѣтъ, я самъ!..

Сыромятовъ.

Ты одурѣлъ, такъ и не видишь; а у меня разумъ при себѣ... хоть ты мнѣ образъ сними, все-таки скажу, что ловушка!.. Да и всѣ то же скажутъ, кого ни спроси!..

Андрей.

Вася, послѣдняя у меня просьба къ тебѣ...

Сыромятовъ.

Что еще?

Андрей.

Пошли ко мнѣ сестру на минутку!

Сыромятовъ.

Для чего это? Она теперь тебѣ чужая!..

Андрей.

Надо сказать ей...

Сыромятовъ.

Скажемъ и безъ тебя!

Андрей.

Ужъ все-таки честнѣе самому...

Сыромятовъ.

Амбиція не велитъ, вотъ что я тебѣ скажу!..

Андрей.

Да вѣдь не на радость себѣ и ее видѣть хочу, а на муку!.. Передъ ней виноватъ, ей и виниться долженъ... простить — гдѣ ужъ!.. А хоть и бранить будетъ, все же въ глаза, все легче!.. А можетъ, и пожалѣетъ... у нея душа добрая!..

Сыромятовъ.

На минуту, пожалуй, а потомъ и прощай, братъ Андрей, прощай!.. Мы вѣдь тужить долго не будемъ: у насъ женихи и сейчасъ готовы... Такія невѣсты не засиживаются!.. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Андрей (одинъ).

Андрей.

Вѣдь вотъ только десять словъ сказать, а тамъ и легче будетъ, какъ гора съ плечъ свалится; да какъ ихъ, эти слова-то, выговоришь?.. Готовы они, на губахъ вертятся, а изнутри-то совѣсть какъ огнемъ жжетъ!.. (Садится къ столу и снимаетъ съ пальца кольцо.) Ужъ рѣшено, кончено, обдумано, а точно что живое отрываю отъ себя!.. Да и та мысль въ голову лѣзетъ... не отдать бы мнѣ своего счастья съ этимъ кольцомъ!..

(Входитъ Таня.)

Явленіе пятое.

Андрей и Таня.

Таня (тихо и довѣрчиво).

А?.. что?.. Что тебѣ?..

Андрей.

Присядь на минуточку... (Таня садится къ столу.)

Ежели теперь человѣкъ своего слова не оправдаетъ, такъ не всегда же это отъ подлости, потому другой разъ самъ въ себѣ не воленъ!..

Таня.

Да про что ты?..

Андрей.

Ежели человѣкъ не въ себѣ...

Таня.

Разлюбилъ, что ли?..

Андрей.

Конечно, ужъ мнѣ противъ тебя оправданія нѣтъ...

Таня.

Я ужъ давно угадываю... давно ждала!

Андрей.

Я кругомъ виноватъ предъ тобою!..

Таня.

Ну, что же? что я могу? Вѣдь насильно любить не заставишь?

Андрей.

Ну такъ вотъ о чемъ я тебя прошу... (Машинально подвигаетъ кольцо къ Танѣ, она отталкиваетъ кольцо рукой.) Позабудь ты меня!

Таня (со слезами).

Забуду я тебя или нѣтъ — тебѣ что? Тебѣ одно, чтобы помѣхи не было... Ты, можетъ, боишься? такъ напрасно!..

Андрей.

Чего мнѣ бояться?.. Я тебя знаю... твою душу...

Таня.

Коли ты лучше меня нашелъ, какъ тебя удержишь?.. Ужъ мы завсегда такія несчастныя!..

Андрей.

Нѣтъ, ежели ты сердиться или браниться, такъ ужъ ты брани меня одного, а ее, Таня, не проклинай!..

Таня.

Да и тебя бранить что пользы? Богъ съ тобой!..

Андрей (со слезами).

Такъ прощаешь? прощаешь?..

Таня.

Что жь мнѣ тебѣ сказать? Обидно мнѣ, горько мнѣ!.. Да ты самъ-то ужъ не плачь — это мое дѣло! Что жъ тебѣ сказать? Ну — Богъ съ тобой!.. вотъ одно... что жъ еще?..

Андрей.

Ну, спасибо тебѣ, спасибо!.. Ангельская ты душа — вотъ что!.. а я... ну, прощай!.. (Быстро уходитъ въ дверь направо.)

Явленіе шестое.

Таня, потомъ Сыромятовъ.

Таня

(вслухъ Андрею, качая головой).

„Ангельская душа!“ На языкѣ-то у тебя медъ, а подъ языкомъ-то ледъ!.. Говоритъ: не брани ее, а кого жъ мнѣ бранить-то, какъ не ее? Она мое счастье-то отняла. (Входитъ Сыромятовъ.) Кто она такая, скажи ты мнѣ?

Сыромятовъ.

Ну какъ же! очень нужно тебѣ знать!.. Наблюдай свою амбицію... амбицію наблюдай!.. Смѣяться тебѣ надо ему въ глаза, а не плакать!..

Таня.

Не шутка вѣдь это... не засмѣешься... вѣдь я любила его...

Сыромятовъ.

Любила, такъ и плачь себѣ дома, а при людяхъ ронять себя намъ нейдетъ! Надо такъ изъ себя доказывать, что люди за нами гоняются, а мы ни за кѣмъ не погонимся!.. Сбирайся... пойдемъ!..

Таня.

Да ужъ пойдемъ, чего дожидать?.. (Надѣваетъ шляпу.)

Сыромятовъ.

Высоко, братъ Андрей, заносишься, но, однако, не ошибись! какъ бы голова не закружилась!.. Дерево-то по себѣ рубятъ, чтобъ подъ силу было!..

(Входитъ Настасья Петровна и Гаврила Пантелѣичъ.)

Явленіе седьмое.

Сыромятовъ, Таня, Настасья Петровна и Гаврила Пантелѣичъ.

Настасья Петровна.

Батюшки, что это?! Куда вы поднялись?

Сыромятовъ.

Завсегда такъ бываетъ-съ, что гости посидятъ, посидятъ, да и пойдутъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

И вправду, куда вы? Не гонимъ, кажется...

Сыромятовъ.

Покуда не гонятъ... а ждать этого самаго не желаемъ!.. (Раскланиваясь.) Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, чувствительно вамъ благодарны за вашу ласку... на угощеньи много довольны!.. Ну, и кажется, при всемъ томъ мы увидимся не скоро...

Гаврила Пантелѣичъ
(взглянувъ на жену).

Настасья?..

Настасья Петровна.

Не придумаю, что за оказія такая!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Да ты не комедію ль ломаешь?..

Сыромятовъ.

Наша комедія сейчасъ кончается, а будетъ у васъ своя, новая ... такъ и ожидайте ... Прощенья просимъ!..

Таня.

Прощайте! (Уходятъ.)

Явленіе восьмое.

Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелѣичъ (помолчавъ).

Настасья, говори, что у насъ такое?

Настасья Петровна.

Не знаю, Гаврила Пантелѣичъ, не придумаю!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Да что жъ, чортъ возьми, затменіе на насъ нашло, что ли? Гдѣ Андрей?

Настасья Петровна.

Не знаю, батюшка, Гаврила Пантелѣичъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Кто бѣлены-то объѣлся: мы или они?.. Я, кажется, ничего, въ полномъ разумѣ, не бросаюсь по стѣнамъ и вижу всѣхъ, какъ есть ... Ты кусаться не стала ли?

Настасья Петровна.

Да и я въ здравомъ разсудкѣ. Съ чего мнѣ?

Гаврила Пантелѣичъ.

Говори, выкладывай! Прячешь что-нибудь ... отъ васъ вѣдь сыры-боры возгораются!..

Настасья Петровна.

Не грѣши, Гаврила Пантелѣичъ! Я, видитъ Богъ, ничѣмъ не причинна ... и сама съ мыслями не сберусь, откуда взялось такое!.. (Входитъ Андрей.)

Явленіе девятое.

Тѣ же и Андрей.

Андрей.

Батюшка, и вы, матушка, долженъ я вамъ открыть свою душу, и ужъ судите меня, какъ вамъ Богъ на сердце пошлетъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, вотъ постой, что такое?..

Настасья Петровна.

Охъ, оборвалось сердечко-то, оборвалось!

Андрей.

Сыромятова Таня — моя невѣста; мы по любви сошлись и съ вашего благословенія, но только теперь мои чувства совсѣмъ другія ...

Гаврила Пантелѣичъ (про себя).

Вотъ у кого горячка-то, вотъ оно что!..

Андрей.

Теперь мои чувства совсѣмъ другія, которыя даже невозможно преодолѣть ...

Настасья Петровна.

Что ты, Богъ съ тобой, что ты?.. опомнись!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Парня лѣчить надо, а мы съ тобой смотримъ!.. На ногахъ человѣкъ, съ виду-то какъ и быть слѣдуетъ, а какой бредъ у него!..

Андрей.

Ежели вы считаете, что эти мои слова — бредъ, такъ ужъ этотъ бредъ мнѣ на всю жизнь... съ нимъ мнѣ и умирать надо!.. А я считаю, что я въ полномъ разумѣ и даже прошу вашего родительскаго благословенья!..

Настасья Петровна.

А какъ же Таня-то?.. нешто можно?.. Что ты, что ты?..

Андрей.

Съ Таней у меня объясненіе было... я ей во всемъ по душѣ открылся... Сколько я теперь за Таню страдаю, да можетъ и впередъ буду страдать — это только грудь моя знаетъ... Но дѣло это промежъ насъ кончено, нарушено и повороту нѣтъ-съ! (Гаврила Пантелѣичъ, пощипывая бороду, косится на сына.)

Настасья Петровна.

Ахъ, срамъ какой!.. и откуда это.. какимъ вѣтромъ нанесло?.. (Съ любопытствомъ.) Андрюша, кто жъ она такая? гдѣ нашелъ? изъ какихъ?..

Андрей.

Семейство хорошее, честное-съ, состояніе средственное, сирота, родитель померъ... живетъ съ маменькой... и такое мое къ ней чувство!..

Настасья Петровна.

Ахъ, ай, ай!.. ахъ, бѣда какая, бѣда какая!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Полоумная!.. васъ обоихъ вмѣстѣ на цѣпь-то посадить!.. Тутъ видимое дѣло: человѣка надо скорѣй водой... ушата два вылить, а она его разспрашиваетъ ... бобы съ нимъ разводитъ ...

Андрей.

Вся ваша воля ... но я не въ горячкѣ, не сумасшедшій ... я въ памяти...

Гаврила Пантелѣичъ.

Да когда-жъ эдакіе одержимые сами понимаютъ, что они съ ума сошли!.. Ихъ и уговаривать нечего ... а просто вязать ...

Андрей.

Не сумасшедшій я, очень даже далеко отъ этого.

Гаврила Пантелѣичъ.

А коли такъ, разговоръ у насъ съ тобой короткій будетъ: выкинь ты сейчасъ все это изъ головы — брось!.. Невѣста у тебя есть, и другой не будетъ. А этихъ твоихъ променадовъ я и знать не хочу, ты бы стыдился про нихъ и говорить родителямъ!.. А чтобъ поскорѣй конецъ всему этому сдѣлать — на будущей недѣлѣ у насъ свадьба будетъ! Вотъ тебѣ и сказъ!

Андрей.

Тамъ ужъ какъ вамъ угодно, а только той свадьбѣ не бывать-съ!

Гаврила Пантелѣичъ.

Какъ такъ? волѣ родительской противиться, законъ попирать!.. или ужъ нынче власть родительская ничего не значитъ?..

Андрей.

Я вамъ завсегда покорялся и завсегда буду по-

коряться; а это не такое дѣло-съ: это дѣло сердечное. Если у васъ есть власть приказать моему сердцу разлюбить, такъ я самъ прошу васъ, прикажите!.. Коли оно васъ послушаетъ, я очень радъ буду.

Гаврила Пантелѣичъ.

Да я твоего сердца и знать-то не хочу! Сердце!.. ишь, что выдумалъ!.. Нешто такъ родителямъ отвѣчаютъ?.. (Женѣ.) Говори ты съ нимъ, образумь его... а мнѣ васъ и видѣть-то противно!.. (Махнувъ руками, уходитъ.)

Явленіе десятое.

Андрей и Настасья Петровна.

Настасья Петровна (садясь къ столу).

Ахъ, Андрюша, что ты затѣялъ?..

Андрей

(садясь съ другой стороны)-

Маменька, да коли счастье мое, коли жизнь моя отъ того зависитъ, такъ не мѣшайте хоть вы-то!!.

Настасья Петровна.

А Таня-то... какая дѣвушка... какая жена-то была бы тебѣ!

Андрей.

Значитъ: не судьба! Что жъ дѣлать-то!

Настасья Петровна.

А эту-то ты знаешь ли? Какой характеръ у нея? да еще будетъ ли любить-то тебя?.. (Скороговоркой). А какъ зовутъ-то ее?..

Андрей.

Еленой.

Настасья Петровна.

Что жъ? ничего, имя хорошее! да подумай, Андрюша, дѣло большое, вѣковое!..

Андрей.

Да ужъ думано и передумано!.. Я сегодня хочу ѣхать руки просить ...

Настасья Петровна.

Сегодня! ахъ, батюшки!

Андрей.

И если будетъ отъ нея согласіе, такъ повѣрьте, что счастливѣй меня вы человѣка въ мірѣ не найдете! Хотите вы моего счастія?

Настасья Петровна.

Ну, буди воля Господня!..

Входитъ Гаврила Пантелѣичъ. Настасья Петровна и Андрей встаютъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Тѣ же и Гаврила Пантелѣичъ.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, урезонила хоть малость?

Настасья Петровна.

Да ужъ видно, Гаврила Пантелѣичъ ...

Гаврила Пантелѣичъ.

Что видно?.. Что видно-то?.. Я ничего покамѣстъ не вижу ...

Настасья Петровна.

Видно, что кому на роду написано, такъ ужь... нынче хочетъ ѣхать руки просить ...

Гаврила Пантелѣичъ.

Руки просить? Что жъ намъ теперь, родителямъ-то, какъ быть?.. Что дѣлать намъ подобаетъ, на его безуміе глядя?..

Настасья Петровна.

Не знаю, батюшка, Гаврила Пантелѣичъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Не знаешь? такъ я тебя научу? Вотъ первое: не умѣла ты своимъ бабьимъ, сорочьимъ языкомъ вразумить свое дѣтище, такъ прикуси твой языкъ — и молчать тебѣ навѣки!..

Настасья Петровна.

Слушаю, Гаврила Пантелѣичъ!

Гаврила Пантелѣичъ.

И не единаго чтобъ слова!

Настасья Петровна.

Молчу, молчу!..

Гаврила Пантелѣичъ.

А второе ...

Настасья Петровна.

Что второе-то?..

Гаврила Пантелѣичъ.

Второе-то: бери икону ...

(Андрей покорно опускаетъ голову.)

Настасья Петровна.

Ахъ, батюшка, Гаврила Пантелѣичъ! Ахъ, Андрюша родной!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Будь надъ нимъ Господне и наше благословеніе!.. Пущай, по крайности, коли онъ будетъ послѣ плакаться, такъ на себя, а не на насъ!.. Давай икону!..

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Дѣйствующія лица.

Бѣлугинъ, Андрей
Кармина, Нина Ал.
Кармина, Елена.
Агишинъ.
Человѣкъ Кармин.

Сцена — гостиная въ квартирѣ Карминой. Небольшая комната, небогато, но чисто меблированная; въ глубинѣ отворенная дверь въ залу; направо, въ углу, боковая дверь; на лѣвой сторонѣ два окна.

Явленіе первое.

Елена, одна, сидитъ въ креслѣ и перелистываетъ книгу, потомъ кладетъ книгу на столъ и подходитъ къ окну.

Елена.

Какая тоска невыносимая! Ни дѣла, ни мѣста не найду. Дни идутъ, тянутся какіе-то мертвые, какъ будто жизнь моя остановилась! Хотѣлъ вернуться черезъ двѣ недѣли, а вотъ ужъ скоро два мѣсяца, какъ его нѣтъ! Гдѣ онъ пропадаетъ? Какъ разлука развиваетъ и укрѣпляетъ страсть!.. Пока онъ былъ подлѣ меня, я не замѣчала, какъ сильна привязанность, я не замѣчала, что онъ мнѣ необходимъ!.. Но вѣдь мы и воздуха не замѣчаемъ кругомъ себя, а между тѣмъ безъ него жить нельзя — дышать нечѣмъ! Но что же онъ? Зачѣмъ онъ медлитъ? Робость въ немъ предполагать нельзя... то въ его словахъ страстность, то холодность и самое обыкновенное дешевое благоразуміе! Или это разсчетъ, тактика?.. Столько времени мы знакомы, и онъ для меня все-таки остается загадкой!.. Надо его вызвать, заставить объясниться!.. Да, нужно кончить это мучительное для меня недоразумѣніе... (Смотритъ въ окно.) Ахъ, милый Андрюша Бѣлугинъ!.. Вотъ это душа простая... ха-ха-ха! и что-то въ рукахъ держитъ! А какой у него рысакъ... вотъ прокатиться бы!.. (Садится къ столу и беретъ книгу. Входитъ Андрей Бѣлугинъ, во фракѣ, въ рукахъ большой букетъ.)

Явленіе второе.

Елена и Андрей Бѣлугинъ.

Елена (шутя).

И безъ доклада?

Андрей (сконфузясь).

Виноватъ-съ!.. я... вотъ какое невѣжество!

Елена (смѣется).

Ну, да бѣда небольшая! (Встаетъ и подаетъ руку.) Здравствуйте!

Андрей.

Ваше здоровье, Елена Васильевна?

Елена.

Какъ нельзя лучше! (Указывая на цвѣты.) А это что такое?

Андрей (подавая цвѣты).

Позвольте вамъ поднести, Елена Васильевна!

Елена.

Что вамъ за фантазія пришла?

Андрей.

Такъ, желательно было-съ... Не откажите принять...

Елена (беретъ).

Mérci!.. прелесть какой букетъ! (Садится и нюхаетъ.) Гдѣ вы достали?

Андрей.

Да помилуйте... да гдѣ угодно-съ! Нешто рѣдкость какая!

Елена.

Да, конечно, для васъ все не рѣдкость... садитесь же!

Андрей.

Нѣтъ-съ, ни сидѣть... ни стоять!.. а бѣжать бы куда-нибудь безъ оглядки!..

Елена.

Вотъ странное настроеніе! Вы не знаете, Агишинъ... онъ не пріѣхалъ еще изъ Петербурга?..

Андрей.

Чѣтъ-съ... Что мнѣ?.. я не знаю-съ...

Елена.

Ну, а съ вами что такое случилось?..

Андрей.

Такъ, вдругъ-съ... такое расположеніе бываетъ, что всѣ мысли перепутаны и точно въ туманѣ!..

Елена.

А можно спросить о причинѣ? „Такъ вдругъ“... Да вѣдь отъ-чего нибудь это нашло на васъ!

Андрей.

Пущай же цвѣты вамъ это скажутъ!..

Елена.

Цвѣты? они молчатъ... только хорошо пахнутъ.. свѣжіе!..

Андрей.

Нѣтъ-съ... они говорятъ...

Елена.

Очень тихо, значитъ... я не слышу!..

Андрей.

Они говорятъ-съ, говорятъ про любовь того человѣка, который, можетъ, самый несчастный!..

Елена.

Не понимаю!..

Андрей.

И нельзя вамъ понять-съ: у васъ все будто, какъ шутка, вы все смѣетесь... но вамъ шутить можно,

а мнѣ нельзя-съ: пришло то самое время, когда надо эту шутку кончить!..

Елена.

Ахъ, говорите яснѣй!..

Андрей.

Елена Васильевна, всего два слова: моя любовь — не шутка... не шутка-съ: тутъ вся моя жизнь въ ней-съ! Елена Васильевна, у меня все рѣшено-съ, и теперь я вашей руки прошу-съ... Отвѣчайте мнѣ, Елена Васильева... прямо отъ души... и прошу васъ сію минуту-съ... ждать мнѣ, по моимъ чувствамъ, никакъ невозможно-съ! (Смотритъ въ окно. Елена наклоняется къ букету.)

Елена (какъ бы про себя).

Вотъ неожиданность!

Андрей.

Ежели я сказалъ глупость, оскорбилъ васъ, такъ прямо и говорите... и больше вы меня не увидите!..

Елена (помолчавъ).

А давно вамъ это въ голову пришло?

Андрей.

А съ той самой минуты, какъ я васъ увидѣлъ-съ! У меня была и невѣста, но это дѣло я покончилъ; теперь только вашъ отвѣтъ-съ..

Елена.

Но вы зависимы... вы принадлежите своему кругу... у васъ свой особый міръ, а я выросла и образовалась совершенно въ другой сферѣ; у меня свои привычки, вкусы, стремленія и передѣлаться не могу!

Андрей.

Зависимости у меня нѣтъ-съ: я имѣю собственный капиталъ отъ бабушки и живу совсѣмъ отдѣль-

но отъ родителей; а въ отношеніи того, что вы говорите, я принадлежу чему-то... такъ этого нѣтъ-съ... а я буду принадлежать только той особѣ... кого я люблю-съ!..

Елена.

Но послушайте... у меня дурной характеръ; я капризна, иногда просто зла и никому и ничего не уступаю, если вздумаютъ меня стѣснять! И мало ли какія мнѣ могутъ придти фантазіи: вдругъ мнѣ все надоѣстъ... я захочу себѣ свободы... полной свободы...

Андрей.

Ну, и что же-съ?.. и все это какъ вамъ угодно-съ, я на все готовъ... Мнѣ ничего не нужно-съ... окромя... ну, чтобы вы, чтобы я могъ назвать васъ!..

(Елена задумчиво нагибается къ цвѣтамъ и вдругъ громко смѣется.)

Елена.

Простите, я совсѣмъ о другомъ: мнѣ пришла въ голову одна такая смѣшная вещь!..

Андрей (со вздохомъ).

Да-съ, я такъ и понимаю, что это не ко мнѣ, потому смѣяться теперь надо мною... грѣхъ!.. Уже это надо совсѣмъ никакой души не имѣть!..

Елена.

Нѣтъ, право же, нѣтъ! я не такая дурная! а, право, совсѣмъ другое мнѣ пришло... Ну, хорошо! Дайте мнѣ одной немного подумать, и я скажу вамъ!.. а вы ступайте, ну, прокатитесь... Чрезъ часъ вы узнаете!..

Андрей.

Только какъ мнѣ этотъ часъ дологъ покажется!..

Елена.

А вы съѣздите въ кондитерскую, привезите мнѣ

конфектъ... вотъ вы и не увидите, какъ время пройдетъ!.. Да не будьте такъ серьезны... я не люблю серьезныхъ!..

Андрей.

Такъ до свиданья-съ! Со всѣмъ трепетомъ!..

(Идетъ.)

Елена (провожая его до двери).

Ахъ, безъ трепета, пожалуйста!

(Андрей уходитъ.)

Елена.

Ха, ха, ха! Я купчиха Бѣлугина! Ха, ха, ха... пышная, разряженная, съ своимъ Андреемъ Гавриловичемъ рядомъ, въ роскошной коляскѣ, на рысакахъ... Ха, ха, ха... молодые Бѣлугины!.. Помните Эленъ Кармину? это она! Ха, ха, ха... И разговоры... злыя насмѣшки, изъ-подъ которыхъ такъ и сквозитъ зависть!.. Вотъ новость, вотъ событіе!..

(Входитъ Нина Александровна.)

Явленіе третье.

Елена и Нина Александровна.

Нина Александровна (замѣтя цвѣты).

Какой букетъ! Кто это?..

Елена.

Женихъ!

Нина Александровна.

Что ты говоришь? Какой женихъ?..

Елена (смѣется).

Право, мама!..

Нина Александровна.

Лена, что тебѣ за охота мучить меня?

Елена.

André Béloughin сдѣлалъ сейчасъ мнѣ предложеніе!

Нина Александровна.

Лена, неужели? да нѣтъ, ты шутишь?..

Елена.

Не вѣришь? Ха, ха, ха... что жъ, тутъ удивительнаго?

Нина Александровна.

Ну, конечно, ты шутишь, и больше ничего!

Елена.

Нѣтъ, нисколько! Я — невѣста, мамаша... я приняла предложеніе.

Нина Александровна.

Лена, перестань; пожалѣй мои нервы.

Елена.

Повѣрь же, наконецъ! (Обнимаетъ мать.) Мама, а развѣ плохо жить на свѣтѣ купчихѣ Бѣлугиной?

Нина Александровна.

Да, можетъ быть, ей и очень хорошо жить, но ты — не купчиха Бѣлугина, ты не должна была, ты не могла принять этого предложенія!.. фи!..

Елена.

Ну, разумѣется, я не пойду за него ни за что на свѣтѣ! Но позвольте же мнѣ хоть помечтать о богатствѣ и посмѣяться... Этого смѣха, мама, намъ надолго хватитъ. (Уходитъ.)

Нина Александровна.

Какіе, право, нынче эти люди смѣлые стали! Ну, какъ это возможно!..

(Входитъ Агишинъ.)

Явленіе четвертое.

Нина Александровна и Агишинъ.

Нина Александровна.

Ахъ, Николай Егорычъ! ахъ, какъ неожиданно! Ну, слава Богу! А ужъ мы надумались о васъ... здравствуйте, здравствуйте, наконецъ-то! Ну, какъ вы съѣздили, благополучно?

Агишинъ.

Очень благополучно. Какъ ваше здоровье?

Нина Александровна.

Да все нервы, по обыкновенію... рѣшительно покоя не даютъ!

Агишинъ.

Здоровье Елены Васильевны?

Нина Александровна.

Она у меня цвѣтетъ! А я, повѣрите ли, вотъ увидала васъ, вдругъ, ну, и вся какъ разбитая! Да садитесь же!

Агишинъ (садясь.)

Нехорошо, Нина Александровна.

Нина Александровна.

Да ужъ что хорошаго...

Агишинъ.

А знаете ли вы, отчего это у васъ? отъ дурного воспитанія.

Нина Александровна.

Ахъ, что вы, что вы!.. мое воспитаніе было отличное!

Агишинъ.

Нѣтъ, дурное, сентиментальное! излишнее развитіе возвышенныхъ чувствъ въ ущербъ разсудку, страстные порывы къ идеальному. А такъ какъ въ

жизни-то все реальное, идеальнаго ничего нѣтъ — вотъ и пойдутъ разочарованія, разстройство нервовъ; да этого еще мало: семейныя драмы, разбитыя жизни! Вотъ гдѣ источникъ-то мигреней, Нина Александровна, въ возвышенныхъ чувствахъ!..

Нина Александровна.

Васъ слушай только, такъ вы наскажете!

Агишинъ.

Если бъ въ дѣвушкахъ развивали побольше разсудокъ и трезвый взглядъ на вещи, такъ повѣрьте, что онѣ были бы счастливѣе и ужъ навѣрное здоровѣе!

Нина Александровна.

Со мною-то вы что хотите говорите, только ужъ дочери, пожалуйста, этихъ мыслей...

Агишинъ.

Нина Александровна, если вы желаете счастія Еленѣ Васильевнѣ, такъ учите ее брать отъ жизни только то, что она даетъ, и не мечтать объ идеалахъ.

Нина Александровна.

Какъ привяжется мигрень! Да вотъ Лена идетъ, а я ужъ, извините, отдохну пойду. (Уходитъ. Входитъ Елена.)

Явленіе пятое.

Агишинъ и Елена.

Елена.

Боже! вы здѣсь, а я и не знаю, маменька и не скажетъ!

Агишинъ (горячее рукопожатіе).

Да, я давно уже...

Елена.

Когда вы изъ Петербурга?

Агишинъ.

Вчера утромъ.

Елена.

Какъ же вы смѣли такъ долго не являться?

Агишинъ.

Не притворяйтесь строгою; вѣдь я не повѣрю, чтобы мое отсутствіе было очень замѣтно для васъ!

Елена.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я ужасно хандрила все это время, не съ кѣмъ слова сказать? Что вы тамъ дѣлали?

Агишинъ.

У меня умерла тамъ какая-то тетушка... Что-то оставила, нужно было получить... но, къ моему сожалѣнію, вышло очень немного!..

Елена.

Я думала, что вы гдѣ-нибудь за океаномъ.

Агишинъ.

Какъ здоровье ваше?

Елена.

Я говорю вамъ, что хандрю!

Агишинъ.

Безъ причины?

Елена.

Я сама не знаю, что со мною... тоска, чѣмъ-то недовольна, куда-то рвусь!

Агишинъ.

Полнота, избытокъ силъ! Вы, какъ роскошная весенняя природа, которая послѣ ясной погоды вдругъ

хмуриться начинаетъ; нужна гроза, хоть небольшая, чтобы разрядить накопившееся электричество.

Елена.

Вы думаете?

Агишинъ.

Ахъ, что мой Андрюша? бываетъ онъ у васъ?

Елена.

Очень часто... онъ смѣшитъ... онъ меня ужасъ смѣшитъ!

Агишинъ.

Влюбленъ, я думаю, да еще какъ влюбленъ! не то, что мы!..

Елена.

А какъ же?

Агишинъ.

А какъ влюбляются люди необразованные: отъ всей души, то-есть отъ всей своей первобытной дикости! А кстати, какъ вы смотрите на него?

Елена.

Онъ — ничего, такъ себѣ, русскій молодецъ... кажется, добрый и нѣжный человѣкъ. Я вѣдь сужу его по его же словамъ; онъ мнѣ всю свою душу открываетъ.

Агишинъ.

Да-съ, и вотъ этотъ Андрюша — милліонеръ: по завѣщанію бабушки имѣетъ свой огромный капиталъ, да къ тому жъ еще единственное и любимое чадо у своихъ богатыхъ родителей. А какая нѣжность, какая деликатность чувствъ! Явленіе замѣчательное въ настоящее время...

Елена.

Я его не разберу — что онъ: глупъ или юнъ еще очень?

Агишинъ.

Пороху онъ, конечно, не выдумаетъ, а поразовьется, такъ будетъ человѣкъ какъ слѣдуетъ, для домашняго обихода, разумѣется! Вообще, этотъ Андрюша — драгоцѣнность; онъ очень удобенъ.

Елена.

Для кого?

Агишинъ.

Для жены, для женщины, которая сумѣетъ понять, какъ дорога, при полномъ довольствѣ, полная свобода и независимость! Благоразумная дѣвушка едва ли оттолкнетъ его!

Елена.

Знаете ли, вѣдь онъ, голубчикъ, влюбленъ въ меня безъ ума, безъ памяти!

Агишинъ.

Иначе и быть не могло! Если его страсть шла crescendo, она должна дойти до геркулесовыхъ столбовъ. Съ перваго раза, какъ онъ увидалъ васъ, такъ и обомлѣлъ!

Елена.

Ну, такъ я вамъ еще новость скажу: онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе сегодня, не болѣе получаса тому назадъ!..

Агишинъ.

Браво, Андрюша, браво! Что же вы ему?

Елена.

Я отъ хохота говорить не могла.

Агишинъ.

Каковъ Андрюша? Молодецъ, право, молодецъ!..

Елена.

Вообразите, передъ вами купчиха Бѣлугина! Ха, ха, ха!

Агишинъ.

Я въ этомъ ничего не нахожу смѣшного; да я думаю, и всякій тоже, кто желаетъ вамъ добра. Но съ чѣмъ же онъ ушелъ отъ васъ?

Елена.

Ему сказано, что подумаютъ, какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ. Но довольно объ этомъ! Разскажите что-нибудь о себѣ: что вы тамъ видѣли въ Петербургѣ? тамъ, говорятъ, очень много хорошенькихъ женщинъ... тамъ у васъ есть и знакомыя; помните, вы говорили о какихъ-то двухъ дамахъ, которыми вы интересовались?

Агишинъ.

Видѣлъ и ихъ; но одна изъ нихъ непомѣрно толстѣетъ, много спитъ и начинаетъ очень сладко поглядывать на своего супруга, а другая худѣетъ до невозможности...

Елена.

Значитъ, вамъ было не очень весело?..

Агишинъ.

За кого жъ вы меня принимаете? Неужели вы думаете, что у меня въ жизни, кромѣ забавы, ничего нѣтъ? что я порхаю, какъ мотылекъ, и ни въ груди, ни въ головѣ не таю, не берегу ничего серьезнаго?

Елена.

Я вѣдь васъ не знаю, я сужу по вашимъ же словамъ.

Агишинъ.

Да я и не спорю съ вами; прежде, можетъ быть, я и былъ таковъ, но не теперь!

Елена.

А теперь что же?

Агишинъ.

Въ эту поѣздку я убѣдился, что у меня на душѣ что-то неладно! Повѣрите ли, я въ первый разъ въ жизни мучительно ощутилъ чье-то отсутствіе и страдалъ? Чувство странное, тревожное... Передо мной носился, меня преслѣдовалъ женскій образъ; онъ занялъ мой мозгъ, всю мою душу!..

Елена.

Но позвольте спросить: кто же та женщина или дѣвушка?

Агишинъ.

Она? да, она — дѣвушка...

Елена.

Такъ вѣдь она можетъ быть вашей!..

Агишинъ.

Боже мой! да смѣю ли я, нищій, нищій, мечтать о такомъ счастьѣ! Что я могу? Втиснуть ее въ жалкую будничную рамку жизни, сдѣлать женой, нянькой, экономкой и загубить, загубить созданье, въ которомъ все прелестно, все изящно, все музыка... и переселить ее въ кухню!.. Да и я, я самъ, люблю изящество во всемъ! Я самъ артистъ! Обладаніе обожаемой женщиной я не могу себѣ иначе и представить, какъ въ роскошной обстановкѣ, какъ...

Елена (тихо).

Продолжайте...

Агишинъ.

Ахъ! есть голубой Неаполитанскій заливъ, есть Сорренто...

„Тамъ голубыя небеса
„И фіолетовыя горы"

Тамъ жизнь, тамъ рай; не даромъ Италію такъ любятъ поэты...

Елена.

Значитъ, у васъ надежды нѣтъ?

Агишинъ.

Надежда? Какая во мнѣ надежда!.. Во мнѣ — бѣшенство! Я готовъ на все, на всякія жертвы, чтобы только вырвать эту страсть изъ души! Но уже невозможно, ужъ поздно!.. (Молчаніе.) Одну, одну мечту могу еще я лелѣять въ душѣ своей...

Елена (почти шопотомъ).

Какую, какую?

Агишинъ.

Пусть она принадлежитъ другому!

Елена (какъ уколотая).

Ай!..

Агишинъ.

Да, пусть она принадлежитъ другому, но пусть она оставитъ въ душѣ своей хоть маленькій уголокъ, гдѣ бы я, страдалецъ, могъ найти для себя отдыхъ, примиреніе съ жизнью, освѣженіе! Эта интрига потребуетъ отъ нея, конечно, маленькой сдѣлки съ своей совѣстью...

Елена.

Но если сдѣлка съ совѣстью, такъ ужъ это не маленькій уголокъ!

Агишинъ.

Но и эта мечта моя разлетается, какъ дымъ! Нѣтъ, она еще слишкомъ идеальна; для нея обыкновенная житейская исторія, которую мы видимъ на каждомъ шагу, можетъ показаться чѣмъ-то ужаснымъ, чудовищнымъ; самая сладость, изящество утонченнаго наслажденія, можетъ ей показаться даже преступнымъ... ей представятся фуріи, эвмениды, которыя будутъ преслѣдовать ее до конца жизни!..

Елена.

Но кто же она?

Агишинъ.

И вы спрашиваете? вы не знаете? Неужели вы ждете отъ меня, чтобы я назвалъ по имени? Нужно ли?

Елена.

Нѣтъ, не нужно!..

Агишинъ.

И вотъ, чтобы заморить, задушить эту страсть, я ѣду въ провинцію, поступлю гдѣ-нибудь на службу, куда-нибудь подальше!

Елена.

И надолго?

Агишинъ.

На два, на три года, почемъ я знаю? пока уляжется все, успокоится въ душѣ, пока овладѣю собой!.. Однако, прощайте! Вамъ нужно подумать надъ роковымъ для человѣка отвѣтомъ, вѣдь и Андрей — тоже человѣкъ!.. А мнѣ... у меня горитъ голова, мнѣ нуженъ воздухъ!..

Елена (рѣшительно).

Пріѣзжайте сегодня, пріѣзжайте! Я васъ прошу я вамъ приказываю!

Агишинъ.

Хорошо; если вамъ угодно, заѣду; я сдѣлаю одинъ визитъ неподалеку. До свиданья! (Подаетъ руку Еленѣ.) Какая рука... какое теплое, энергическое пожатіе! Не бѣгайте отъ счастія... бросьте предразсудки, берите отъ жизни все, что она можетъ дать вамъ!.. Не бѣгайте отъ счастія!.. (Уходитъ.)

Елена.

Ой, какъ сердце бьется! Что за день для меня!

И сейчасъ пріѣдетъ Андрей... (Молчаніе.) Значитъ, сдѣлка съ совѣстью?.. Такъ, что ли? Ахъ! (Садится.) Но что жъ это со мной? Я въ первый разъ въ жизни какъ будто начинаю двоиться. Я сильна и смѣла, я готова на эту обольстительную сдѣлку съ совѣстью; но и совѣсть вступаетъ въ свои права, я ощущаю нравственное паденіе и немножко презираю себя!.. Но вѣдь это слабость, слабость! Онъ называетъ это слабостью; онъ, единственный авторитетъ для меня, онъ... называлъ это слабостью! Такъ это слабость и есть! Нѣтъ, рѣшено! кончено, надо брать отъ жизни то, что она даетъ... а то послѣ жалѣть, плакать будешь!.. Ахъ, какъ неясно, какъ темно все въ головѣ! Ну, такъ пускаться... а тамъ ужъ что выйдетъ — рѣшитъ сама жизнь!..

(Входитъ Нина Александровна.)

Явленіе шестое.

Елена и Нина Александровна.

Нина Александровна.

Лена, ну что же ты... ты только все смѣялась?!. Нужно же ему отвѣтъ какой-нибудь дать!

Елена.

Мама... я иду... иду за него.

Нина Александровна.

Лена, Боже!.. что ты!..

Елена.

Что же, мама... это для меня партія хорошая. Чего жъ ждать-то? Мы живемъ на послѣднее, изо дня въ день, а впереди намъ грозитъ нищета! Ни къ физическому, ни къ умственному труду я не способна — я не такъ выросла, не такъ воспитана. (Со слезами.) Я хочу жить, мама, жить, наслаждаться!

такъ лучше вѣдь идти за Андрюшу, чѣмъ весь свой вѣкъ сидѣть въ бѣдномъ углѣ съ безсильной злобой на людей.

Нина Александровна.

Не наша сфера, мой другъ; ихъ дикая жизнь, дикіе нравы... Что заговорятъ!..

Елена.

Да что намъ за дѣло до разговоровъ? Будемъ выше предразсудковъ! Зато жизнь можно устроить, какъ хочется, средствъ будетъ много!

Нина Александровна.

Можешь ли ты хоть когда-нибудь полюбить его?

Елена.

Я, мама, постараюсь привыкнуть къ нему!

Нина Александровна (со слезами).

Лена, Лена! И ты рѣшаешься! Твой умъ, красота — и кому?..

Елена (обнимаетъ и цѣлуетъ мать).

Что ты, мама! Не плачь! Да теперь-то мой умъ и красота и найдутъ себѣ мѣсто! Посмотри, какъ я заживу богато, а сколько у меня будетъ блестящихъ поклонниковъ! Какой выборъ будетъ!..

Нина Александровна.

Я могу только молиться, горячо молиться за твое счастье!..

Елена.

Ну, полно же, мама, прочь эти слезы!..

Нина Александровна.

Вотъ до чего доводятъ обстоятельства! Въ другомъ положеніи я не допустила бы и мысли, чтобы ты... моя Лена... мое безцѣнное сокровище...

Елена.

Ну, пойдемъ, пойдемъ, успокойся.

(Уходятъ. Входитъ Андрей.)

Явленіе седьмое.

Андрей (одинъ).

Андрей.

Однако, никого нѣтъ. Я, кажется, мѣшаться въ умѣ начинаю, помаленьку... потому пѣсня какая-то лѣзетъ въ голову совсѣмъ не къ мѣсту! (Подходитъ къ окну.) Вонъ Илья сидитъ на козлахъ, кулекъ шампанскаго держитъ; вонъ сѣрый что-то вздрагиваетъ, ушами поводитъ. Эхъ, сѣрый, куда-то ты помчишь меня отсюда!

(Входятъ Нина Александровна и Елена.)

Явленіе восьмое.

Андрей, Нина Александровна и Елена.

Нина Александровна.

Здравствуйте, Андрей Гаврилычъ! (Садится. Елена останавливается, прислонясь къ стѣнѣ.) Садитесь, прошу васъ!

Андрей.

Нѣтъ-съ, я ужъ... я такъ-съ!

Нина Александровна.

Вы сдѣлали предложеніе моей дочери?

Андрей.

Такъ точно-съ, потому любовь моя къ Еленѣ Васильевнѣ...

Нина Александровна.

Она такъ еще молода; но я — не такая мать, чтобы принуждать. Воля ея... я люблю Лену, она

одна только привязываетъ меня къ жизни... (Слезы.) Она, ея счастье... Я прошу небо!..

Андрей.

Нина Александровна, желательно слышать ваше слово-съ...

Нина Александровна.

Пусть она сама!

Елена.

Я согласна...

Андреи (дѣлаетъ шагъ, вскрикивая).

Елена Васильевна, вѣрить ли-съ?

Елена (съ улыбкой).

Я согласна!

Андрей

(бросается и цѣлуетъ руку Нины Александровны).

Нина Александровна! Такое для меня счастье!..

Нина Александровна.

Я отдаю вамъ все, что имѣю дорогого!

Андрей.

Дорогого-съ!.. Такъ и блюсти будемъ, какъ самое дорогое. Кто теперь счастливѣй-то меня на свѣтѣ?

Елена (шутливо).

Найдется кто-нибудь!

Андрей (цѣлуетъ руку Елены)

Невозможно-съ! Брошусь, право, брошусь съ колокольни съ какой-нибудь!

Елена.

Ну, тогда и свадьба наша не состоится.

Андрей.

Цѣлъ останусь, невредимъ, не безпокойтесь!

Нина Александровна, позвольте же по-русски, съ бокалами-съ.

Нина Александровна.

Да у насъ ничего нѣтъ, такъ неожиданно!

Андрей.

У насъ есть въ запасѣ очень достаточно. (Бросается въ залу.)

Нина Александровна.

Лена, а ты меня оставишь одну?..

Елена.

Тебя, мама, никогда! Ты со мной, это будетъ первое условіе!

Нина Александровна (цѣлуетъ дочь).

Дитя мое, дорогая моя!

(Андрей возвращается и за нимъ человѣкъ съ подносомъ, на которомъ бутылка шампанскаго и бокалы.)

Андрей.

Нина Александровна, прошу васъ, за наше будущее! (Беретъ бокалъ.)

Нина Александровна
(встаетъ и беретъ бокалъ).

Будьте счастливы! Берегите ее!..

Андрей.

Объ этомъ ужъ не извольте безпокоиться!

(Чокаются. Нина Александровна немного отпиваетъ, ставитъ бокалъ и садится.)

Андрей.

Елена Васильевна, теперь нашъ-съ!..

(Елена беретъ, чокаются и пьютъ.)

Елена.

Хорошее вино.

Андрей.

Ничего-съ: вино, какъ вино! А только какъ будто это одна шутка, все мнѣ кажется.

Елена.

Да и вся жизнь — шутка! Шутя люди живутъ и умираютъ. (Входитъ Агишинъ.)

Явленіе девятое.

Тѣ же и Агишинъ.

Андрей.

Вотъ онъ, какъ разъ! (Бросается и хватаетъ Агишина въ объятія.) Николай Егорычъ, голубчикъ, чудеса! Поздравь, выпей!

Агишинъ (беретъ бокалъ).

Выпить я выпью, а съ чѣмъ и кого поздравить прикажете?

Нина Александровна.

Поздравьте жениха и невѣсту.

Агишинъ (холодно).

Поздравляю васъ, Елена Васильевна и Андрей Гаврилычъ! (Пьетъ и ставитъ бокалъ.)

(Человѣкъ уходитъ въ залу.)

Андрей.

Да, вотъ какъ, Николай Егорычъ! (Обнимаетъ Агишина.) Другъ ты мнѣ, другъ единственный и навѣки. Ты всему моему счастью — главная причина; ты мнѣ первый указалъ Елену Васильевну, ты же меня и познакомилъ съ ними! Я этого вѣкъ не забуду! А вотъ мы съ тобой сейчасъ за здоровье Елены Васильевны снова выпьемъ. Для такого случая и новое вино нужно, свѣжее; а это ужъ выдохлось. (Уходитъ въ залу.)

Агишинъ (съ презрительной улыбкой).

Онъ счастливъ, какъ глупый школьникъ.

Нина Александровна.

Николай Егорычъ, не осуждайте насъ.

Агишинъ.

Какъ я смѣю осуждать васъ! и за что? Вы становитесь выше общественныхъ предразсудковъ, вы, для счастья дочери, смѣло идете навстрѣчу пересудамъ и осужденіямъ! Я долженъ только удивляться вашему уму и геройству Елены Васильевны...

Елена.

Это не геройство!

Агишинъ.

Такъ что же?

Елена (тихо).

Это сдѣлка съ совѣстью, о которой вы говорили! Я не хочу пропускать случая и хочу взять отъ жизни свое, что она можетъ дать мнѣ.

Агишинъ (тихо).

И отворить двери рая тому, кто такъ долго томится у ихъ порога!

(Входитъ Андрей, за нимъ человѣкъ съ бутылкой шампанскаго и двумя стаканами на подносѣ.)

Андрей (Агишину).

Теперь мы съ тобой выпьемъ, по душѣ... безъ фальши, какъ друзья, какъ братья, за дорогое безцѣнное здоровье Елены Васильевны!

Агишинъ (беретъ стаканъ).

Пусть золотая жизнь ваша, Елена Васильевна, всегда играетъ, какъ это вино! (Пьетъ.)

Андрей (беретъ стаканъ).

Я говорить не умѣю; но пусть жизнь моя вамъ

покажетъ, сколь душевно я люблю васъ, и что нѣтъ того на свѣтѣ....

Агишинъ.

Сбился. Андрюша.

Андрей (сквозь слезы).

Постой! И нѣтъ того въ мірѣ, какъ Богъ святъ, что бъ я не сдѣлалъ, чтобы хоть малость заслужить любовь вашу....

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Дѣйствующія лица.

Бѣлугинъ, Г. П.
Бѣлугина, Н. П.
Бѣлугинъ, Андрей.
Кармина, Нина Ал.
Кармина, Елена.
Агишинъ.
Человѣкъ Кармин.

Небольшая семейная комната въ квартирѣ Карминыхъ. Двѣ боковыя двери: одна налѣво отъ актеровъ, въ гостиную, другая направо, во внутреннія комнаты; мебель мягкая, обитая французскимъ ситцемъ; съ правой стороны такой же маленькій диванчикъ и круглый столъ. Вечеръ, на столѣ свѣчи.

Явленіе первое.

Нина Александровна (сидитъ въ задумчивости и нюхаетъ спиртъ). **Елена** (въ длинной батистовой юбкѣ, въ кружевной кофтѣ, уже совсѣмъ причесанная, лицо осыпано пудрой, входитъ изъ двери справа).

Елена.

Что ты, мама? Что съ тобой? Опять нервы?

Нина Александровна.

Ахъ, я себя браню, я очень глупо поступила.

Елена.

Какъ, что такое?

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, назвала гостей, и старики Бѣлугины будутъ... Ужъ коли звать гостей, такъ надо было хоть занять денегъ, да...

Елена.

Да балъ задать?..

Нина Александровна.

Балъ не балъ, а все же надо было приличный вечеръ сдѣлать... Наговорили всѣмъ, что выдаю дочь за милліонера, всѣ пріѣдутъ въ ожиданіи чего-то особеннаго... А что у насъ?

Елена.

Ну, вотъ мы имъ этого милліонера и покажемъ. Чего жъ еще?..

Нина Александровна.

У тебя все шутки, а мнѣ, право, такъ неловко, такъ непріятно!

(Входитъ Андрей Бѣлугинъ во фракѣ, въ рукахъ шляпа, въ которой два бархатные футляра.)

Явленіе второе.

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Елена.

Скажите, пожалуйста!.. онъ безъ церемоніи, прямо...

Андрей.

Ничего-съ...

Елена.

Куда вы? Подите вонъ! Сюда безъ спроса не ходятъ!

Андрей.

Ничего-съ...

Елена.

Рано, рано еще, видите, я не одѣта!

Андрей.

Это для насъ ничего-съ.

Елена.

Для васъ ничего, да для меня...

Андрей.

И для васъ ничего, потому я въ другую сторону смотрѣть буду.

Нина Александровна.

Ахъ, какой онъ милый!..

Елена.

Ну, что вамъ надо?

Андрей.

Дѣло есть спѣшное; я вчера забылъ-съ. (Ставитъ шляпу на столъ. Нина Александровна съ любопытствомъ заглядываетъ въ нее.) Можетъ, деньги нужны-съ?..

Нина Александровна.

Нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ особенно нужны были...

Андрей.

Вы извините, я не съ тѣмъ, чтобъ-съ... Всяко бываетъ-съ... Тамъ особенно или неособенно!.. Ну, тамъ фрукты, али вино, али что другое-съ, только чтобъ самое рѣдкое-съ, чего на свѣтѣ не бываетъ!.. Вотъ двѣ тѣневыхъ. (Нина Александровна подходитъ къ нему, онъ даетъ двѣ сторублевыя ассигнаціи.) И, пожалуйста, не жалѣйте-съ... Если еще что понадобится, такъ только одно слово!

Елена.

Мама, ну, вотъ.

Нина Александровна.

Taisez-vous!

Елена.

Faites vos préparatifs sans tarder!

Нина Александровна.

A l'instant!.. Какой онъ милый!.. (Андрею.) Напрасно вы безпокоитесь; но все-таки это не лишнее, и я вамъ очень благодарна. Какой онъ милый, Лена!.. (Уходитъ, заглянувъ еще въ шляпу.)

Явленіе третье.

Елена и Андрей.

Елена.

Ну, уходите же! Мнѣ стыдно.

Андрей.

Нѣтъ, какъ уходить-съ! (вынимаетъ бумажникъ и достаетъ изъ него билеты.) Это вотъ вамъ, Елена Васильевна, приданое-съ, чтобы не сказали... (Подаетъ билеты Еленѣ.)

Елена.

Что такое?

Андрей.

Билеты, именные, ваши-съ!

Елена.

На что мнѣ они, что мнѣ съ ними дѣлать?

Андрей.

Да что вамъ угодно. Тутъ семьдесятъ-пять тысячъ.

Елена.

Такъ много!.. Нѣтъ, нѣтъ, я не возьму!

Андрей.

Что за много-съ!.. Вы меня обижаете-съ!.. Неужели я семидесяти-пяти тысячъ не стою? Да мнѣ давали за невѣстами по сту тысячъ и больше, да я не бралъ, а у васъ только семьдесятъ-пять-съ!

Елена.

Нѣтъ, мнѣ страшно, я боюсь.

Андрей.

Это отъ непривычки обращаться съ этимъ товаромъ; а мы такъ ихъ пошвыриваемъ довольно равнодушно. (Беретъ руку Елены и вкладываетъ билеты.) Чего ихъ бояться-съ? Положите ихъ: они будутъ лежать смирно, ни шумѣть, ни бунтоваться не будутъ, а, въ случаѣ надобности, сослужатъ вамъ службу, какую прикажете... Не лишнее-съ.

Елена.

Мнѣ кажется, что я отнимаю у васъ, лишаю васъ чего-то, обижаю васъ!

Андрей.

Не сумлевайтесь, не обидите! У насъ, купцовъ, все разсчетъ, и обидѣть насъ-таки довольно мудрено. Это только мой годовой доходъ, барышъ, прибыль, значитъ-съ; а капиталъ — онъ въ неприкосновенности.

Елена.

Какой вы добрый и благородный человѣкъ!

Андрей.

Да что такое, помилуйте-съ! (Достаетъ изъ шляпы футляръ и подаетъ Еленѣ.) Деньги — это само самой-съ, то ваше собственное, про то и говорить нечего; а это прошу принять, какъ подарокъ отъ жениха-съ!

Елена (раскрывъ футляръ).

Ахъ, браслетъ, звѣзды, брилліанты!

Андрей.

Вотъ извольте надѣть сегодня, при свѣчахъ-то они и заиграютъ.

Елена.

Но зачѣмъ такъ много брилліантовъ! Вѣдь это очень дорого.

Андрей.

А себя-то вы что жъ дешево цѣните! По-моему, такъ для васъ дорогого ничего нѣтъ-съ! Вѣдь и брилліанту мѣсто нужно. Ну, что онъ значитъ въ магазинѣ, въ футлярѣ? Да другая и надѣнетъ, такъ ни красы, ни радости, только на брилліанты и смотрѣть, а не на нее; а коли на васъ брилліанты, такъ они сами радуются; не они васъ красятъ, а вы имъ цѣны придаете.

Елена.

Mercі, mercі!.. Какъ хорошо! Кто выбралъ?

Андрей.

Самъ, у Фульда-съ!

Елена.

У васъ и вкусъ есть! (Кладетъ футляръ на столъ.)

Андрей.

Ужъ по невѣстѣ можно судить, что у меня вкусъ есть-съ.

Елена.

И остроуміе! Поминутно новыя достоинства открываются!

Андрей.

Теперь, я думаю, скоро наши будутъ.

Елена.

А я еще не одѣта!

Андрей.

Поспѣете... только они ненадолго, ужъ вы не обидьтесь и не удерживайте ихъ; и то насилу уговорилъ, они только взглянуть... на васъ! Такъ ужъ вы имъ во всемъ блескѣ!.. Ужъ я васъ прошу-съ!..

Елена.

Ужъ не безпокойтесь!.. Это не ваше дѣло! (Взглянувъ на Андрея.) Ай, завитъ!

Андрей.

А что же-съ?

Елена.

Да нехорошо. Ну, что за баранъ!.. Извольте все это уничтожить!

Андрей.

Такъ я, пожалуй, хоть подъ гребенку-съ!

Елена (гладитъ ему волосы рукой).

Волосы такіе хорошіе!

Андрей (ловитъ ея руку и цѣлуетъ).

Очень я вамъ благодаренъ, что интересуетесь! Такъ аля-дьябль-съ, или прикажете а ля-капуль. Нынче въ модѣ-съ!

Елена.

Да ни à la diable, ни à la капуль — никакъ, а просто, натурально!

Андрей.

Такъ точно и будетъ-съ! Сейчасъ къ парикмахеру! А какія вы въ этомъ нарядѣ... Ужъ очень-съ!.. Смертушка моя приходитъ-съ.

Елена.

А кто сказалъ, что смотрѣть не буду?

Андрей.

Да никакой возможности нѣтъ утерпѣть-съ! Вотъ плечико просвѣчиваетъ... вѣдь ужъ это что такое! Если бы только осмѣлиться!..

Елена.

Что?

Андрей.

Устами.

Елена

(оглядываясь, подставляетъ плечо).

Ну, цѣлуй и убирайся!

Андрей (поцѣловавъ въ плечо).

Лечу-съ! (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Елена, потомъ Нина Александровна.

Елена.

Я богата! Это совсѣмъ что-то новое, только хорошее!.. Это какъ-то поднимаетъ меня, дѣлаетъ солиднѣе, устойчивѣе, и немножко... вотъ мнѣ самой смѣшно... немножко какъ будто умнѣе!

(Входитъ Нина Александровна.)

Нина Александровна.

Покажи-ка, покажи, что онъ подарилъ тебѣ?

Елена (задумчиво).

Вонъ посмотри, мама!

Нина Александровна (открывъ футляръ).

Ахъ, ахъ, какая прелесть! И какъ вѣдь это дорого, должно быть.

Елена.

Конечно, дорого; но вотъ это дороже.

Нина Александровна.

Что же, что еще?

Елена (подавая билеты).

Вотъ на, сочти!

Нина Александровна.

Билеты купеческаго банка! По десяти тысячъ!.. Боже мой!.. Лена!.. Пять, шесть, семь!.. (Разсматриваетъ послѣдній билетъ.) Семьдесятъ-пять тысячъ! Вѣдь это цѣлое состояніе!

Елена.

Ну, не очень большое, а все-таки состояніе. Да, по нынѣшнему времени, когда деньги такъ дороги и такъ нужны, интересны всѣмъ, получить такую сумму намъ... намъ, когда у насъ ничего, то есть почти ничего...

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, я въ себя придти не могу! Это такая неожиданная радость... радость за тебя, дитя мое!

Елена.

Значитъ, главное сдѣлано. Теперь что бы впереди ни было, что бы съ нами ни случилось, мы съ тобой покойны, мы обезпечены! Возьми, убери ихъ: пригодятся на черный день! Видишь, я не даромъ пожертвовала собой!

Нина Александровна (цѣлуя дочь).

Чудесная, золотая головка!.. Я такъ рада, такъ рада... (Взглянувъ на дочь.) Лена! видно, я малодушнѣе тебя: я чуть не прыгаю отъ радости при видѣ такого богатства, а ты и не улыбнешься!

Елена.

Эти деньги — не все для меня; мнѣ этого мало: я еще молода, мама, я не жила, меня манитъ жизнь!

Нина Александровна.

Конечно, ты все-таки жертва.

Елена.

Не то, мама, не то...

Нина Александровна.

А что же, другъ мой?

Елена.

Мама, мы сдѣлаемъ уговоръ...

Нина Александровна.

Изволь, какой тебѣ угодно.

Елена.

Мама, я скоро буду богатой, независимой жен-

щиной; твои заботы, твоя опека надо мной кончились; но я хочу, чтобы мы съ тобой любили другъ друга по-прежнему... ну, по-прежнему, какъ тогда, когда я была еще ребенкомъ! И потому я прошу тебя, чтобъ ни одного упрека, ни одного косого взгляда, если...

Нина Александровна.

Что „если“?

Елена.

За одну только богатую жизнь я бы никогда не отдала себя: я хочу быть свободна!

Нина Александровна.

Лена, мнѣ было только нужно, чтобы ты была счастлива!.. Сумѣй только быть счастливой!

Елена.

Постараюсь. (Обнимаетъ мать.) Мама! я могла бы вѣдь этого и не говорить тебѣ, такъ цѣни же мою любовь и дѣтскую преданность. Теперь пора одѣваться; я невѣста и хочу быть красавицей! (Уходитъ.)

Нина Александровна.

Какъ нынче дѣвушки-то, какъ посмотрю я, смѣлы стали, какъ рѣшительно переступаютъ онѣ этотъ порогъ!.. А мы-то, бывало... и себя я помню, и другихъ... сколько думъ, сколько гаданій! сколько слезъ!.. Жизни-то ничего не понимали; выйдешь замужъ, мужъ-то тебя балуетъ, рядитъ, какъ куклу, да и вертитъ, какъ куклой... Кто-то пріѣхалъ, кажется. Хорошо, коли кто изъ близкихъ. (Отворяетъ въ дверь гостиную.) А, это Николай Егорычъ, свой человѣкъ! Пожалуйте, пожалуйте сюда! У насъ еще никого нѣтъ!

(Входитъ Агишинъ.)

Явленіе пятое.

Нина Александровна и Агишинъ.

Нина Александровна.

Милости просимъ! Побесѣдуйте, пока гостей нѣтъ, да и Лена еще одѣвается.

Агишинъ.

Здравствуйте, Нина Александровна! Захлопотались? у васъ теперь большая забота!

Нина Александровна.

Ну, ужъ теперь заботы у меня почти нѣтъ!

Агишинъ.

Что же такъ?

Нина Александровна.

Благодаря щедрости и благородству милаго Андрея Гаврилыча... Онъ цѣлое состояніе, онъ семьдесятъ-пять тысячъ подарилъ Ленѣ!

Агишинъ.

Еще бы! Иначе и быть не могло. Да то ли еще отъ него будетъ! только умѣючи повести себя съ нимъ.

Нина Александровна.

Какъ это умѣючи?

Агишинъ.

Съ достоинствомъ. Не радоваться, не удивляться его подаркамъ, а принимать ихъ равнодушно, съ холодностью, какъ должную дань. Надо ему дать почувствовать, что всѣ его дары — ничто въ сравненіи съ тѣмъ счастьемъ, которое вы ему дали. Однимъ словомъ, надо его такъ выдержать, чтобы онъ съ удовольствіемъ возилъ воду, когда его запрягутъ. Да, вы создали себѣ блаженную будущность, Нина

Александровна, хотя, надо признаться, вы и не дешево за это заплатили.

Нина Александровна.

Я искала блаженной будущности не для себя, а для дочери.

Агишинъ.

Объ ней не безпокойтесь: она умна и, вѣроятно, устроитъ свое счастье. Въ ея положеніи только нужно...

Нина Александровна.

Что нужно?

Агишинъ.

Отказаться отъ идеальныхъ взглядовъ и полегче глядѣть на разные долги и обязанности...

Нина Александровна.

Какой вы опасный человѣкъ!

Агишинъ.

Слишкомъ много чести для меня. Все, что я могу, краснѣя, признать за собой, это — небольшой практическій умъ.

Нина Александровна.

Но вотъ и Лена готова, а я ужъ пойду, займусь хозяйствомъ.

(Уходитъ. Входитъ Елена.)

Явленіе шестое.

Агишинъ, Елена и потомъ Нина Александровна.

Агишинъ.

Честь имѣю кланяться! Самый ранній гость.

Елена.

Какъ я рада, что еще никого нѣтъ. Мы можемъ поговорить свободно.

Агишинъ.

Вы сегодня обворожительны.

Елена.

Да, я постараюсь немножко украсить себя, но сегодня не для васъ. Я сегодня дебютирую въ очень трудной роли и еще робѣю, еще не увѣрена въ своихъ силахъ.

Агишинъ.

Очень естественно: всѣ дебютанты робѣютъ. Это пройдетъ скоро. Поживете и сами увидите всю пошлость жизни, тогда будете, повѣрьте, смѣлѣе! Жизнь не стоитъ того, чтобы надъ ней задумываться; вся она — не что иное, какъ комедія.

Елена.

Неужели только комедія?

Агишинъ.

И очень, очень несерьезная. Что у васъ сегодня?

Елена.

Во-первыхъ, будетъ появленіе родителей Бѣлугиныхъ, потомъ наѣдутъ наши добрые знакомые. Бѣлугины, разумѣется, будутъ изслѣдовать меня, а наши знакомые — Андрея Гавриловича. Каждому будетъ интересно подглядѣть на лицѣ моемъ какое-нибудь движеніе, слѣды душевной муки или тому подобное; но никто ничего не увидитъ: я останусь загадкой!

Агишинъ.

Браво!

Елена.

Чтобы имѣть поболѣе свободныхъ минутъ, я распорядилась насчетъ музыки, будемъ танцовать съ вами. Но, признаюсь, меня всѣ эти церемоніи, всѣ эти представленія очень утомляютъ; мнѣ бы хотѣ-

лось, чтобы эта комедія поскорѣй кончилась. А для отдыха, я сейчасъ послѣ свадьбы хочу ѣхать за-границу... Какъ вы находите мой замыселъ?

Агишинъ.

Безподобно!

Елена.

Я ужъ говорила вчера André: онъ согласенъ. Но онъ, по своимъ дѣламъ, не можетъ уѣхать надолго; онъ только проводитъ меня и пробудетъ недѣли двѣ со мной, потомъ вернется въ Москву, а я останусь съ maman.

Агишинъ.

Я радъ за васъ, что вамъ пришло это въ голову: это очень счастливая мысль.

Елена (съ волненіемъ).

Не угодно ли и вамъ съ нами? Я васъ приглашаю.

Агишинъ.

Благодарю васъ! Я и самъ давно мечталъ о такой прогулкѣ. Маменька будетъ при васъ, или вы при маменькѣ?

Елена.

Чему же это мѣшаетъ? Мама меня никогда не стѣсняла и впередъ стѣснять не будетъ.

Агишинъ.

Это хорошо, что Андрюша ѣдетъ съ вами.

Елена.

Почему же?

Агишинъ.

Надо его помаленьку пріучать къ той роли, которую онъ... то есть, которую вы заставите его играть впослѣдствіи...

Елена.

Какъ жестки эти слова!

Агишинъ.

Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin!..

Нина Александровна (въ дверяхъ).

Лена, Бѣлугины пріѣхали. (Уходитъ.)

Елена.

Пройдите впередъ или останьтесь здѣсь. Мама ихъ, вѣроятно, приведетъ сюда.

Агишинъ.

Ступайте однѣ; я пройду здѣсь и явлюсь въ залу. Я ходъ знаю... (Елена уходитъ.) Пока дѣло идетъ хорошо, а дальше, конечно, пойдетъ еще лучше. То только и хорошо, то только и удается, что умно задумано. Главное дѣло составить планъ, а строить ужъ не хитро. (Уходитъ направо.)

(Слѣва выходятъ: Нина Александровна, Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Елена и Андрей.)

Явленіе седьмое.

Нина Александровна, Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Елена и Андрей, потомъ человѣкъ.

Нина Александровна.

Пожалуйте, пожалуйте, здѣсь у насъ уютная семейная комната, мы ужъ будемъ, какъ свои. Я такъ давно желала познакомиться... такъ рада...

Гаврила Пантелѣичъ.

Н-да-съ, хоть нежданно, негаданно, а приходится познакомиться, ужъ нельзя безъ этого.

Настасья Петровна.

Привелъ Господь!

Гаврила Пантелѣичъ (къ Еленѣ).

Ну-съ, любите да жалуйте, ужъ какіе есть, не взыщите!

Нина Александровна
(указывая на диванъ).

Прошу васъ!

(Бѣлугины садятся на диванъ; Нина Александровна въ креслѣ рядомъ съ Гаврилой Пантелѣичемъ; Елена и Андрей стоятъ подлѣ Настасьи Петровны. — Гаврила Пантелѣичъ, не обращая ни на кого вниманія и громко отпыхиваясь, оглядываетъ потолокъ комнаты. Человѣкъ подаетъ на подносѣ чай Бѣлугинымъ и уходитъ.)

Нина Александровна.

Еще не зная и не видя васъ, я уже васъ полюбила.

Гаврила Пантелѣичъ.

За что жъ бы это, къ примѣру, вамъ полюбить насъ?

Нина Александровна.

Ахъ! вашъ сынъ, моя Лена — это такъ близко и намъ... и такъ люблю мою Лену!...

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, то они, а то мы. Конечно, давай Богъ ладу и намъ, а имъ совѣтъ да любовь!

Нина Александровна.

Я надѣюсь... у Лены такой прекрасный характеръ... такое доброе сердце!

Елена.

Мама, ты приписываешь мнѣ такія добродѣтели, которыхъ у меня нѣтъ.

Нина Александровна.

Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь себя, ты такъ молода!

Настасья Петровна (къ Еленѣ).

Да, коли вышло у васъ такое согласіе съ Анд-

рюшей, такъ полюбите его... Онъ у насъ такой хорошій, добрый. А намъ бы глядѣть на васъ да радоваться... Ужъ позвольте. (Цѣлуетъ Елену.)

Гаврила Пантелѣичъ.

Безъ любви, да безъ согласія, молъ, что ужъ! А чтобъ надо по закону! да боится и да любитъ жена мужа своего! Къ примѣру, вотъ мы съ Настасьей Петровной тридцать лѣтъ прожили, а этой музыки, чтобъ караулъ кричать, не бывало. Выругаешь ее, когда подъ горячую руку — смолчитъ; послѣ ужъ развѣ выговоритъ, если не по резонту обида. Ну, и измѣны какой другъ другу — это ужъ избави и храни Заступница! Я — топоръ, она — пила на этотъ счетъ, если бъ что!

Нина Александровна.

Ахъ если бъ вы знали мою жизнь съ мужемъ... Я схоронила его три года назадъ... Ахъ, это было дружество съ перваго дня и до конца! Я не утѣшена послѣ моей потери, и вотъ только она одна привязываетъ меня къ жизни.

Елена.

Мама, кто-то пріѣхалъ.

Нина Александровна.

Поди, Лена, встрѣть. (Лена уходитъ, за ней Андрей.)

Гаврила Пантелѣичъ

(посматривая на потолокъ и указывая рукой).

А въ этомъ мѣстѣ протекаетъ!

Нина Александровна.

Ахъ, ужъ и не смотрите: наша квартира такая дурная; мы очень недовольны!

Гаврила Пантелѣичъ.

А къ примѣру, какъ плата отъ васъ?

Нина Александровна.

Мы платимъ очень дорого... восемьсотъ рублей въ годъ.

Гаврила Пантелѣичъ.

Н-да, за такіе хоромы дорогонько!... Ну, да и за восемьсотъ царскихъ палатъ не наймешь.

Человѣкъ (въ дверяхъ).

Софья Николаевна пріѣхали-съ.

Нина Александровна.

Ахъ, простите, мои дорогіе, я васъ оставлю на одну минуту, на одну только минуту! Мы никого не ждали, но наши добрые знакомые...

Гаврила Пантелѣичъ.

Что жъ?.. ничего-съ, мы и одни посидимъ!

Настасья Петровна.

Вы, пожалуйста, безъ церемоніи... не стѣсняйте себя...

Нина Александровна.

Я сію минуту! Мнѣ такъ много еще хочется говоритъ съ вами. (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелѣичъ
(вслѣдъ Нинѣ Александровнѣ).

Объ чемъ это, не слыхать ли? Кажется, все переговорили, все ненужное-то, а нужнаго-то у насъ... не бывало. Стало быть, и говорить... больше не о чемъ!..

Настасья Петровна.

Кажется, она — дама простая и обходительная.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ахи да охи! Какъ словно ее кто поджариваетъ!

Настасья Петровна.

Ну, какъ Гаврила Пантелѣичъ на твои глаза?

Гаврила Пантелѣичъ.

Это чего?

Настасья Петровна.

Нареченная-то дочка наша?...

Гаврила Пантелѣичъ.

Пышность, форсъ! Ну, а что тамъ дальше-то — неизвѣстно.

Настасья Петровна.

Ужъ очень, Гаврила Пантелѣичъ, въ ней эта великолѣпность! И словно какъ не дѣвушка, а дама какая высокая... какъ смѣло матери отвѣчаетъ! такъ и отрѣзала.

Гаврила Пантелѣичъ.

Потому что ты — дура! Нынче въ томъ и образованіе, чтобъ за словомъ въ карманъ не лѣзть.

Настасья Петровна.

Любить-то она его будетъ ли?

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, это старуха на-двое сказала... ничего... гонку она ему дастъ!

Настасья Петровна.

Какъ же это?

Гаврила Пантелѣичъ.

По всей видимости, я такъ думаю! друга себѣ заведетъ она, а другъ этотъ самый послѣ сзади мужа будетъ рожки ему строить, носы наставлять...

Чортушка, молъ, ты чортушка, спасибо тебѣ! Поишь, кормишь жену-то для чужихъ.

Настасья Петровна (въ слезахъ).

Какъ же это Андрюша Таню-то смѣнялъ?

Гаврила Пантелѣичъ (грозно).

Настасья, аль ты приказъ забыла?

Настасья Петровна (отирая глаза).

Молчу, молчу, Гаврила Пантелѣичъ, только, что сердце мое надрывается.

Гаврила Пантелѣичъ.

Опять?

Настасья Петровна.

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка!

Гаврила Пантелѣичъ.

А вотъ что: не пора ли гостямъ ко дворамъ?..

Настасья Петровна.

Что ты, что ты, Гаврила Пантелѣичъ! Посидимъ хоть немножко — обидятся.

Гаврила Пантелѣичъ.

А коли намъ здѣсь дѣлать нечего, коли мнѣ не по душѣ! Чего еще, угощенія, что ли ждать хочешь? Не видывала!..

Настасья Петровна (закачавъ головой).

Ахъ, конфузъ вѣдь это!

Гаврила Пантелѣичъ.

Опять ты языкъ свой!..

Настасья Петровна.

Охъ, молчу.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну!

(Входятъ Нина Александровна, Елена и Андрей.)

Явленіе девятое.

Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Елена, Андрей и Нина Александровна.

Нина Александровна.

Тысячу разъ простите, мои дорогіе; мнѣ такъ совѣстно... я васъ оставила!

Гаврила Пантелѣичъ.

Ничего-съ... Намъ, однако, и время... часы поздніе...

Нина Александровна.

Ахъ, что вы, что вы! Не обижайте насъ!..

Настасья Петровна.

Онъ вѣдь у меня — сырой человѣкъ, Гаврила Пантелѣичъ, — они не могутъ никакъ долго, не привычка-съ!..

Гаврила Пантелѣичъ (кланяясь).

Просимъ прощенья!.. Ужъ извините-съ!

Нина Александровна.

Какъ вамъ угодно; я стѣснять васъ не смѣю. Но позвольте мнѣ сожалѣть и надѣяться, что въ будущій разъ... Ахъ, я и сама къ вамъ!..

Гаврила Пантелѣичъ.

Милости просимъ!..

Нина Александровна
(обнимая Настасью Петровну).

Какъ я жалѣю, какъ я жалѣю!

Настасья Петровна.

Вы, пожалуйста, себя не безпокойте. А только что Гаврила Пантелѣичъ, они у насъ — такіе люди, что имъ никакъ невозможно: имъ стѣснительно. Ужъ позвольте... (Цѣлуетъ Елену.)

Андрей (подходя къ отцу).

Сами изволите видѣть... Что же вы скажете?

Гаврила Пантелѣичъ (у двери).

Ну, что ужъ! Ослѣпли, братецъ, вотъ какъ! Настасья Петровна...

Настасья Петровна.

Иду, иду, Гаврила Пантелѣичъ... (Обнимаясь съ Ниной Александровной.) Имъ, знаете, Гаврилѣ Пантелѣичу, часикъ посидѣть — и довольно. А то ужъ снять сюртукъ да отдохнуть требовается. (Идетъ. Нина Александровна, Елена и Андрей за нею.) Куда же вы, зачѣмъ безпокоитесь?

Нина Александровна.

Нѣтъ, ужъ я васъ провожу... Ахъ, какъ мнѣ больно, какъ мнѣ больно!..

Настасья Петровна.

Ну, такъ ужъ Андрюша-то съ Еленой Васильевной пущай останутся, пущай забавляются...

(Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна и Нина Александровна уходятъ.)

Явленіе десятое.

Елена и Андрей.

Андрей.

Вы думаете, Елена Васильевна, что я не понимаю, что я васъ не стою, что это одно только счастье мнѣ необыкновенное-съ?

Елена.

Ну, это какъ знать, кто кого стоитъ!

Андрей.

А и во мнѣ есть-съ (ударяя себя въ грудь), много есть-съ... развѣ только не захотите обратить вниманія!

Елена.

Поживемъ, такъ узнаемъ другъ друга!

Андрей.

А только теперь я очень конфужусь, провалиться, кажется бъ, сквозь землю! Всѣ на меня смотрятъ, а я ни повернуться, ни слова сказать... Стаканъ чуть не уронилъ, чай на какую-то даму на платье пролилъ!

Елена (смѣется).

Это ничего... Конечно, лучше стакановъ не ронять и платьевъ не обливать! А конфузиться нечего: какъ умѣете, такъ и держите себя!

Андрей.

Я это понимаю-съ!

Елена.

Пріободритесь, имѣйте побольше достоинства, ведите себя просто, какъ всегда! Вѣдь все это страшная пустота: болтаютъ, сплетничаютъ, говорятъ пошлыя любезности или пускаютъ шпильки другъ въ друга...

Андрей.

Ужъ я теперь вооружусь! А вотъ я сейчасъ для куража стаканъ шампанскаго выпью. (Цѣлуетъ руку Елены.) Поддержали вы меня-съ.

Елена.

А вотъ много поцѣлуевъ и вообще нѣжностей я не люблю! Да еще вамъ приказъ: не извольте гоняться за мною, держитесь подальше!..

Андрей.

И не подойду теперь! (У двери.) Человѣкъ! Дай-ка, братецъ, сюда бутылочку шампанскаго.

Елена.

Когда будемъ танцовать, можете только кадриль...

Андрей.

Слушаю-съ...

(Елена, кокетливо ударивъ его по плечу вѣеромъ, идетъ быстро въ гостиную.)

Андрей

(ловитъ ее и цѣлуетъ ея руку).

Не могу! Послѣдній разъ!

(Елена уходитъ.)

Андрей.

Эхъ, вся эта канитель — и къ чему! Тоска здѣсь смертная... Взять бы въ саночки, да въ Стрѣльну на своихъ сѣрыхъ!.. Эхъ, морозъ-морозецъ, аленькія щечки!..

(Входитъ Агишинъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Андрей, Агишинъ и человѣкъ съ бутылкой шампанскаго.

Андрей.

А, вотъ онъ! Поди-ка сюда! (Горячо схватываетъ Агишина въ объятія.)

Агишинъ (освобождаясь).

Стой, стой, задавишь!

Андрей (ударяя его по плечу).

Эхъ, вы, слабость, хилость!.. Ха, ха, ха!..

Агишинъ (пожимаясь).

Эка сила и свѣжесть у нихъ, у чертей, завидная!

Андрей.

Садись, выпьемъ. (Сажаетъ на диванъ. Человѣку.) Ну-ка, послужи; налей намъ, да и убирайся, а бутылку оставь!

(Человѣкъ наливаетъ и уходитъ.)

Андрей.

Ну-ка, давай по душѣ... (Чокаются и пьютъ.) Скажи-

ка ты мнѣ, ты, человѣкъ разумный, образованный: любитъ она меня или нѣтъ?

Агишинъ.

Если теперь еще не любитъ, такъ потомъ ужъ полюбитъ непремѣнно!..

Андрей.

Почему такъ?

Агишинъ.

Потому что свѣжесть, сила — чего же еще! Ужъ какъ тамъ ни финти передъ женщиной, а коли натуры мало, такъ немного возьмешь! А у васъ этой здоровой любви...

Андрей.

Да ужъ, братъ, душу ли за нее положить, въ охапку ли взять покрѣпче — ужъ этого у насъ такъ-то много, что и дѣвать не знаемъ куда.

Агишинъ.

Все это хорошо, а совѣсть-то у тебя есть? Когда же мы?..

Андрей.

Что же это? Насчетъ чего?

Агишинъ.

А прощанье съ холостой жизнью — холостая пирушка? У невѣстъ бываетъ дѣвишникъ, а мы мальчишникъ сдѣлаемъ!

Андрей.

И разотлично! Такъ распорядись. Хочешь — у меня дома, а то такъ за крестовскую! Только, чтобы ужъ вь присядку съ тобой танцовать. (Ударяетъ его рукой по плечу.)

Агишинъ.

Ой, ой! ужъ ты выражай чувства какъ-нибудь иначе, а не дерись!

Андрей.

Ну, теперь пойду приглашу танцовать какую-нибудь барышню, куражу довольно! только все кислота какая!.. (Уходитъ.)

Агишинъ.

Милъ, милъ! Ну, что за Андрюша у меня! Только какія у нихъ длани!.. Вотъ эдакъ, сохрани Богъ, попадешься! Нѣтъ, тутъ подумаешь!

(Входитъ Елена.)

Явленіе двѣнадцатое.

Агишинъ и Елена.

Елена (опускается на диванъ).

Я бѣшусь... Я просто зарыдать готова!..

Агишинъ (садится рядомъ).

Что съ вами?

Елена.

Я совсѣмъ не выдерживаю своей роли: я или раздражительно весела, или не слышу, что говорятъ мнѣ!

Агишинъ.

Что за ажитація! Я отъ васъ не ожидалъ. Будьте благоразумны.

Елена.

Но изъ чего же я бьюсь, изъ чего же я бьюсь, скажите?

Агишинъ.

Изъ того, чтобы приготовить себѣ пріятную жизнь въ будущемъ.

Елена.

Я васъ возненавижу!.. Вѣдь все это фразы, холодныя фразы. Я еще не такъ пала, чтобы притворяться по холодному разсчету!.. Гдѣ же мнѣ

поддержка? Гдѣ же та страсть, ради которой я играю комедію? гдѣ же она... моя опора? Вѣдь иначе я должна презирать себя!

Агишинъ (беретъ ея руку).

Чего же, чего же вамъ нужно? (Цѣлуетъ ея руки.) Я люблю васъ, люблю больше своей жизни, но развѣ здѣсь мѣсто, здѣсь время...

Елена.

Ну, вотъ только мнѣ и нужно, только мнѣ и нужно!.. А то я изнемогаю! (Шепотомъ.) Давно бы, давно...

Агишинъ (цѣлуя ея руки).

О, цѣлая жизнь не стоитъ этой минуты!

(Андрей показывается въ дверяхъ и уходитъ.)

Елена (замѣтивъ Андрея, встаетъ).

Онъ видѣлъ!

Агишинъ.

Ничего, пусть привыкаетъ... Приласкать немножко — вотъ и все! (Уходитъ.)

Елена.

Но все-таки надо поправлять дѣла... Теперь у меня опять силы, и вотъ сейчасъ проба! (Отходитъ къ сторонѣ.)

(Входитъ Андрей.)

Явленіе тринадцатое.

Андрей и Елена.

Андрей (не замѣчая Елены).

Мнѣ почудилось, мнѣ почудилось!.. (Хватаетъ себя за голову.) Нѣтъ, я видѣлъ здѣсь, здѣсь... Господи! или въ самомъ дѣлѣ почудилось, что ли! (Стоитъ въ задумчивости. Елена подходитъ къ нему сзади.)

Елена.

Объ чемъ, объ чемъ? Развѣ женихи задумываются?

(Андрей молча смотритъ на нее.)

Елена.

Что за грозная туча на челѣ вашемъ?

Андрей.

Такъ, мнѣ что-то почудилось или померещилось!

Елена (хохочетъ).

Ха, ха, ха! Не то ли, что у меня Агишинъ руки цѣловалъ? Ха, ха, ха! Извольте сейчасъ его вызвать на дуэль! Хотя я еще и не ваша, хоть онъ, какъ старый знакомый, могъ горячо пожелать мнѣ счастья и цѣловать мои руки — но вы вызовите его на дуэль и убейте, убейте непремѣнно!

Андрей.

Коли такъ-съ, извините!

Елена.

Ахъ, это мило! Онъ ревнивъ, онъ... Отелло! (Смѣется.) Это мнѣ нравится. Значитъ, онъ и впередъ будетъ ревновать, а кто ревнуетъ, тотъ любитъ!

Андрей.

Вотъ все и свалилось! Вы все можете — и погубить и осчастливить человѣка! (Беретъ руку и цѣлуетъ.) Это ручка-съ... ну, одно слово вашъ-съ — что хотите, то со мною и дѣлайте!

(За сценой музыка.)

Елена.

Пойдемте танцовать.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Дѣйствующія лица:

Бѣлугинъ, Г. П.	Кармина, Нина Ал.
Бѣлугина, Н. П.	Елена Васильевна.
Бѣлугинъ, Андрей.	Прохоръ.

Декораціи перваго дѣйствія. Та же комната, но богаче отдѣланная и обставленная. Фамильные портреты стоятъ на полу, а вмѣсто нихъ виситъ дорогая картина.

Явленіе первое.

Прохоръ (одинъ, обметаетъ мебель).

Прохоръ.

Старики съ фабрики пріѣхали; два раза присылали узнать, дома ли. Ну, гдѣ, молъ, скоро ль ихъ дождешься? За городъ кататься поѣхали! Авось хоть при старикахъ-то угомонятся немножко, а то вѣдь это наказанье сущее: каждый день либо съ утра до поздней ночи, либо съ вечера на всю ночь, а ты до четырехъ утра не спи, дожидайся ихъ! (Подходя къ портретамъ.) Что эти идолы-то тутъ стоятъ! Прибрать бы ихъ, да не знаю куда повѣсить.

(Входитъ Настасья Петровна.)

Явленіе второе.

Прохоръ и Настасья Петровна.

Прохоръ.

Сами пожаловали...

Настасья Петровна (садясь).

Ждала, ждала, да ужъ моченьки моей нѣтъ.. Часа четыре, какъ съ желѣзной дороги пріѣхали;. сижу у окна, да гляжу, какъ сычъ.

Прохоръ.

Теперь, чай, скоро будутъ; потому если на вечеръ куда, такъ переодѣться домой заѣдутъ.

Настасья Петровна.

Какъ тебя звать-то?

Прохоръ.

Прохоромъ, сударыня!

Настасья Петровна.

Ты, что ли, Прохорушка, Андрюшу-то одѣваешь?

Прохоръ.

Нѣтъ, у нихъ свой камердинеръ есть; а мое дѣло — передняя, да вотъ комнаты убрать, ну, опять у стола — мало ли дѣла!

Настасья Петровна.

А почиваютъ-то они гдѣ?

Прохоръ.

Андрей Гавриловичъ (показывая налѣво) вотъ здѣсь, на своей половинѣ, а Елена Васильевна (указывая направо) — у себя, на своей-съ.

Настасья Петровна.

Какъ, врозь?

Прохоръ.

Такъ точно. Какъ слѣдуетъ.

Настасья Петровна.

Неужели и все такъ?

Прохоръ.

Все такъ-съ, какъ слѣдуетъ, какъ завсегда у господъ бываетъ — на двѣ половины.

Настасья Петровна.

Да вѣдь мужъ-то и жена — одно, какія жъ тутъ двѣ половины? Коли Богъ сочеталъ воедино на что же пополамъ-то дѣлить?

Прохоръ.

Ужъ это не нашего ума дѣло. Стало быть, такъ слѣдуетъ. Надо полагать, что такъ лучше, либо мода такая, а то кто бъ имъ велѣлъ!

Настасья Петровна.

Что это ты, ужъ не врешь ли, Прохорушка?

Прохоръ.

Что мнѣ, помилуйте! Обыкновенно двѣ половины: и гости, ежели къ Андрею Гавриловичу или по дѣламъ, такъ они у себя принимаютъ; а ежели къ Еленѣ Васильевнѣ — такъ онѣ на своей половинѣ принимаютъ.

Настасья Петровна.

И гости-то разные?

Прохоръ.

Разные-съ.

Настасья Петровна.

Ну, а чай какъ по утру?

Прохоръ.

Завсегда врозь: потому Андрей Гавриловичъ раньше встаютъ и чай пьютъ, а если Елена Васильевна позже — и кофе кушаютъ.

Настасья Петровна.

А обѣдаютъ?

Прохоръ.

Кушаютъ вмѣстѣ, ужъ это вездѣ такъ.

Настасья Петровна.

Ну, то-то ужъ, а то вѣдь это все одно, что чужіе. А согласно живутъ-то?

Прохоръ.

А этого мы знать не можемъ, потому рѣдко ихъ и видишь: только что за столомъ-съ. Когда Андрей Гавриловичъ вечеромъ покойной ночи желаютъ, такъ ему ручку даютъ поцѣловать; по утру тоже, когда съ добрымъ утромъ — опять ручку даютъ.

Настасья Петровна.

Все ручку, да ручку. (Качаетъ головой.)

Прохоръ (прислушивается).

А вотъ, должно быть, и пріѣхали: что-то задвигали въ передней и дверями хлопаютъ, и разговоръ слышно.

Настасья Петровна.

Такъ я въ Андрюшины комнаты пойду. Коли это мой старикъ, такъ ты не сказывай, что и здѣсь. (Уходитъ въ дверь налѣво. Прохоръ уходитъ въ переднюю. За сценой голосъ Елены Васильевны: „Пустите, что за глупости! Пустите, говорю я!“)

(Вбѣгаетъ Елена, за ней входитъ Андрей.)

Явленіе третье.

Елена и Андрей.

Елена.

Сумасшедшій, что вы дѣлаете?

Андрей.

А что такое? ничего-съ!..

Елена.

Я вѣдь не ребенокъ; можно ль носить на рукахъ, да еще на лѣстницу?

Андрей.

Ничего-съ, своя ноша не тянетъ. Я васъ и дальше хотѣлъ нести, да кабы не вырвались, дотащилъ...

Елена.

Куда это дальше?

Андрей.

До самаго до мѣста...

Елена.

До какого?

Андрей.

Да вѣдь устали, отдохнуть захотите — такъ ужъ я прямо въ спальню и хотѣлъ доставить.

Елена.

Вотъ какъ! Это очень мило.

Андрей.

Такъ я сію минуту-съ!

Елена.

Ну, нѣтъ, не трудитесь! Я и сама дойду, на столько-то силъ у меня хватитъ. До свиданія!

Андрей.

Куда же вы?

Елена.

Я пойду переодѣнусь. (Идетъ къ двери, Андрей за нею.) Нѣтъ, нѣтъ, отправляйтесь на свою половину.

Андрей.

Только и всего-съ?

Елена.

Чего же вамъ еще?

Андрей.

Не много-съ...

Елена.

Ахъ, нѣтъ! вы очень нынче умно вели себя, васъ слѣдуетъ наградить. (Гладитъ по головѣ Андрея и цѣлуетъ.)

Андрей.

Что же это, насмѣшка-съ? Нѣтъ съ, ужъ лучше не дразните меня и не играйте со мною. У меня натура горячая и силы довольно-съ. Другой разъ заиграете, такъ, пожалуй, и не отыграетесь отъ меня.

Елена.

А, вотъ какъ! Ну, такъ я буду осторожнѣе. Прощайте!

Андрей.

Однако, что жъ это за тиранство, Елена Васильевна?

Елена.

Какое тиранство? Ахъ, отстаньте, пожалуйста!

Андрей.

Какъ оставить? Поговорить надо, я желаю-съ!

Елена.

Послѣ какъ-нибудь. (Хочетъ идти.)

Андрей (береть ее за руку).

Нѣтъ, ужъ извините. Откладывать зачѣмъ же — очень накипѣло. Вотъ почти мѣсяцъ вы моей женой считаетесь, а жена ли вы мнѣ? Какая моя жизнь? Забрался, было, въ мечтахъ-то выше облака, да вотъ и свалился. Вѣдь я васъ любилъ, выше всего на свѣтѣ ставилъ ... Вы думаете, легко мнѣ говорить теперь въ глаза, что вы меня обманули?

Елена.

Чѣмъ обманула? Какъ?

Андрей.

Да такъ, хуже чего не бываетъ; и обманывали насъ и грабили — это съ нами за нашу глупость случалось, а такой обиды и во снѣ не снилось, и врагу не пожелаемъ. Что я для васъ сдѣлалъ — объ этомъ я говорить не стану, потому что вы за

попрекъ сочтете, но я вамъ душу отдалъ-съ ... Понимаете ли, душу отдалъ ...

Елена.

Ахъ, тише, пожалуйста.

Андрей.

Да что мнѣ тише? Я у себя дома. Я со всѣмъ трепетомъ просилъ руки вашей, вы изволили согласиться; какія же мысли вы тогда въ головѣ держали? Опять же, въ церкви вы очень веселымъ духомъ объявили ваше желаніе. Значитъ: стоя-то подъ вѣнцомъ, обѣщаясь передъ Богомъ быть мнѣ женой, вы задумывали изъ меня, на потѣху своимъ пріятелямъ, сдѣлать шута ...

Елена.

Какой вздоръ вы говорите!

Андрей.

Не вздоръ, а все такъ точно-съ. Ваши пріятели меня поздравляютъ, счастливцемъ зовутъ, а вы на эти ихъ слова подсмѣиваетесь. Развѣ я не вижу?

Елена.

Къ чему этотъ разговоръ?

Андрей.

А вотъ къ чему-съ: цѣлый мѣсяцъ я дѣлалъ для вашего удовольствія все, что вамъ было угодно; дѣла свои бросилъ и чуть не молился на васъ; но только изъ этого хорошаго ничего для меня не вышло, окромя стыда и конфуза ... Но я имѣю свою гордость — довольно дурака-то корчить! Я теперь займусь своимъ купеческимъ дѣломъ, а вы живите, какъ знаете, я вамъ мѣшать не буду. Ужъ на вашу половину я проситься больше не стану, а если вы, паче чаянія, почувствуете ко мнѣ расположеніе, такъ милости просимъ ко мнѣ, на мою-съ.

Елена.

Вы нынче не въ духѣ ...

Андрей.

Нѣтъ, я довольно равнодушенъ, а если меня что за сердце возьметъ, такъ я съ вами не такъ заговорю, да не дай Богъ намъ съ вами этого дождаться!

(Елена, съ удивленіемъ взглянувъ на Андрея, уходитъ въ дверь направо.)

Явленіе четвертое.

Андрей, потомъ Настасья Петровна.

Андрей (подумавъ).

Думай, не думай, а дѣло — дрянь. Пойти счетами заняться. (Идетъ къ двери налѣво. Настасья Петровна выходитъ ему навстрѣчу.) Маменька!.. (Цѣлуетъ мать.) Ну, слава Богу, на силу-то вы собрались!

Настасья Петровна.

Слышала твой голосъ, да боялась войти: думала, съ кѣмъ чужимъ разговариваешь. Съ самимъ, Андрюша, пріѣхала, съ самимъ; все хворалъ, да вотъ собрался, съ тобой объ дѣлахъ потолковать хочетъ.

Андрей.

Ну, ужъ обрадовали, маменька! Чайку не угодно ли?

Настасья Петровна.

Мы давно съ машины-то; ужъ два раза напилась отъ скуки, ожидамши васъ.

Андрей.

Да присядьте, потолкуемъ.

Настасья Петровна.

Охъ, нѣтъ, нѣтъ! (Садясь.) Развѣ на минутку ...

Вѣдь гроза надо мной: украдкой, Андрюша, къ вамъ взошла-то, а то не велѣлъ: строго-на-строго приказывалъ, чтобъ не смѣла. Теперь отдохнуть легъ — такъ я сюда: сердце-то ужъ очень рвалось. (Встаетъ и обнимаетъ Андрея.) Дай же мнѣ хоть посмотрѣть на тебя хорошенько.

Андрей.

Все такой же, маменька.

Настасья Петровна.

Охъ, Андрюша, нѣтъ, и слѣда твоей прежней красоты не осталось! Что ты это, Андрюша, какъ худъ-то сталъ, голубчикъ?

Андрей.

Что вы, маменька? Такъ вамъ показалось!

Настасья Петровна (садясь).

Нѣтъ, Андрюша, совсѣмъ цвѣту въ тебѣ не стало. Ну, скажи же ты мнѣ про ваше житье-бытье!

Андрей.

Живемъ ... ничего-съ ... веселимся...

Настасья Петровна.

Конечно, нельзя же! спервоначала надо ее потѣшить; ну, а потомъ пора и къ дому пріучать. Что она, съ тобой-то какъ?

Андрей.

Да она ничего-съ ... ласкова, шутитъ ...

Настасья Петровна.

Да какъ же это все шутитъ? Что ужъ весело ей, что ли, очень?

Андрей (съ горькой улыбкой).

Живемъ да радуемся-съ ... Вчера въ маскарадъ, сегодня въ театръ, завтра на балъ куда-нибудь, либо

за-городъ — такъ тебя и носитъ! Отъ веселья да отъ музыки голова кругомъ пошла, а новыхъ друзей, новыхъ пріятелей и не сочтешь. Всѣ тебѣ руки жмутъ, поздравляютъ, „счастливецъ, говорятъ, ты, счастливецъ!“ Ну, если люди счастливцемъ называютъ, такъ, стало быть, счастливецъ и есть!

Настасья Петровна.

Такъ-то такъ, да что-то рѣчи-то твои не хороши! Ты бы толкомъ поговорилъ со мною.

Андрей.

А вотъ къ вамъ внизъ сойду, тогда и потолкуемте.

Настасья Петровна.

И изъ-подъ вѣнца-то видѣть васъ Богъ не привелъ: самъ прихворнулъ, меня не пускаетъ, плакала, обливалась. И хворается-то, да и сердится; недѣли двѣ, какъ туча черная, бродилъ, подступу не было. А потомъ, какъ фабрику-то распустилъ, дѣла поразстроились, хорошихъ приказчиковъ да мастеровъ своимъ характеромъ поразгналъ, такъ и поотмякъ и объ тебѣ вспомнилъ. Сталъ жаловаться, что ты его забылъ, да бросилъ. А твоя ли вина? Онъ не то, что тебя видѣть, и слышать про тебя не хотѣлъ ... Охъ, Андрюша, и не слѣдъ бы мнѣ, а ужъ скажу: не родительское въ немъ чувство говоритъ, а за карманъ онъ боится ...

Андрей.

Нешто я не понимаю? Да это все одно-съ. Изъ меня лаской тятенька все могутъ сдѣлать, потому что мы къ родительской ласкѣ не пріучены и никогда ея не видимъ. Да и не отъ кого-съ; лаской изъ нашего брата хоть веревки вей... Какъ Сыромятовы поживаютъ? Что Таня?

Настасья Петровна.

Видно, помнишь? Животовъ, мучникъ, за нее сватается.

Андрей.

Да, слышалъ и я. Животовъ — человѣкъ хорошій, съ душой: ужъ пусть бы хоть ей-то Богъ счастья далъ.

Настасья Петровна (вдругъ встаетъ).

Батюшки, никакъ самъ?

Андрей (прислушиваясь).

Да, надо быть, что онъ-съ.

Настасья Петровна.

Вынеси, Заступница!

Андрей.

Пожалуйте сюда. (Провожаетъ ее въ дверь налѣво.) Тамъ корридоромъ пройдете. (Идетъ въ переднюю, навстрѣчу ему выходитъ Гаврила Пантелѣичъ.)

Явленіе пятое.

Андрей и Гаврила Пантелѣичъ.

Андрей.

Пожалуйте, батюшка, пожалуйте!

Гаврила Пантелѣичъ.

Да вотъ задумалъ побывать въ Москву, поглядѣть, какъ вы тутъ.

Андрей.

Мы, слава Богу-съ! (Подвигая кресло.) Милости прошу, пожалуйте-съ! Чайку не прикажете ли?

Гаврила Пантелѣичъ.

Присѣсть присяду, а чаю не надо. (Садится.) А я вотъ, братъ, призадумываться сталъ.

Андрей.

Что же такое, насчетъ чего-съ?

Гаврила Пантелѣичъ.

Хворость, братъ, одолѣваетъ, да и духъ не тотъ, не прежній. Зачѣмъ? для чего? Думаю: суета суетъ все это? Хочу, братъ, о душѣ подумать, а пристигнетъ часъ воли Господней — и покаяться путемъ не успѣешь.

Андрей.

Съ чего же такія мрачности у васъ въ головѣ-съ?

Гаврила Пантелѣичъ.

Да веселиться-то мнѣ нечего. Коли силы нѣтъ, такъ безъ помощника плохо.

Андрей.

А я то-съ?

Гаврила Пантелѣичъ.

На приказчиковъ какая ужъ надежда! Воровать другъ передъ другомъ взапуски — вотъ на это ихъ взять!

Андрей.

Да я-то на что же-съ?

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, гдѣ ужъ тебѣ? Нѣтъ, не туда дѣло поѣхало!

Андрей.

Почему же такъ? Я при дѣлѣ быть могу.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ты-то, пожалуй, да прынцесса-то твоя — не низко ли ей покажется?

Андрей.

Это дѣло до нея не касающее.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, какъ братецъ! Она, къ примѣру, такое пирожное, сидитъ и на фортепьянѣ играетъ, а ты изъ красильни, какъ шутъ какой, въ кубовой краскѣ въ залу-то ввалился! Такъ одно къ другому не подходитъ.

Андрей.

Ничего-съ! Коли имъ неугодно, я одинъ уѣду; а онѣ могутъ въ Москвѣ остаться.

Гаврила Пантелѣичъ.

Въ конторѣ безпорядки, книги позапущены, приказчиковъ поразогналъ, полученія плохи!

Андрей.

Это ужъ на что хуже-съ!

Гаврила Пантелѣичъ.

Пока ты наблюдалъ, такъ дѣло шло въ лучшемъ видѣ, а теперь не скоро и распутаешь. До того дошло, что хоть прикончить фабрику-то, такъ въ ту жъ пору.

Андрей.

Нѣтъ, какъ можно-съ, дѣло милліонное! Для васъ все суета, а я — человѣкъ молодой, я жить хочу.

Гаврила Пантелѣичъ.

Убытковъ боюсь. Фабрика — такая машина, что, коли она въ порядкѣ, такъ барышъ, а коли порядку нѣтъ, такъ она года въ два все твое состояніе съѣстъ. Такъ вотъ я затѣмъ въ Москву-то: поговорить съ тобой. Приходи внизъ завтра пораньше, потолкуемъ, на чемъ-нибудь надо рѣшить. Я думаю здѣсь въ Москвѣ пожить: захвораешь, такъ докторъ близко; помолиться когда, такъ святыни много.

Андрей.

Милости просимъ: я низъ отдѣлалъ, тамъ для васъ всякое спокойствіе будетъ.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ужъ видѣлъ, что отдѣлалъ — швыряй деньги-то! (Замѣтя портреты.) Эге! вотъ ты ихъ куда разжаловалъ, стариковъ-то!

Андрей.

Я хотѣлъ ихъ туда внизъ-съ...

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, да, подальше куда-нибудь, чтобъ съ глазъ долой, на чердакъ или въ сарай ихъ, чтобъ не зазорно было, что у насъ, молъ, дѣды — не князья, не бояре...

Андрей.

Нѣтъ-съ, не потому-съ...

Гаврила Пантелѣичъ.

А кто, Андрей, намъ съ тобой деньги-то далъ? откуда всѣ эти шелки да бархаты, и кто намъ эти палаты выстроилъ?

Андрей.

Все это я понимаю-съ.

Гаврила Пантелѣичъ.

А каково было наживать-то ему? Вѣдь онъ въ лапоткахъ въ Москву-то пріѣхалъ, на себѣ воду возилъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, и подъ дождемъ, и на морозѣ...

Андрей.

Все это при немъ и останется-съ

Гаврила Пантелѣичъ.

Коли ты труды его ни во что ставишь, такъ хоть за умъ-то почти! Ума-то въ этой головѣ было не то, что у насъ съ тобой!

Андрей.

Да я за все его почитаю и уважаю.

Гаврила Пантелѣичъ.

Поглядывай на него почаще, такъ самъ умнѣе будешь. (Строго.) Подай мнѣ ихъ, я имъ мѣсто найду!

Андрей.

Извольте-съ. Я давно Прохору говорю, чтобъ онъ ихъ внизъ снесъ. Вы напрасно въ сердце приходить изволите.

Гаврила Пантелѣичъ.

Не напрасно! Погляди на себя хорошенько, то ли ты дѣлаешь-то? Ты, можетъ, думаешь, что родители-то — звѣри, что они къ дѣтямъ все съ сердцемъ, да съ грозой; такъ нѣтъ, братъ, и тоскуютъ по васъ иногда, бываетъ, что и до слезъ... (Утираетъ глаза и, махнувъ рукой, идетъ къ двери.)

Андрей (останавливая отца).

Позвольте-съ! Что же такъ со слезами уходить, будто я васъ обидѣлъ? Вѣдь я вашъ сынъ-то; нужды нѣтъ, что я хожу во фракѣ, а и во мнѣ тоже этой дикости довольно, достаточно. Вы меня за самое сердце задѣли, а и — русскій человѣкъ: въ такомъ разѣ могу все, что для меня дорогого, сейчасъ пополамъ, да на-двое. Скажите одно ласковое слово, такъ все брошу, и не то, что конторщикомъ или машинистомъ, кочегаромъ у васъ на фабрикѣ буду.

Гаврила Пантелѣичъ.

Ну, ну, Богъ съ тобой! Родня мы, родня, вижу.

Андрей.

Крутое сердце у меня, тятенька.

Гаврила Пантелѣичъ.

Да вижу, вижу...

Андрей.

Но и не дуракъ при томъ...

Гаврила Пантелѣичъ.

Заходи завтра утромъ, столкуемся. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Андрей, потомъ **Прохоръ.**

Андрей (берется за голову).

Въ самомъ дѣлѣ, на дѣдушку-то посматривать: не поумнѣю ли? Нѣтъ, конечно, надо приставать куда-нибудь, къ одному берегу. Бариномъ мнѣ не быть, такъ хоть купцомъ-то остаться порядочнымъ. Довольно разыгрывалъ дурака; пора за умъ взяться. Вотъ когда думать-то моей глупой головѣ, да думать такъ, чтобъ лобъ трещалъ; а что обдумаю — хорошо ли, дурно ли — такъ ужъ завинтить накрѣпко. Прохоръ! (Входитъ Прохоръ.) Не пущай ко мнѣ никого.

Прохоръ.

Слушаю-съ.

Андрей.

Ни одного человѣка. (Уходитъ въ дверь налѣво.)

(Входитъ Елена Васильевна.)

Явленіе седьмое.

Елена и **Прохоръ.**

Елена.

Кто былъ здѣсь?

Прохоръ.

Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна пріѣхали съ фабрики, такъ приходили къ Андрею Гаврилычу.

Елена.

А гдѣ онъ, Андрей Гаврилычъ?

Прохоръ.

У себя въ кабинетѣ. Не приказали безпокоить: дѣломъ заняты.

Елена.

Ко мнѣ, кромѣ Агишина, никого не принимать.

Прохоръ.

Слушаю-съ. (Уходитъ.)

(Нина Александровна входитъ.)

Явленіе восьмое.

Елена, Нина Александровна, потомъ Прохоръ.

Елена.

Мама, что ты такая кислая?

Нина Александровна.

Я совсѣмъ умираю отъ мигреней; да и ты сегодня что-то не въ духѣ.

Елена.

Мнѣ скучно, мнѣ тяжело, мнѣ надоѣла моя жизнь!

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, какъ я страдаю за тебя! Ты начинаешь раскаяваться? Это ужасно. Я предчувствовала, что между вами ничего не будетъ общаго; ты, до сихъ поръ, нисколько, кажется, не сошлась съ нимъ.

Елена.

Да, онъ мнѣ чужой, совершенно чужой. Я замѣчаю, что онъ гораздо лучше, серьезнѣе, умнѣе, чѣмъ я прежде о немъ думала; въ немъ есть рѣшительность, отвага. Я его уважаю и даже нельзя

сказать, чтобы я была къ нему совсѣмъ равнодушна: какое-то довольно теплое, какъ бы родственное чувство есть къ нему.

Нина Александровна.

Что жъ тебѣ еще?

Елена.

Но, мама, въ немъ нѣтъ этого „чего-то", что нравится женщинамъ, что ихъ покоряетъ. Такой недостатокъ уничтожаетъ все въ мужчинѣ. Мнѣ иногда очень жаль его, особенно, когда я вижу его отчаяніе; но, чтобъ оказать ему ничтожную ласку, мнѣ надо сдѣлать надъ собой большое насиліе.

Нина Александровна.

Ты его уважаешь, этого, кажется, довольно бы...

Елена.

Для меня мало.

Нина Александровна.

Но чѣмъ же все это кончится?

Елена.

Не знаю; но, кромѣ того, есть еще помѣха... Мама, я тебя обманывать не стану: сегодня или очень скоро должна рѣшиться моя участь. Можетъ быть, я поступлю дурно, но не проклинай меня, а прости и пожалѣй...

Нина Александровна (вслухъ).

Лена, Боже мой! Дитя мое, что у тебя въ головѣ?..

(Входитъ Прохоръ.)

Прохоръ.

Г. Агишинъ.

Елена.

Просить. (Прохоръ уходитъ.) Ничего, ничего, мама;

это я такъ, я сильно выразилась. Иди, прилягъ, успокойся! Мы послѣ поговоримъ.

Нина Александровна.

Ну, хорошо; ну, Богъ съ тобой! Я знаю, что ты меня пожалѣешь. (Цѣлуетъ дочь и уходитъ.)

(Входитъ Агишинъ.)

Явленіе девятое.

Елена и Агишинъ.

Агишинъ.

Ваше здоровье?

Елена.

Какъ всегда.

Агишинъ.

Пощадите, Елена Васильевна, половина моихъ пріятелей готовы въ сумасшедшій домъ! Только и рѣчей, только и вопросовъ, что о васъ.

Елена.

Я не очень малодушна, меня это не радуетъ нисколько. Напротивъ, я страдаю, очень страдаю.

Агишинъ.

Что съ вами? это меня пугаетъ.

Елена.

Я сгоряча, не одумавшись, сдѣлала самый важный шагъ въ жизни, я поторопилась выйти замужъ. Съ перваго же дня замужества я почувствовала раскаяніе: я сдѣлала дурное дѣло.

Агишинъ.

Мнѣ кажется, вы просто хандрить начинаете.

Елена.

Я чувствовала и чувствую раскаяніе, только я

стараюсь заглушить его въ себѣ — но не въ силахъ! Когда я кинулась въ эту жизнь, я увидала, что задача, которую я взяла на себя, мнѣ невыносима, что и не та, какой я себя представляла, что я лучше! А ужъ дурное дѣло сдѣлано, и его ужъ не воротишь.

Агишинъ.

Вамъ надо отдохнуть, вамъ надо отдохнуть! Успокоитесь немного, а потомъ... скоро мы съ вами за границу, подъ другое небо! Вернетесь вы оттуда веселая и бодрая...

Елена.

Но я притворяться не могу и не стану.

Агишинъ.

Посмотрите на другихъ женщинъ: какъ легко онѣ...

Елена.

Не говорите мнѣ, не говорите мнѣ о другихъ женщинахъ! я не хочу ихъ ни судить, ни брать съ нихъ примѣра. Я чувствую, чувствую всѣмъ моимъ существомъ, что могу принадлежать только одному, иначе... иначе гадко, отвратительно! Мое нравственное чувство возмущается при одной только мысли...

Агишинъ.

Все нравственность, все еще идеалы!..

Елена.

Нѣтъ, какое идеалы? это просто отвращеніе! Я не знаю, какое это чувство: нравственное или физическое, но знаю, что безъ этого чувства человѣкъ не человѣкъ.

Агишинъ.

Или вы существо особенное, или я совсѣмъ не понимаю женщинъ! По-моему, что за любовь, что за страсть безъ интриги, безъ проступка!

Елена.

Проступокъ ужъ сдѣланъ, да не проступокъ, а преступленіе. Развѣ не преступленіе то, что я сдѣлала съ Андреемъ? Я умышленно обманула его, любя другого, и для другого я сдѣлалась его женой, хотя по имени только; но вѣдь это имя — чужое, и состояніе, которымъ я пользуюсь — чужое! Вѣдь это воровство!

Агишинъ.

Но чего же вы хотите?

Елена.

Чего я хочу? Я скажу всѣмъ, и скажу рѣшительно: я хочу открыто разойтись съ мужемъ.

Агишинъ.

Что вы, что вы! Вѣдь это позоръ!

Елена.

Да, позоръ! Я хочу, чтобъ всѣ знали, что я такое! Я хочу перенести должное, заслуженное, и затѣмъ жить, какъ сердце хочетъ. Позоромъ, однимъ позоромъ только могу я теперь частію искупить мое преступленіе и добыть вновь свободу, которой я лишилась.

Агишинъ.

Но... но... я не понимаю, что же дѣлать?

Елена.

Очень просто! ну, хотя бы такъ: завтра, послѣзавтра мы съ вами вдвоемъ за границу!

Агишинъ.

Гм... да... И это у васъ рѣшено?

Елена.

Да, рѣшено! Что же? Вы поражены, вы, кажется, просто испуганы? Или мнѣ только кажется такъ?

Агишинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, а только такой шагъ!

Елена.

Да какой же еще шагъ? Всякій другой хуже, безнравственнѣе!

Агишинъ.

Нужно приготовиться, нужно обдумать: послѣдствія слишкомъ серьезны.

Елена (съ гнѣвомъ).

Такъ вотъ что! Вы не готовы, вамъ нужно еще обдумать!

Агишинъ.

Не за себя! Боже мой, поймите, за васъ! Такія вещи подъ минутной вспышкой не дѣлаются, тутъ нужно все...

Елена.

Минутная вспышка! Чувство такое созрѣвшее и сильное, что я не подорожила ничѣмъ, пошла на преступленіе — и вы осмѣлились назвать его минутной вспышкой!

Агишинъ.

Извините, простите! Нѣтъ, вотъ что! За себя я на все, на все готовъ, умереть на плахѣ готовъ за васъ; но, любя васъ, я дорожу вами и трепещу за каждый вашъ шагъ; я думаю надъ каждымъ вашимъ движеніемъ! Я хочу видѣть самое отдаленное будущее, знать самыя крайнія послѣдствія.

Елена.

Довольно, довольно!.. Я вѣрю вамъ; да, я вижу теперь, что и мнѣ нужно подумать. (Отворачивается въ сторону. Входитъ Андрей.)

Явленіе десятое.

Елена, Агишинъ и Андрей.

Агишинъ.

Здравствуй, другъ!

Андрей (холодно).

Наше вамъ почтеніе!

Агишинъ.

Что съ тобой? Ты еще отъ маскарадовъ не очнулся?

Андрей.

Нѣтъ, очнулся, отъ всѣхъ маскарадовъ очнулся... А много я ихъ видѣлъ — и вчера, и сегодня, и въ маскарадѣ маскарадъ, и дома маскарадъ!

Агишинъ.

Что за разговоръ, мой другъ? Ты чѣмъ-нибудь взволнованъ, огорченъ?

Андрей (сухо).

Это ужъ мое дѣло! (Еленѣ.) Я хотѣлъ съ вами, Елена Васильевна, — собственно съ вами — побесѣдовать: но вѣдь мы еще успѣемъ, завсегда можемъ... (Съ горькой улыбкой.) Свои люди!.. Извините, что помѣшалъ! Извольте продолжать вашъ разговоръ-съ. (Уходитъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Елена и Агишинъ.

Агишинъ.

Что съ нимъ? Онъ звѣремъ смотритъ! Минута, кажется, не совсѣмъ удобная, чтобы намъ съ вами продолжать начатый разговоръ. (Подходитъ и беретъ ее за руку.) Завтра или на-дняхъ мы возобновимъ его.

Елена.

Не поздно ли будетъ?

Агишинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, куда торопиться! Вы успокойтесь! А теперь до свиданія! Такъ, такъ, такъ, отлично! Смѣлый, рѣшительный шагъ въ жизни — это очень хорошо! Мы поѣдемъ, мы съ вами поѣдемъ. До свиданія! (Уходитъ.)

Елена (вслѣдъ ему).

Не поѣдешь ты, не поѣдешь: вижу и я теперь тебя! И для него-то столько жертвъ и такія страданія! Но что же я? гдѣ я? зачѣмъ я здѣсь? (Въ слезахъ закрываетъ лицо руками.) Какое я жалкое созданіе, какое ничтожное!

Явленіе двѣнадцатое.

Елена и Андрей.

Андрей.

Не плачьте, я васъ сейчасъ утѣшу.

Елена (съ грустью).

Ахъ, это вы! Что вы?

Андрей.

Вы плачете, можетъ быть, отъ того, что себѣ стѣсненіе чувствуете, такъ я вамъ свободу дамъ-съ! Да и мнѣ она нужна. Какъ бы вы меня ни цѣнили — шутомъ ли, дуракомъ ли — это ваше дѣло-съ; только вѣдь и шуту отдохнуть надо! А если все его поминутно дразнить, такъ онъ озлобится и звѣремъ станетъ! И давайте мы съ вами на чистоту, отъ чистаго сердца, значитъ! И словъ будетъ немного — къ чему они-съ? все дѣло, какъ ясный день видно! Все наружу вышло: и тайны ваши, и любовь ваша. А къ кому — объ этомъ говорить не нужно-съ... А зачѣмъ вы меня къ этому дѣлу

припутали и надъ сердцемъ моимъ надругались — это мы разбирать не будемъ; это ужъ послѣ пусть Богъ разсудитъ! А теперь намъ одно: чтобы каждому по своей дорогѣ, чтобъ другъ другу не мѣшать! И отличное будетъ дѣло-съ: вы ужъ поѣзжайте съ нимъ за границу, какъ вы изволили собираться; денегъ у васъ довольно-съ... Извините-съ, я васъ деньгами не попрекаю... я вамъ даже вотъ что скажу: коли мало будетъ, еще возьмите-съ: души не жалѣлъ для васъ, пожалѣю ли денегъ-съ! Такъ вотъ и извольте ѣхать... А я ужъ... ну, ужъ я тамъ свой предѣлъ найду-съ, а вамъ и не интересно, да и знать обо мнѣ не для чего-съ!.. Только, любя васъ, я вамъ признаюсь, хоть и не надо бы, что мнѣ будетъ не такъ ужъ больно весело, какъ вамъ!.. (Сквозь слезы.) И что погибели на свою бездольную голову я буду очень радъ-съ.

Елена (съ рыданіемъ).

Да хоть не плачьте, это невыносимо!

Андрей.

Да-съ, объ чемъ плакать? Это точно-съ: плакать ужъ нечего, поздно!.. Только вотъ что-съ, вы уѣзжайте скорѣй, скорѣй, говорю вамъ!.. И ради Бога, ради самого Бога, чтобы ничего промежъ вами на глазахъ моихъ!.. Потому я еще люблю васъ, съ собою не совладаю и могу быть страшенъ. Я убью васъ, его — ко мнѣ ужъ давно къ горлу подступаетъ и грудь давитъ! Я домъ зажгу и самъ въ огонь брошусь!.. Ради Бога, пожалѣйте вы меня и себя... Собирайтесь — и Богъ съ вами! Прощайте! (Быстро уходитъ въ среднюю дверь. Елена, рыдая, падаетъ въ кресло.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Дѣйствующія лица.

Бѣлугинъ, Г. П.
Бѣлугина, Н. П.
Бѣлугинъ, Андрей.
Кармина, Н. А.
Елена Васильевна.
Сыромятовъ.
Сыромятова, Таня.
Агишинъ.
Прохоръ.

Декораціи четвертаго дѣйствія.

Явленіе первое.

Нина Александровна, Елена (выходятъ изъ боковой двери справа), потомъ **Прохоръ.**

Нина Александровна.

Какъ это непріятно, какъ это непріятно! Вотъ какія дурныя замашки у этихъ людей! Какъ ты разстроена, бѣдная Лена! (Елена заглядываетъ въ дверь налѣво.) Что, нѣтъ его тамъ?

Елена.

Нѣтъ.

Нина Александровна.

Не умѣютъ они вести себя, никакой въ нихъ порядочности нѣтъ, никакого снисхожденія къ женскимъ нервамъ.

Елена.

Гдѣ онъ, что съ нимъ? Убѣжалъ вчера, какъ сумасшедшій, и вотъ до сихъ поръ его нѣтъ.

Нина Александровна.

Кто жъ его знаетъ! Вѣдь это ужъ такіе люди: они свои чувства умѣрять не умѣютъ, у нихъ все черезъ край — и хорошее и дурное, и радость и горе. Отъ радости они готовы плясать и обнимать всякаго встрѣчнаго, а горе или въ винѣ топятъ, или что-нибудь еще хуже.

Елена.

Мама, ты меня пугаешь...

Нина Александровна.

Кажется, тебѣ его жалко немножко?

Елена.

Очень естественно: у него горя не было — откуда оно перешло къ нему, отъ кого?

Нина Александровна.

Разумѣется, какъ его не жалѣть! и мнѣ его жалко, ужъ давно жалко...

Елена.

Надо будетъ успокоить его; страшно видѣть людей, которые собой владѣть не умѣютъ.

Нина Александровна.

Да, да. А вѣдь я думала, что ты, послѣ вчерашняго, сердишься на него.

Елена.

За что? Онъ былъ правъ по-своему, совершенно правъ. Я должна была ждать этой выходки: вѣдь онъ не кукла же, наконецъ! Да въ его словахъ и не было ничего обиднаго, въ нихъ было гораздо больше любви, чѣмъ упрековъ. Неизвѣстно, кто сильнѣе въ это время страдалъ: я или онъ.

Нина Александровна.

Все-таки не мѣшало ему быть деликатнѣе и не доводить тебя до обморока. Ты разстроилась и не спала всю ночь, бѣдная моя Лена!

Елена.

Я привыкла не спать по ночамъ, а по утру — я сама не знаю зачѣмъ — я все слушала, не будетъ ли звонка въ передней. Меня сначала удивило, а потомъ испугало, что онъ совсѣмъ не явился домой. Ахъ, какъ онъ меня любитъ, какъ сильны страсти у этихъ простыхъ людей!

Нина Александровна.

Тѣмъ лучше: значитъ, тебѣ только приласкать его немного, и онъ опять — твой покорный рабъ.

Елена.

Безъ сомнѣнія, я объ этомъ и не безпокоюсь нисколько. Но у меня еще какъ-то не все ясно въ головѣ; мнѣ чего-то недостаетъ, не хватаетъ рѣшительности и что-то мѣшаетъ.

Нина Александровна.

Я была бы очень рада, Лена, если бъ ты освободилась отъ дурныхъ вліяній.

Елена.

Да, мама, я, кажется, освобожусь. Я много передумала и перечувствовала въ эту ночь.

Нина Александровна.

Слушайся болѣе голоса сердца, Лена! Совѣсть, долгъ — не пустыя слова. Кто думаетъ ихъ заглушить въ себѣ, тотъ ни покоенъ, ни счастливъ быть не можетъ.

Елена (подумавъ).

Да, да, правда твоя. (Входитъ Прохоръ изъ средней двери съ чемоданомъ.) Андрей Гаврилычъ еще не бывалъ?

Прохоръ.

Никакъ нѣтъ-съ; они внизу, у Гаврилы Пантелѣича, тамъ и чай кушали.

Елена.

А когда же онъ домой пріѣхалъ?

Прохоръ.

Да они вчера не поздно-съ; только прошли другимъ ходомъ: не хотѣли звонить, чтобы васъ не безпокоить.

Елена.

Мама, мы ошиблись: онъ имѣетъ снисхожденіе къ женскимъ нервамъ.

Нина Александровна.

Ихъ не скоро поймешь, мой другъ.

Елена.

Зачѣмъ же ты чемоданъ несешь?

Прохоръ.

Да хочу укладываться: на фабрику ѣдутъ — только позавтракаютъ. Сейчасъ приказали здѣсь у нихъ закуску накрывать. (Уходитъ въ дверь налѣво.)

Елена.

На фабрику... онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ.

Нина Александровна.

Вѣроятно, отецъ посылаетъ; онъ самъ не зналъ. Ну, теперь твои волненія кончились. Ахъ, у меня тамъ кофе стынетъ. (Уходитъ направо.)

(Входитъ Андрей; на немъ теплый кафтанъ съ мѣховой опушкой, подпоясанъ ремнемъ, въ русскихъ высокихъ сапогахъ.)

Явленіе второе.

Елена и Андрей.

Андрей.

Съ добрымъ утромъ-съ! (Кланяется и почтительно цѣлуетъ руку Елены.)

Елена.

Гдѣ вы были?

Андрей.

Гдѣ я былъ-то-съ? А вамъ на что? У тятеньки былъ.

Елена.

Нѣтъ, гдѣ вы вчера были?

Андрей.

Пріятеля встрѣтилъ, Сыромятова. У него и былъ-съ. Да это ужъ мое дѣло.

Елена.

Да, конечно, извините. Я совсѣмъ не то хотѣла спросить. Вы здоровы?

Андрей.

Что жъ это вамъ вдругъ такая особенная печаль обо мнѣ пришла?

Елена (строго).

Отвѣчайте на вопросъ! Вы здоровы?

Андрей.

Слава Богу-съ!

Елена.

Съ меня и довольно. Я желала знать о вашемъ здоровьѣ, потому что безпокоилась за васъ. Вы вчера были такъ разстроены...

Андрей.

Это съ нами случается-съ, пошумимъ... Такъ неужто съ этого хворать? Это ужъ много будетъ!

Елена (осматривая его).

Что вы, въ маскарадъ собрались?

Андрей.

Нѣтъ, на фабрику-съ. Извините, что въ такомъ видѣ! Теперь не до моды: надо за работу приниматься.

Елена.

Да ничего, это къ вамъ идетъ.

Андрей.

Идетъ ли, нейдетъ ли — ужъ на это мы не смотримъ. Теперь время зимнее, у насъ на фабрикѣ и нѣмцы, и англичане въ такихъ тулупчикахъ ходятъ.

Потому — бѣгать по корпусамъ то въ ткацкую, то въ лоботорію...

Елена.

Въ лабораторію...

Андрей.

Такъ точно-съ. Мудреное слово-то, не скоро выговоришь. Да и въ красильнѣ, промежду чанами, вертѣться во фракѣ-то — оно не очень способно.

Елена.

И вы надолго ѣдете?

Андрей.

Не знаю-съ. Мѣсяца три пробуду, а можетъ, и больше. Да что и въ Москвѣ-то дѣлать? какая тутъ радость особенная?

Елена.

Да, вотъ какъ!

Андрей (прислушиваясь).

Кажется, наши идутъ-съ, ко мнѣ на закуску-съ. Такъ ужъ вы меня не конфузьте! А какъ будто между нами ничего не было. Разъѣдемся съ миромъ: я на фабрику, вы — за границу.

(Входятъ Сыромятовъ и Таня.)

Явленіе третье.

Андрей, Елена, Сыромятовъ и Таня.

Андрей (Еленѣ).

Это мой старый пріятель-съ...

Сыромятовъ.

Ужъ извините-съ. Сыромятовъ по фамиліи, Василій Ивановъ-съ.

Андрей (Еленѣ).

А это его сестра-съ, Татьяна Ивановна Сыромятова. (Танѣ.) Супруга моя, Елена Васильевна.

Таня (подавая руку Еленѣ).

Очень пріятно познакомиться.

Сыромятовъ.

Ну, ужъ! гдѣ намъ знакомство такое? (Еленѣ.) Не важная-съ особа: за мучника выходитъ.

Андрей.

Да капиталъ-то у этого мучника больно здоровъ; онъ всѣхъ насъ купитъ. (Танѣ.) Видно, у васъ на фабрикѣ воздухъ очень здоровъ.

Таня.

Почему такъ?

Андрей.

По красотѣ вашей сужу. Вы еще лучше прежняго стали, много превосходнѣе.

Таня.

Такъ мнѣ и надобно: вѣдь я — невѣста.

Андрей (Танѣ).

А если я опять, по старому, начну вамъ свою любовь выражать, вашъ мужъ меня на дуэль не вызоветъ?

Таня.

Не знаю.

Сыромятовъ.

Что за дуэль! У насъ такъ не водится. По нашему, полѣномъ — вотъ и все...

Андрей.

Хорошее обыкновеніе у васъ, и другимъ перенять его не мѣшаетъ.

Таня.

Я-то поправилась, а вы-то на что похожи? Что вы, нездоровы были, или что съ вами?

Андрей.

Я ничего-съ, я здоровъ и всѣмъ доволенъ.

Таня (Еленѣ).

Ужъ вы, Елена Васильевна, берегите его, чтобъ онъ здоровый былъ, веселый — вотъ, какъ я.

Елена.

Я очень бы рада была, если бъ онъ былъ здоровъ и веселъ.

Таня.

Любить его надо хорошенько, вотъ онъ и веселъ будетъ.

Елена.

Хорошо, я послѣдую вашему совѣту. А скажите, пожалуйста: у васъ тамъ, на фабрикѣ, я думаю, тоска невыносимая...

Таня.

Нѣтъ, отъ чего же? У насъ знакомство большое, иностранцевъ много, англичанъ; у нихъ жены — такія музыкантши. Всѣ газеты получаемъ, журналы.

Елена.

Но вѣдь тамъ ничего достать нельзя. Вотъ, напримѣръ, приданое: неужели за всякою малостью въ Москву ѣздить?

Таня.

Кто и въ Москву ѣздитъ, далеко ли тутъ? А мы мало зачѣмъ сюда ѣздимъ.

Елена.

Неужели тамъ покупаете?

Таня.

Нѣтъ, мы изъ Парижа выписываемъ. Отъ насъ туда постоянно ѣздятъ, рѣдкій мѣсяцъ оказіи не бываетъ; какъ что новое, сейчасъ и получаемъ. Мнѣ однѣхъ шляпокъ съ дюжину привезли — любую надѣвай.

Елена.

Вотъ какъ! Вамъ позавидуешь.

Андрей (Сыромятову и Танѣ).

Пожалуйте ко мнѣ, пожалуйте закусить!

Таня (Еленѣ).

А вы что жъ?

Елена.

Я не хочу.

Андрей.

Имъ еще рано, онѣ только что встали. (Провожаетъ Сыромятовыхъ въ дверь налѣво.) А вотъ и тятенька съ маменькой!

(Входятъ Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна.)

Явленіе четвертое.

Андрей, Елена, Гаврила Пантелѣичъ и Настасья Петровна.

Андрей.

Пожалуйте-съ! Съ женой прощался-съ.

Гаврила Пантелѣичъ (кланяясь).

Нельзя же. Честь честью.

Андрей.

Вѣдь кто знаетъ, скоро ль увидимся.

Настасья Петровна.

Ахъ, Елена Васильевна, здравствуйте!

Андрей.

Пожалуйте, маменька.

Гаврила Пантелѣичъ (женѣ).

Иди, иди!

(Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна и Андрей уходятъ въ дверь налѣво. Входитъ Нина Александровна.)

Явленіе пятое.

Елена и Нина Александровна.

Елена.

Мама, что жъ это такое?

Нина Александровна.

Что, что?

Елена.

Онъ меня совсѣмъ знать не хочетъ! Онъ не обращаетъ на меня никакого вниманія.

Нина Александровна.

Тебѣ такъ показалось, Лена.

Елена.

Нѣтъ. Онъ на нѣсколько мѣсяцевъ уѣзжаетъ на фабрику и объявляетъ мнѣ объ этомъ совершенно равнодушно, какъ посторонней женщинѣ. Гдѣ жъ его обожаніе?

Нина Александровна.

А ты давеча говорила, что онъ тебя очень любитъ...

Елена.

А вы давеча говорили, что стоитъ только приласкать его немножко.

Нина Александровна.

Кто жъ ихъ разберетъ? Мы обѣ ошиблись!

Елена.

Ни малѣйшей даже теплоты, ни малѣйшаго участія ко мнѣ...

Нина Александровна.

Да на что тебѣ его участіе? Слава Богу, что не сердится, изъ себя не выходитъ. Онъ уѣзжаетъ на фабрику — ну, и Богъ съ нимъ! Ты сама желала свободы.

Елена.

Конечно, свобода для женщины — дѣло дорогое; но что же онъ думаетъ обо мнѣ? Я не могу допускать, чтобъ меня подозрѣвали въ чемъ-нибудь дурномъ. Развѣ легко сносить презрительное обращеніе? Да и отъ кого же еще? Отъ человѣка, котораго я считала гораздо ниже себя... Что за преступленіе я сдѣлала? Если я нѣсколько виновата, такъ и онъ неправъ; въ немъ нѣтъ ни ловкости, ни хорошихъ манеръ... Я не обнаруживаю большой любви къ нему... и все-таки онъ не имѣетъ права, я не подала ему никакого повода презирать меня. Я хочу, я требую, чтобъ онъ простился со мной, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, почтительно, нѣжно...

Нина Александровна.

Все это ты ему скажи, Лена.

Елена.

Ахъ, мама, могу ли я? Я вся разбита, я теряю голову, умъ... Я не могу управлять, владѣть собой. Поговори, мама, ты съ нимъ!

Нина Александровна.

Хорошо, поговорю. Но какъ я его увижу? У него теперь гости.

Елена.

Вѣроятно, онъ выйдетъ; придетъ же онъ хоть поклониться намъ.

Нина Александровна.

Да, конечно. Пойдемъ, отдохни, успокойся. Ты не спала, вотъ и разстроилась!

(Уходятъ направо. Входятъ Андрей и Прохоръ.)

Явленіе шестое.

Андрей, Прохоръ, потомъ Агишинъ.

Андрей.

Какой тамъ дуракъ накрывалъ? Шампанскаго нѣтъ. Скажи, чтобъ подали бутылки двѣ, три. Нешто проводы безъ шампанскаго бываютъ?

Прохоръ.

Слушаю-съ. (Идетъ къ двери и встрѣчается съ Агишинымъ. Андрей идетъ къ двери налѣво; но, увидавъ Агишина, останавливается, у двери).

Агишинъ (не видя Андрея).

Кто дома?

Прохоръ.

Елена Васильевна и Андрей Гаврилычъ!

Агишинъ.

А!.. Онъ дома?

Прохоръ.

Дома-съ, да и родители его здѣсь.

Агишинъ.

Семейная картина! Ну, такъ я послѣ зайду. Ты не говори, что я былъ.

Андрей

(подходитъ къ Агишину и беретъ его за руку).

Нѣтъ, что жъ, куда же бѣжать? Ужъ это зачѣмъ же?

Агишинъ.

Новый способъ имѣть гостей! Тащить ихъ си-

лой, за воротъ! Но я, другъ мой, зашелъ мимоходомъ... мнѣ очень нужно тутъ, недалеко, по одному дѣлу...

Андрей.

Ну, да полно городить-то! Сюда шелъ, здѣсь твои всѣ и мысли, и все — здѣсь и ждутъ тебя. А меня и сунуло тебѣ навстрѣчу. Ну, да ничего, я сейчасъ ѣду на фабрику.

Агишинъ.

Ты говоришь какую-то дичь! И вообще я замѣчаю съ нѣкоторыхъ поръ, что ты ко мнѣ странно относишься. Ты что-нибудь имѣешь противъ меня? Если мы съ тобой не объяснимся и если мы не станемъ по старому пріятелями, то я долженъ буду разстаться съ тобой навсегда, какъ мнѣ ни пріятно знакомство съ вашимъ домомъ.

Андрей.

„Что-то“ да „какъ-то“ — это все канитель! Ну, какого еще чорта! А по-нашему — начистоту! Коли заговорили, такъ давай договаривать. Ты думаешь, я вашихъ штукъ не вижу? А если вы хотѣли меня дурачить, такъ ошиблись!..

Агишинъ.

Но я не понимаю... я все-таки не понимаю... Для меня ново, неожиданно...

Андрей.

Полно, Николай Егорычъ, полно! Что тѣнь-то наводить — дѣло ясное. На дуэли мы съ тобой драться не будемъ: коли дѣло плохо, ты его стрѣльбой не поправишь; сколько ни пали, а черное бѣлымъ не сдѣлать! А если у васъ дальше пойдетъ и шашни свои ты не оставишь, такъ, пожалуй, ноги я тебѣ переломаю; за это я не ручаюсь, отъ меня станется. Вотъ теперь разговаривай съ женой. Про-

хоръ, доложи Еленѣ Васильевнѣ, что господинъ Агишинъ желаетъ ихъ видѣть. (Прохоръ уходитъ въ дверь направо.) А со мною говорить больше не объ чемъ; я все сказалъ, что тебѣ знать нужно. (Уходитъ въ дверь налѣво).

Агишинъ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть дѣло съ этими дикими. Какой дурацкій апломбъ! Какая увѣренность въ своихъ супружескихъ правахъ! То ли дѣло — развитые, современные мужья! Они какъ будто конфузятся, стыдятся своего привилегированнаго положенія и ужъ нисколько не вѣрятъ въ неприкосновенность своихъ правъ. Порядочный мужъ, коли замѣтитъ что-нибудь такое, онъ сейчасъ устранитъ себя... Какъ-нибудь да устранитъ... ну, тамъ застрѣлится, что ли... А этотъ говоритъ: „ноги переломаю“... Да онъ и сдѣлаетъ... Вотъ такъ и гляди теперь по всѣмъ сторонамъ, такъ и поглядывай.

(Входятъ Елена и Прохоръ, который проходитъ въ среднюю дверь.)

Явленіе седьмое.

Агишинъ, Елена, потомъ **Нина Александровна.**

Елена.

А, Николай Егорычъ, какъ кстати! я васъ ждала. Ну, что же, мы ѣдемъ за границу? Вы обдумали, рѣшили, готовы?

Агишинъ (оглядываясь).

Что вамъ угодно? Что вамъ угодно? (Тихо.) Да, я готовъ.

Елена.

Ну, такъ пойдемте и объявимъ объ этомъ открыто мужу. Надо же его, бѣднаго, развязать и дать ему право совсѣмъ освободиться отъ меня.

Агишинъ (улыбаясь).

„Бѣдному!“ А вы, кажется, начинаете чувствовать нѣжность къ вашему мужу?

Елена.

Что бы я ни чувствовала, а иначе поступить не могу! Вы готовы, говорите: готовы?

Агишинъ.

Что вы меня такъ строго допрашиваете? Да вы сами-то готовы ли? Какія у васъ средства бросить мужа и жить самостоятельно?

Елена.

У меня семьдесятъ-пять тысячъ... то есть, нѣтъ, меньше: мама, по своей добротѣ, раздала въ займы больше половины своимъ знакомымъ, съ которыхъ никогда не получишь.

Агишинъ.

Такъ вѣдь это нищенство! Васъ замучаетъ только одно сожалѣніе о покинутой роскоши, о кружевахъ, о бархатѣ. Ужъ до любви ли тутъ! Вотъ если бъ вы успѣли въ этотъ мѣсяцъ, пользуясь его безумной, дикой любовью, заручиться состояніемъ тысячъ въ триста, тогда бы вы могли жить самостоятельно и счастливо, какъ душѣ угодно.

Елена.

Значитъ, по вашему, чтобы быть счастливымъ, надо прежде ограбить кого-нибудь?

Агишинъ.

Ну, да какъ хотите, разсуждайте; а вы сдѣлали ошибку большую! Задумали-то хорошо, а исполнить — характера не хватило. Вотъ плоды сантиментальнаго воспитанія.

Елена.

Да, то есть, умъ-то вы успѣли во мнѣ развратить, а волю-то не умѣли — вотъ вы о чемъ жалѣете! Помѣшали вамъ мои хорошіе природные инстинкты А я этому очень рада...

Агишинъ.

Такъ объ чемъ же намъ разговаривать, madame Бѣлугина?

Елена.

Да я и не желаю съ вами разговаривать никогда и ни о чемъ, monsieur Агишинъ.

Агишинъ.

И прекрасно. Желаю вамъ всякаго благополучія.

(Входитъ Нина Александровна. Агишинъ раскланивается и уходитъ.)

Елена.

Мама, я прогнала Агишина.

Нина Александровна.

Я тебя за это бранить не стану, моя Лена. Мнѣ онъ давно не нравился, я только боялась сказать тебѣ.

(Андрей выглядываетъ изъ двери.)

Елена.

Сдѣлай же то, о чемъ я тебя просила: поговори съ нимъ. (Уходитъ въ дверь направо. Андрей выходитъ.)

Явленіе восьмое.

Нина Александровна и Андрей.

Андрей.

Гдѣ же Агишинъ?

Нина Александровна.

Лена его прогнала.

Андрей.

Что же такъ-съ, чѣмъ не кавалеръ? За что же гнать хорошаго человѣка? А я было, признаться, хотѣлъ ему стаканъ шампанскаго предложить.

Нина Александровна.

Андрей Гаврилычъ!

Андрей.

Что прикажете?

Нина Александровна.

Я съ вами хочу поговорить о Ленѣ...

Андрей.

Насчетъ чего-съ?

Нина Александровна.

Вы обижаете жену.

Андрей.

Помилуйте, что вы! могу ли я?

Нина Александровна.

Вы ее вините.

Андрей.

Въ чемъ это? И не думалъ-съ!

Нина Александровна.

А вы сами неправы...

Андрей.

Чѣмъ же-съ?

Нина Александровна.

Знаете, въ васъ нѣтъ этого „чего-то“...

Андрей.

Да чего — „чего-то“?

Нина Александровна.

Вотъ этого, что нравится женщинамъ, что покоряетъ ихъ. Ахъ, въ васъ совсѣмъ нѣтъ...

Андрей.

Да ужъ сколько ни ахайте: коли нѣтъ, такъ гдѣ же мнѣ взять?

Нина Александровна.

Если бы вы были нѣсколько образованнѣе...

Андрей.

Да Богъ съ вами! Когда мнѣ теперь для васъ образовываться! до того ли мнѣ? у меня фабрика остановилась! Нѣтъ, это пустой разговоръ-съ.

Нина Александровна.

Она, конечно, чувствуетъ и сама, что несовсѣмъ права передъ вами...

Андрей.

Да-съ.

Нина Александровна.

Она дѣйствительно доставила вамъ много огорченія...

Андрей.

Ну, такъ что же-съ? Пусть и покается!

Нина Александровна.

Ахъ, развѣ вы не знаете, какъ всякой женщинѣ трудно сознаться передъ мужчиной въ своей винѣ? А тѣмъ болѣе моей Ленѣ, потому что она не знаетъ, не увѣрена, какъ будутъ ея слова приняты: достаточно вы деликатны, чтобы не вышло какой-нибудь сцены, унизительной для нея?

Андрей.

Такъ кому жъ нужно: нешто кто ихъ заставляетъ?

Нина Александровна.

Ахъ, ей самой нужно. Она не хочетъ, чтобъ у

васъ оставалось неудовольствіе на нее; она не можетъ быть покойна, ей будетъ больно, очень больно.

Андрей.

Стало быть, я же виноватъ. Этого никакъ понять невозможно, да и не до того мнѣ теперь: серьезныя дѣла въ головѣ. Чего же имъ нужно еще отъ меня?

Нина Александровна.

Ахъ, очень просто! Чтобъ вы не сердились на нее, не жаловались; чтобъ вы пощадили ее: у ней натура нѣжная, деликатная — она вся въ меня.

Андрей.

Все же это не дѣло и не въ порядкѣ-съ. Между мужемъ и женой — какіе посредники. Ваши слова для меня — ровно ничего-съ: можетъ, она совсѣмъ и не думаетъ того, что вы говорите; а одна только это ваша фантазія. Нешто такія дѣла черезъ пословъ дѣлаются? Да ужъ если вамъ это очень нужно, такъ скажите, что я ихъ прощаю, прощаю — вотъ и все!..

Нина Александровна.

Какъ, неужели только?

Андрей.

Вотъ еще-съ. (Подаетъ записку.) Онѣ хотятъ ѣхать за границу, такъ чтобъ своихъ денегъ не тратили: по этой запискѣ имъ выдадутъ изъ конторы сколько нужно, на расходы. Здѣсь обозначено-съ. Вотъ теперь все-съ. Я сейчасъ уѣзжаю на фабрику мѣсяца на три; видѣться намъ не зачѣмъ-съ: дальніе проводы — лишнія слезы. Да и не кстати: меня старики провожаютъ, такъ пристойно ли имъ будемъ глядѣть на насъ? Затѣмъ прощайте. (Уходитъ.)

(Входитъ Елена.)

Явленіе девятое.

Нина Александровна и Елена.

Елена.

Ну, что онъ, что?

Нина Александровна (со слезами).

Ахъ, Лена, ахъ, Лена!

Елена.

Что съ тобой, мама?

Нина Александровна.

Онъ ужасный человѣкъ, онъ не желаетъ тебя видѣть! Я это предчувствовала, предчувствовала...

Елена.

Да что? говори, мама!

Нина Александровна.

Вотъ возьми! (Подаетъ записку.) Онъ даетъ тебѣ денегъ на поѣздку за границу.

Елена.

Да что онъ говоритъ-то?

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, онъ велѣлъ сказать, что прощаетъ тебя.

Елена.

„Прощаетъ"!.. Какъ, что ты говоришь, мама?

Нина Александровна.

„Да скажите ей, что я ее прощаю". И видѣться съ тобой не хочетъ.

Елена.

Онъ меня прощаетъ! Скажите! Да онъ мужикъ, невѣжда. Я въ себя придти не могу.

Нина Александровна.

Ахъ, Лена, какъ трудно говорить съ нимъ! Точно тяжесть какую поворачиваешь. У меня отъ него мигрень расходилась.

Елена.

Нѣтъ, я не могу... я не могу стерпѣть такой обиды. Я должна ему высказать.

Нина Александровна.

Но что же, что, Лена?

Елена.

А то, что онъ, при своемъ ничтожествѣ, не смѣетъ такъ презрительно относиться къ людямъ, которые...

Нина Александровна.

Оставь, Лена!..

Елена.

Нѣтъ, нѣтъ! позови его, мама, сейчасъ позови!..

Нина Александровна (въ дверь налѣво).

Андрей Гаврилычъ, подите сюда: Лена васъ проситъ!

(Входитъ Андрей.)

Явленіе десятое.

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Андрей.

Что за дѣла-съ?

Елена.

Кто же вамъ далъ право такъ третировать меня?

Андрей.

Что такое-съ? И не слыхивалъ такихъ словъ.

Елена (со слезами).

Вы меня прощаете? Какую же вину вы мнѣ прощаете? Что вы думаете обо мнѣ?

Андрей.

А не виноваты, такъ объ чемъ толковать?

Елена.

Но вѣдь вы меня оскорбили! Какъ вы смѣли такъ грубо обойтись со мной?

Андрей.

Значитъ, смѣлъ-съ.

Елена.

Да по какому праву?

Андрей.

Потому — мужъ-съ.

Елена.

Значитъ, мужъ имѣетъ право и напрасно обижать жену?

Андрей.

А хоть и напрасно, да, ежели любя, такъ бѣда не велика: не въ судъ на мужа идти!

Елена (со слезами).

Но что жъ, по вашему, должна дѣлать жена, если ее напрасно обидятъ?

Андрей.

Да разное бываетъ-съ: дурныя, да злыя сердятся, да бранятся.

Елена.

А хорошія, честныя?

Андрей.

Сами догадайтесь...

Елена (сдѣлавъ движеніе).

Неужели же?..

Андрей.

Не знаю-съ...

Елена (бросаясь ему на шею).

Такъ, что ли?..

Андрей (отирая слезы).

Само собой, что такъ-то лучше.

Елена (прилегая къ нему).

Да, хорошо мнѣ здѣсь, хорошо!

Андрей.

Давно бы вамъ-съ!

Елена.

Но зачѣмъ же ты такъ грубо обходился со мной?

Андрей.

Я-то грубо? Да я нынче разъ десять заплакать сбирался, только удержался, притворялся...

Елена.

Развѣ ты притворялся?

Андрей.

Да-съ. Эта мысль мнѣ вчера въ голову пришла. Думаю себѣ: пробовалъ и ласками, и слезами — не выходитъ; дай, я свой форсъ на себя возьму. Вотъ и вышло.

Елена.

Маменька, мы опять въ немъ ошиблись.

Нина Александровна.

Ахъ, Лена! я въ себя не могу придти; только одно могу сказать, что я очень рада, очень рада!

Елена.

Мама, какъ этотъ форсъ къ нему идетъ! какая энергія. Теперь онъ настоящій мужчина!

Андрей.

Да я и всегда такой, только передъ вами мокрой курицей былъ, потому — очень обожалъ! А теперь я по другому буду: вотъ какъ-съ. (Обнимаетъ Елену и цѣлуетъ.)

(Входятъ Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Сыромятовъ и Таня.)

Явленіе одиннадцатое.

Нина Александровна, Елена, Андрей, Гаврила Пантелѣичъ, Настасья Петровна, Сыромятовъ и Таня.

Андрей (не выпуская Елены).

Ужъ извините-съ, съ женой заигрался. Плачетъ, на фабрику со мной просится. (Еленѣ.) Такъ, что ли, говори!

Елена (потупясь).

Такъ.

Андрей.

Говоритъ, что ты тамъ одинъ, бобылемъ будешь жить! Ни уходить за тобой, ни приласкать тебя некому. (Еленѣ.) Такъ, что ли?

Елена.

Да, хорошо, такъ, такъ.

Андрей.

И въ гости, и прокатиться все-таки съ хорошенькою женою лучше. (Еленѣ.) Такъ вѣдь?

Елена.

Такъ, такъ.

Андрей.

Тамъ всѣ, говорятъ, съ женами; что жъ тебѣ на

чужое счастье смотрѣть? еще что-нибудь въ голову придетъ...

Елена.

Нѣтъ, ужъ я этого не говорила.

Андрей

Такъ взять, что ли?

Настасья Петровна.

Бери, Андрюша, бери!

Гаврила Пантелѣичъ.

Молчи! забыла, что тебѣ сказано!

Настасья Петровна.

Молчу, батюшка, молчу!

Андрей.

Ужъ, видно, взять ...

Сыромятовъ.

Вотъ и чудесно. Семейное отдѣленіе займемъ, шампанскаго прихватимъ, чтобъ веселѣй ѣхать было!..

Нина Александровна.

Поѣзжай, Лена! А я сберусь, да завтра же къ вамъ пріѣду.

Настасья Петровна.

Батюшка Гаврила Пантелѣичъ, плакать-то можно?

Гаврила Пантелѣичъ.

Плачь себѣ на здоровье!

Таня (Еленѣ).

Это очень пріятно, что вы къ намъ ѣдете.

Елена.

Я у васъ всѣ шляпки пересмотрю; я и себѣ изъ Парижа выписывать буду.

Настасья Петровна.

Да какъ же вамъ тамъ жить-то будетъ? Вѣдь у насъ въ домѣ двухъ половинъ нѣту ...

Елена.

Ахъ, не безпокойтесь, и ненужно совсѣмъ!

Андрей.

Ну, ужъ я для пріѣзда такой балъ задамъ, что въ Москвѣ нашу музыку слышно будетъ!..

Занавѣсъ.

Дикарка.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

А. Н. Островскаго и Н. Я. Соловьева.

Дѣйствующія лица:

Анна Степановна Ашметьева, старуха, богатая помѣщица.

Александръ Львовичъ Ашметьевъ, ея сынъ, почти постоянно проживающій за границей и въ Петербургѣ, представительный, но замѣтно и зарасходовавшійся господинъ; костюмъ и манеры парижанина лучшаго тона.

Марья Петровна, жена его, молодая женщина.

Кириллъ Максимычъ Зубаревъ, старикъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, близкій сосѣдъ Ашметьевыхъ, управляетъ ихъ имѣніемъ; одѣтъ въ платье стараго покроя, изъ дешеваго матеріала; сѣдые усы подстрижены.

Варя, его дочь, молодая дѣвушка.

Викторъ Васильевичъ Вершинскій, значительный чиновникъ изъ Петербурга, молодой человѣкъ.

Димитрій Андреевичъ Мальковъ, помѣщикъ, молодой человѣкъ.

Михаилъ Тарасычъ Боевъ, сосѣдъ Ашметьевыхъ и Зубарева, 45 лѣтъ, холостякъ.

Мавра Денисовна, нянька Вари, старуха.

Гаврило Павлычъ, камердинеръ Ашметьева.

Сысой Панкратьевичъ, старый слуга Ашметьевыхъ.

Дѣйствія 1-ое и 4-ое происходятъ у Ашметьевыхъ, дѣйствія 2-ое и 3-ье у Зубарева.

Дѣйствіе первое.

Дѣйствующія лица:

Ашметьевъ.
Ашметьева, Анна С.
Ашметьева, М. П.
Зубаревъ.
Зубарева, Варя.
Вершинскій.
Гаврило Павлычъ.
Сысой Панкратычъ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Ашметьевыхъ, вблизи губернскаго города.

Сцена представляетъ густой паркъ, въ углу развалины каменной бесѣдки, въ глубинѣ живописная мѣстность за рѣкой.

Явленіе первое.

Гаврило, съ сакъ-вояжемъ; входитъ **Сысой,** въ рукахъ складное кресло.

Сысой.

Гаврило Павлычъ! Куда направленіе имѣете?

Гаврило.

Барина дожидаюсь... Приказано... Купаться идемъ... А вы?

Сысой.

Барыня гуляютъ по парку, такъ кресло ношу... По преклонности ихней, онѣ не могутъ, чтобы безъ отдыха...

Гаврило (осматривая мѣстность).

Ну, и мѣстоположеніе... я вамъ скажу!..

Сысой.

Какъ находите?

Гаврило.

Что ужъ!.. Чего еще превосходнѣе!

Сысой.

На рѣдкость, истинно на рѣдкость... которые ежели понимающіе... Конечно, простой человѣкъ... такъ ему все равно. Это мѣсто по древности, отъ старыхъ людей — Кокуй называется. Когда покойный баринъ, царство небесное, эту рощу подъ паркъ оборотили, такъ и бесѣдка тутъ была построена, и строгій былъ приказъ отъ барина всѣмъ, чтобъ это

самое мѣсто „Миловида“ прозывалось; а барыня, напротивъ того, желали, чтобъ безпремѣнно „Бельвю“. Почитай, что до ссоры у нихъ доходило... Ну, а мужики, помилуйте!.. имъ не вобьешь въ башку-то, развѣ съ ними возможно! Они и теперь все Кокуй, да Кокуй. Было времячко, да прошло: въ тѣ поры въ этой бесѣдкѣ танцы были, ужины, безъ малаго вся губернія съѣзжались, по всѣмъ дорожкамъ цвѣтные фонари горѣли; за рѣкой феверки пущали; а теперь заглохло все.

Гаврило.

Заглохло?

Сысой.

Ну, что ужъ!

Гаврило.

Да оно точно, по вашей сторонѣ, про между господъ настоящей жизни, какъ имъ слѣдуетъ, что-то мало замѣтно.

Сысой.

Гдѣ ужъ, какая жизнь!

Гаврило.

А на мѣсто того, такъ даже и дикость какая-то... какъ будто...

Сысой.

Есть, есть, всего есть... Вы давно служите у барина-то?

Гаврило.

Пятый мѣсяцъ; какъ въ Петербургъ изъ за-границы пріѣхалъ, такъ я и поступилъ.

Сысой.

А я такъ понимаю, что вы съ бариномъ у насъ недолго прогостите...

Гаврило.

А почему вы заключаете?

Сысой.

Посвистывать началъ.

Гаврило.

Развѣ это означаетъ?

Сысой.

Ужъ это вѣрно. Коли коротко свищетъ, ну, еще ничего, а коли продолжительныя аріи, такъ ужъ припасай чемоданы. Я съ нимъ и въ Петербургѣ бывалъ: по началу съ пріѣзда веселый такой, каждый день во фракѣ, все больше по дамамъ... а тамъ, глядишь, и засвисталъ; ну, значитъ, на чужую сторону потянуло... И закатится — поминай, какъ звали!

Гаврило.

Когда еще скучать-то, мы всего пятый день здѣсь; съ мѣсяцъ-то можно прогостить; развѣ что общество...

Сысой.

Тутъ не общество, тутъ главная причина: привязки ему нѣтъ.

Гаврило.

Какая привязка, коли онъ женатый человѣкъ.

Сысой.

Это онъ ни во что считаетъ, этого ему мало.

Гаврило.

А я долго и не зналъ, что онъ женатъ-то. Пять мѣсяцевъ жилъ, а все думалъ, что баринъ у меня холостой; потому ни изъ разговора, ни изъ чего примѣтить этого нельзя у нихъ — холостой, да и все тутъ.

Сысой.

Да онъ и похожъ на холостого; а, не солгать бы, ужъ седьмой годъ женатъ. Барыня на удивленье!

Гаврило.

Насчетъ доброты?

Сысой.

Насчетъ доброты и обходительности — и всего.

Гаврило.

Но при всемъ томъ, я замѣчаю, словно, какъ они другъ другу не въ масть; музыку эту тянутъ, а ладу не выходитъ.

Сысой.

Потому — не ровня, роду она, пожалуй, и дворянскаго, да воспитаніе невысокое получила.

Гаврило.

То-то и по моему замѣчанію тутъ что-то такое подобное...

Сысой.

Папенька у нихъ были офицеръ, молодецъ собой и красавецъ писанный, только женился онъ на купчихѣ на здѣшней, и на ея деньги купилъ имѣніе. Да не долго пожилъ, ушибся на охотѣ объ дерево, разскакался очень, огневый былъ. Барышня-то наша, Марья Петровна, такъ промежду купечества и выросла; барственнаго-то ничего въ ней и не стало; потому заняться было не отъ кого. Отъ маменьки было перенять нечего, окромя что, какъ была она очень добрая женщина и рѣдкостная хозяйка; такъ наша Марья Петровна вышла вся въ нее. Только по возрасту лѣтъ стала въ ней обозначаться красота: начали слетаться женихи. Ну, а нашему ужъ этого перенести никакъ невозможно, чтобы была въ уѣздѣ красавица, да не ему досталась. Сейчасъ познакомился, Марья Петровна въ

него до страсти влюбилась, женихи всѣ прочь, онъ и женился. И съ полгода такъ, какъ въ раю былъ.

Гаврило.

А потомъ?

Сысой.

А потомъ и засвисталъ. Прикинулъ жену-то маменькѣ, а самъ за границу. Такъ три года мы его и не видали, какъ въ воду канулъ. Въ Петербургъ изъ-за границы наѣзжаетъ часто, а къ намъ и не заглянетъ. Черезъ три года пріѣхалъ, и, слышно таково, опять въ жену влюбился, да ненадолго; мѣсяца черезъ полтора и...

Гаврило.

И засвисталъ?

Сысой.

Засвисталъ. Опять въ Петербургъ, а тамъ съ какой-то барыней за границу, да по сю пору мы его и не видали.

Гаврило.

Ужъ для заграничныхъ господъ въ деревнѣ, извѣстное дѣло... знаете — скука... томительность какая-то...

Сысой.

Нѣтъ, кабы привязка нашлась, онъ бы ничего — пожилъ. Вѣдь вотъ ужъ теперь и старъ сталъ, и тяжеленекъ, а все глаза-то завистливы. Вы посмотрите, ровно онъ глазами-то все чего ищетъ; такъ ужъ они у него съ молодости наиграны.

Гаврило.

Человѣкомъ выходитъ, не всякому тоже это дается.

Сысой.

Какой былъ по этимъ дѣламъ старательный, бѣда! Что изъ благородныхъ, что изъ простыхъ,

это для него все одно. Какъ гдѣ намѣтилъ глазомъ, и начнутся у него хлопоты, такой проворный сдѣлается, такъ ужъ и не разстается. И все словами улещаетъ, да уговариваетъ; то шопотомъ, то стихи читаетъ. Начнется у него эта суета, такъ и не скучаетъ. Только на-короткѣ, по-долгу не продолжается. Вотъ и теперь бы ему такое занятіе, такъ погостилъ бы: и заграницу забылъ.

Гаврило.

Нѣтъ ужъ, кто ей подверженъ, да коли деньги есть, такъ не забудетъ, все его поманиваетъ.

Сысой.

Само собой; хоть съ нашего брата возьмите, или изъ мастеровыхъ; который человѣкъ ежели по трактирамъ избалуется, ужъ ему дома не сидится.

(Входятъ Анна Степановна и Марья Петровна. Сысой и Гаврило отходятъ къ сторонѣ.)

Явленіе второе.

Анна Степановна, Марья Петровна.

Анна Степановна.

Да, мой другъ, твоя это вина, твоя, что Александръ здѣсь скучаетъ. Ты и не спорь со мной!

Марья Петровна.

Я съ вами и не спорю: только я рѣшительно не понимаю, какъ и чѣмъ еще, кромѣ любви моей, могу и привязать его.

Анна Степановна.

Да развѣ ты не видишь, что онъ художникъ, онъ поэтъ? Это натура въ высшей степени деликатная. Его душа соткана изъ самыхъ тончайшихъ нитей, къ ней надо прикасаться умѣючи, съ осторожностью. Онъ только-что вернулся изъ-за гра-

ницы, онъ еще весь подъ впечатлѣніемъ изящнаго... ну, галлерей тамъ, музеевъ и прочаго; у него еще въ ушахъ звуки итальянской музыки, въ глазахъ аристократическіе салоны... а ты его прямо въ коровникъ!

Марья Петровна.

Я не думала, что это дурно... я думала, что это моя обязанность — разсказать мужу откровенно: какъ я жила безъ него и что дѣлала. Женщинѣ въ мои годы нужно же какое-нибудь занятіе. Мужа я не вижу, дѣтей у меня нѣтъ, вѣдь жизнь опротивѣетъ, если не имѣть никакого интереса. Я извелась съ тоски.

Анна Степановна.

Извелась! Фи, мой другъ! Какъ ты вульгарно выражаешься.

Марья Петровна.

Всѣ такъ говорятъ.

Анна Степановна.

Мѣщанство, матушка, мѣщанство!

Марья Петровна.

Дѣло по мнѣ немудреное, много ума не нужно: нуженъ только порядокъ, да чистота. Мнѣ даже хотѣлось похвастаться передъ мужемъ моими успѣхами. Изъ маленькой молочной фермы теперь у меня большое заведеніе. Я завела сыроварню, выписала мастерицъ изъ Тверской губерніи, принимаю крестьянскихъ дѣвушекъ, онѣ у меня учатся, потомъ поступаютъ на мѣсто, хорошее жалованье получаютъ. У меня разведены отличныя племенныя коровы; отъ моей фермы скотоводство во всей губерніи улучшается; за сто верстъ пріѣзжаютъ покупать моихъ телятъ, бычковъ. Что въ этомъ дурного, что за преступленіе?

Анна Степановна.

Кто тебѣ говоритъ, что твой коровникъ — преступленіе? Молоко необходимо, оно идетъ въ пищу, значитъ, необходимы и коровы, и коровницы; да не твое это дѣло. Ты улучшаешь скотоводство въ губерніи! Вѣдь это смѣшныя фантазіи! Объ губерніи безъ тебя есть кому заботиться. Для тебя выше всего на свѣтѣ долженъ быть мужъ! Ты говоришь, что скучаешь безъ работы, да кто жъ тебѣ мѣшаетъ работать? Мало ли есть женскаго рукодѣлья — приличнаго, чистаго! А потомъ — арфа, ты ее забросила совсѣмъ. Нѣтъ, скажи лучше, что мѣщанская кровь сказывается, — вотъ это вѣрнѣе.

Марья Петровна.

Но, живя въ деревнѣ, такъ естественно заняться хозяйствомъ.

Анна Степановна.

„Естественно“ — вотъ еще слово! Ты думаешь, что естественно, то и хорошо? Животныя ведутъ себя естественно, да много ли найдется охотниковъ подражать имъ. Наши прически, костюмы развѣ естественны? Былъ вѣкъ, когда мужчины носили огромные пудреные парики, а женщины фижмы, подъ которыя пять человѣкъ спрятаться могутъ; ужъ, конечно, это не естественно, и все-таки благороднѣе, умнѣй, изящнѣе этого вѣка не было и не будетъ въ исторіи. Ну, да что объ естественности толковать! Для тебя всего естественнѣе — стараться нравиться мужу!

Марья Петровна.

Я думала, что ему будетъ пріятно, что я занимаюсь дѣломъ.

Анна Степановна.

Очень нужно ему: дѣлаешь ты что-нибудь или

нѣтъ. Ты не забывай, что прежде всего Александръ— художникъ, онъ поэтъ; для него главное во всемъ— изящная форма. Я не могу повѣрить, чтобы женщина не могла удержать его подлѣ себя на мѣсяцъ, на два. А вѣдь это стыдно въ люди сказать: мужъ не видалъ тебя три года, пріѣхалъ погостить, и уже черезъ пять дней уѣзжать собирается. Съ мужемъ и кокетство позволительно, а съ такимъ даже и необходимо. Онъ почти не живетъ въ Россіи, но я по его письмамъ знаю, что иногда онъ среди самой роскошной природы скучаетъ по родинѣ, что онъ любитъ Россію и все русское. Вотъ бы ты надѣла сарафанъ, онъ такъ идетъ къ тебѣ, спѣла бы ему русскую пѣсню, — у тебя прекрасный голосъ. А ты его тащишь на свою ферму: согласись, что тамъ поэзіи немного. И съ кѣмъ ты его знакомишь? Что такое Мальковъ? Вѣдь это мастеровой какой-то. Онъ едва ли что-нибудь знаетъ, кромѣ своей химіи. Благородный человѣкъ, а пачкается съ какимъ-то дрянным заводомъ. Что онъ тамъ, купоросъ, что ли, дѣлаетъ? Прекрасное занятіе для дворянина, носить какой-то мѣщанскій картузъ, ѣздить въ телѣжкѣ, въ одну лошадь.

Марья Петровна.

У него нѣтъ состоянія, чтобы четверкой ѣздить.

Анна Степановна.

Нѣтъ состоянія, такъ поди служить; а купоросъ, кому нужно, найдутъ и безъ него. Интересное знакомство для Александра! Ну, понятное дѣло, что ему съ вами скучно. Онъ всю жизнь провелъ съ художниками, съ артистами, а ты его съ мастеровыми знакомишь. Нѣтъ, какъ ты хочешь, ты обязана удержать Александра еще хоть недѣли на двѣ; если онъ уѣдетъ теперь, это будетъ твоя вина, это меня очень огорчитъ.

Марья Петровна.

Я постараюсь, я готова употребить все возможное...

Анна Степановна.

Только, пожалуйста, не слезы! Это самое вѣрное средство прогнать отъ себя мужчину.

Марья Петровна.

Я знаю, нѣтъ — слезъ не будетъ; это было да прошло.

Анна Степановна.

Развѣ ты ужъ разлюбила его?

Марья Петровна.

Не разлюбила, но я стала покойнѣй, со многимъ примирилась.

Анна Степановна (шаритъ).

Гдѣ же это мой бинокль? Ахъ, я его тамъ забыла на лавочкѣ.

Марья Петровна.

Я его вамъ принесу.

Анна Степановна.

Зачѣмъ? не трудись! Я пошлю человѣка.

Марья Петровна.

Да что за трудъ.

(Уходитъ. Сысой показывается изъ-за кустовъ.)

Анна Степановна.

Добрая женщина, а простовата, простовата... Сысой, подай мнѣ кресло.

(Сысой подаетъ кресло и отходитъ за кусты. Входитъ Ашметьевъ, насвистывая арію.)

Явленіе третье.

Анна Степановна и Ашметьевъ.

Ашметьевъ.

Объ чемъ задумалась, старушка моя?

Анна Степановна.

О прошломъ, другъ мой; о настоящемъ мнѣ уже нечего думать. Прошелъ день, и слава Богу.

Ашметьевъ.

Да, я понимаю... скучно тебѣ?

Анна Степановна.

У меня теперь только и радости, что ты.

Ашметьевъ.

Благодарю (цѣлуетъ руку у матери). Но я, что же?.. Можетъ быть, оттого я тебѣ и милъ, что ты меня рѣдко видишь.

Анна Степановна.

Что за вздоръ ты говоришь.

Ашметьевъ.

Нѣтъ, правду. Я, что называется, непосѣдъ, бездомовщина. Если мнѣ остаться подольше на одномъ мѣстѣ, я и самъ отъ скуки завою по-волчьи, и всѣ окружающіе взвоютъ, на меня глядя, я — скучающій россіянинъ. Какъ нескладно я устроилъ свою жизнь! Ужъ если кому не слѣдовало жениться, такъ это мнѣ. Странное существо — человѣкъ: въ молодости даны ему страсти для того собственно, чтобъ надѣлать глупостей на всю жизнь,— потомъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, дается ему умъ, чтобы раскаяваться всю жизнь. Пріятное существованіе! Ну, зачѣмъ я женился? Это вопросъ; а отвѣтъ слѣдующій: затѣмъ только, чтобъ мучить жену.

(Ходитъ.) Ахъ, да мнѣ и родиться-то не слѣдовало, чтобъ не мучить мать. И это была глупость съ моей стороны.

Анна Степановна.

Ужъ ты, сдѣлай милость, не хандри!

Ашметьевъ.

За что я, въ самомъ дѣлѣ, заставлю страдать двухъ женщинъ?

Анна Степановна.

Ну, что ужъ сокрушаться! Я — старуха, видѣла въ свою жизнь и радости не мало, будетъ съ меня; Маша тоже по-своему счастлива.

Ашметьевъ.

Какое счастье! Полгода она дѣйствительно была со мной счастлива; а потомъ — семь лѣтъ живетъ только воспоминаніемъ этого счастія. Вѣдь попадаются же намъ такія кроткія, безропотныя натуры! Гораздо легче выносить бури упрековъ, брани и оскорбленій, чѣмъ это тихое страданіе безъ жалобы.

Анна Степановна.

Ты ужъ слишкомъ преувеличиваешь: у нея все-таки есть занятіе, есть общество.

Ашметьевъ.

А у тебя и того нѣтъ; это новое общество ужъ чуждо тебѣ.

Анна Степановна.

Чуждо — этого мало: оно непріятно, оно враждебно мнѣ. Да, мой другъ, разговоры ихъ для меня невыносимы: я не слышу отъ нихъ ни протеста противъ нынѣшнихъ порядковъ, ни сожалѣнія о прошлой нашей жизни. Нѣтъ, они и знать не хотятъ и говорить-то не хотятъ объ этой реформѣ, они очень спокойно къ ней относятся, какъ будто

такъ и надо. Заводятъ фермы, да ремесленныя школы, учатъ чему-то крестьянскихъ дѣвчонокъ и мальчишекъ. Можно было заботиться о крестьянахъ, когда они были наши, а когда у насъ ихъ отняли, такъ что намъ до нихъ за дѣло. Они теперь свободны, ну, и пусть пьянствуютъ. Посмотришь, другой помѣщичишко разоренъ совсѣмъ, а тоже тянетъ со всѣми въ одну ноту, восхваляетъ реформу. А у самого на душѣ-то, чай, кошки скребутъ.

Ашметьевъ.

Ну, намъ, кажется, очень жаловаться нельзя, мы не очень много потеряли.

Анна Степановна.

Такъ вѣдь это исключеніе, это особое счастье. Что бы мы были съ тобой, если бы не онъ!

Ашметьевъ.

Кто это онъ?

Анна Степановна.

Да вотъ идетъ! (Указывая направо.) Кириллъ Максимычъ тогда былъ мировымъ посредникомъ и составилъ намъ уставныя грамоты съ крестьянами. Онъ такъ ихъ обрѣзалъ, что имъ курицу выгнать некуда. Благодаря ему, я хорошо устроилась: у меня крестьяне такъ же и столько же работаютъ, какъ и крѣпостные, — никакой разницы.

Ашметьевъ.

Я и не зналъ.

(Входитъ Зубаревъ, раскланиваясь

Явленіе четвертое.

Анна Степановна, Ашметьевъ и Зубаревъ.

Анна Степановна (сыну).

Хорошъ помѣщикъ! онъ не знаетъ, что у него

крестьяне дѣлаютъ. А иначе гдѣ жъ бы мы взяли денегъ тебѣ на твою артистическую жизнь за границей? Что жъ ты думалъ, что намъ деньги-то съ неба сваливаются?

Ашметьевъ.

Но я могъ бы сократить свои расходы. Вѣдь Кириллъ Максимычъ на все способенъ: онъ человѣкъ безъ сердца. Такъ вѣдь, Кириллъ Максимычъ? жалости въ васъ нѣтъ, вы этого чувства не знаете?

Анна Степановна.

Ахъ, пожалуйста!.. Жалѣй, о чемъ хочешь, только не о моихъ крестьянахъ.

Зубаревъ.

Будешь безжалостенъ, коли вы, Александръ Львовичъ, поминутно изволите деньгами нудить.

Анна Степановна (сыну).

Твоя совѣсть можетъ быть покойна, это мое дѣло; а я считаю свое дѣло и законнымъ, и справедливымъ. И конченъ разговоръ.

Зубаревъ.

Вы изволите говорить, что сократите расходы... Дождемся ль мы этого, Александръ Львовичъ? Покуда все еще увеличиваете, а не сокращаете.

Ашметьевъ.

Не знаю; я всегда проживалъ около семидесяти тысячъ франковъ въ годъ — и теперь тоже...

Зубаревъ.

А курсы-то, благодѣтель мой, а курсы-то, помилуйте! Вы, Александръ Львовичъ, изволите пошвыривать франками-то, вы думаете, что все еще франки-то четвертакъ? А оно вонъ куда пошло, вонъ куда пошло: франкъ-то прежде въ лапоточкахъ ходилъ, а теперь въ сапожкахъ щеголяетъ.

Ашметьевъ.

Франкъ, все франкъ; а что нашъ рубль подешевѣлъ, такъ ужъ мы тамъ, въ Парижѣ, не виноваты. Скоро ли вы лѣсъ-то продадите?

Анна Степановна.

Развѣ тебѣ деньги скоро нужны?

Ашметьевъ.

Скоро, не скоро, а все-таки я желаю знать немедленно, чего онъ стоитъ?

Зубаревъ.

Теперь покупать надо, покупать, а не продавать. Какъ продавать, когда цѣны нѣтъ! „Что стоитъ?“ Семьдесятъ рублей за десятину, вотъ что онъ стоитъ? Да что! За шестьдесятъ-пять (съ возрастающимъ жаромъ), за пятьдесятъ, за сорокъ-пять отдаютъ; что ни дай, то и берутъ. Точно взбѣсились всѣ, такъ и валятъ лѣсъ! У насъ скоро пустыня будетъ, Аравія Счастливая! Вотъ Боевъ, Михайло Тарасычъ, какъ нужны деньги, такъ и лѣсъ продавать; что дадутъ, то и беретъ. Вотъ онъ какой, вотъ онъ какой! Только цѣну сбиваетъ. Покупать нужно, а не продавать.

Ашметьевъ.

Я васъ просилъ, Кириллъ Максимычъ, покупателя найти.

Зубаревъ.

Нашелъ, нашелъ-съ; да вѣдь семьдесятъ рублей... какая эта цѣна?

Ашметьевъ.

Продавайте, я на эту цѣну согласенъ

Анна Степановна.

Какой ужъ и ты скаредъ, Кириллъ Максимычъ, такъ даже противно смотрѣть. Ты изъ-за копейки готовъ цѣлый годъ торговаться.

Зубаревъ.

Не скаредъ я, а экономный человѣкъ. Какія времена-то, помилуйте!

Анна Степановна.

Нѣтъ, скаредъ. Какъ ты живешь, какъ ты одѣваешься! А дочь! И не грѣхъ тебѣ? Воспитывала ее изъ жалости тетка лѣтъ до 12, пока дочерей замужъ не выдала, а съ тѣхъ поръ она дома болтается — безъ учителей, безъ гувернантокъ, такъ и выросла, да и теперь безъ всякаго призору.

Зубаревъ.

Да какого ей воспитанія, какого призору? Умѣй шить, вязать, щи варить, да почитай родителей, — вотъ и весь женскій курсъ!

Ашметьевъ.

Я ее помню; но едва ли узналъ бы теперь, что-то дикое было въ этомъ миломъ ребенкѣ.

Анна Степановна.

А теперь еще больше одичала. Въ ребенкѣ все мило; а она ужъ давно не ребенокъ. Ни манеръ, ни приличія; не знаетъ никакой сдержанности, дѣлаетъ, что въ голову придетъ, — это для благородной дѣвушки ужъ просто непозволительно.

Ашметьевъ.

Отчего я не вижу ея здѣсь?

Анна Степановна.

Не знаю, спроси у отца.

Зубаревъ.

У тетки гостила-съ...

Анна Степановна.

Да ужъ ты все говори! я кое-что слышала.

Зубаревъ.

Изъ особеннаго уваженія къ вамъ, Александръ Львовичъ, и къ вамъ, Анна Степановна, и изъ любви къ дому вашему не могу умолчать...

Анна Степановна.

Замужъ отдаешь?

Зубаревъ.

Ну, еще это далеко, еще Богъ знаетъ-съ

Анна Степановна.

Да кто?

Зубаревъ.

Викторъ Василичъ Вершинскій-съ.

Ашметьевъ.

А! это нашъ юный преобразователь?

Зубаревъ.

Далеко пойдетъ, далеко-съ... Пріѣхалъ, оживилъ насъ, поднялъ на ноги всю губернію, освѣтилъ... Во мракѣ ходили...

Ашметьевъ.

Не понимаю, что ему за разсчетъ жениться на дѣвушкѣ совершенно необразованной.

Зубаревъ.

Любитъ-съ, большое расположеніе чувствуетъ къ моей дурочкѣ.

Анна Степановна.

Ну, полно, что любить-то? Любить-то въ ней нечего! Разсчетъ простой, Александръ: имѣньишко у Вершинскаго здѣсь небольшое; а у Вари приданое порядочное, послѣ матери десятинъ восемьсотъ. Чего жъ ему? Вотъ онъ и значительный помѣщикъ. Въ Петербургѣ, вѣроятно, карьеру сдѣлать

не надѣется, тамъ и побойчѣе есть; а здѣсь, благо, говоритъ мастеръ, пожалуй, и въ предводители выберутъ. На безлюдьи — и Ѳома дворянинъ.

Зубаревъ.

Выберутъ, непремѣнно выберутъ; умъ, сила, быстрота соображенія...

Анна Степановна.

У Вершинскаго, по его краснобайству, большая партія; а ты и спишь, и видишь предсѣдателемъ земской управы быть, ты любишь должности съ жалованьемъ; вотъ вы и ухаживаете другъ за другомъ. Да ты молись Богу, что тебѣ такой женихъ попался, это для Вари большое счастье: кто ее, сумасшедшую, возьметъ!

Зубаревъ.

А она-съ... она, можете себѣ представить, фыркаетъ... что ты будешь тутъ!.. Господи!

Ашметьевъ.

Можетъ быть, онъ ей не нравится?

Анна Степановна.

Полно! Развѣ она людей разбирать умѣетъ! Что на нее смотрѣть-то.

(Входитъ Марья Петровна.)

Явленіе пятое.

Анна Степановна, Ашметьевъ, Зубаревъ, Марья Петровна.

Ашметьевъ.

Marie, я тебя и не видалъ еще сегодня. (Цѣлуетъ ее въ голову.)

Марья Петровна (Аннѣ Степановнѣ).

Вотъ вашъ бинокль. (Подаетъ бинокль.)

Анна Степановна (встаетъ).

Благодарю, я пойду, еще гдѣ-нибудь посижу. Пойдемъ, Кирилло Максимычъ, поболтаемъ. Сысой! (Является Сысой.) Неси за мной кресло.

(Уходятъ: Анна Степановна, Зубаревъ и Сысой съ кресломъ.)

Ашметьевъ.

Ты гдѣ была утромъ, Marie?

Марья Петровна.

Я къ обѣднѣ ѣздила.

Ашметьевъ.

Вотъ какъ! И ты часто ѣздишь?

Марья Петровна.

Каждый праздникъ. Я теперь выучилась молиться.

Ашметьевъ.

А развѣ ты прежде не умѣла?

Марья Петровна.

Нѣтъ, я умѣла и прежде, да не такъ: я теперь хорошо молюсь... Когда у меня горе или мнѣ надо рѣшиться на что-нибудь, я молюсь, Александръ, и такъ мнѣ покойно потомъ и такъ у меня твердо, рѣшительно выходитъ.

Ашметьевъ.

Прекрасно, Marie, прекрасно! Какъ это хорошо, кто можетъ. Ну, а пѣсенки ты поешь попрежнему?

Марья Петровна.

Нѣтъ, теперь рѣдко... А впрочемъ, иногда...

Ашметьевъ.

Пой, Marie, пой для меня! Этого удовольствія ужъ нигдѣ не встрѣтишь. Какія-то особенныя ощущенія вызываютъ твои пѣсни: можетъ быть, онѣ не совсѣмъ изящны, но пріятны, очень пріятны. Я тамъ

далеко, особенно въ Италіи, часто вспоминаю о твоихъ пѣсняхъ, стараюсь припомнить ихъ; но выходитъ что-то... Аль-ля-ля-ля-ля — совсѣмъ не то. Какая прелесть! Когда горе есть, она молится, когда весело — поетъ. Какая ты хорошая женщина, Marie, какъ я люблю тебя.

Марья Петровна.

Какъ у тебя холодно это слово „люблю“. Мнѣ кажется, ты хочешь сказать мнѣ: я тобой любуюсь иногда. А любить — вѣдь это не то, это другое... Вонъ крестьяне, или крестьянки, если любятъ кого очень, такъ говорятъ: „я жалѣю его“. И это правда: кого любишь, такъ жалѣешь.

Ашметьевъ.

„Жалѣю, жалѣю“, какъ это хорошо, въ самомъ дѣлѣ, это надо записать. (Вынимаетъ книжку и записываетъ.) Я отправлюсь купаться, скоро и обѣдать пора. У насъ нынче никто не обѣдаетъ?

Марья Петровна.

Не знаю. Вѣроятно, Зубаревъ, а, можетъ быть, и Вершинскій пріѣдетъ.

Ашметьевъ.

Очень радъ буду. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Марья Петровна, потомъ Варя.

Марья Петровна (всматриваясь).

Кто-то подъѣхалъ къ парку... или... мимо. Ахъ, нѣтъ, вонъ бѣжитъ... Да это, кажется, Варя.

(За сценой голосъ:)

Собирайтесь, дѣвки красны,
Собирайтесь въ хороводъ!

Скоро день настанетъ ясный,
Солнце красное взойдетъ.
Ай, малина! ай, малина!)

Да это она!

(За сценой: „Ой-ли, ой-ли". — Входитъ Варя въ сарафанѣ. Голова повязана платочкомъ.)

Варя.

Охъ, жарко! Сгорю, сгорю! (Снимаетъ съ головы платокъ и обмахивается.)

Марья Петровна (цѣлуетъ Варю).

Варюша, милая.

Варя.

Здравствуй! Ужъ я купалась, купалась сегодня утромъ, а все не помогаетъ. Что это ты такая хорошенькая сегодня?

Марья Петровна.

Ну, полно, все такая же.

Варя.

Нѣтъ, я правду говорю. Если бъ я была мужчина, я бы тебя зацѣловала. И какая ты нарядная!

Марья Петровна.

Да развѣ ты не знаешь, вѣдь ко мнѣ мужъ пріѣхалъ, Александръ Львовичъ.

Варя.

Ахъ, такъ вотъ что!

Марья Петровна.

Тебѣ отецъ не сказывалъ?

Варя.

Нѣтъ, онъ со мною другую недѣлю не говоритъ. Да меня и дома дня три не было, я у тети въ городѣ гостила. Такъ прощай!

Марья Петровна.

Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не пушу.

Варя.

Нельзя. Видишь, какая я растрепанная. Да я къ тебѣ и такъ не надолго, меня тутъ дожидается...

Марья Петровна.

Кто?

Варя.

Провожатый. (Смѣется.) Я ямщика наняла.

Марья Петровна.

Такъ отпусти провожатаго, ты мнѣ нужна, очень нужна. Я тебя сама отвезу домой вечеромъ.

Варя.

Зачѣмъ я тебѣ? Ну, сказывай скорѣй.

Марья Петровна.

Послѣ, послѣ, теперь про себя мнѣ говори! Какъ ты съ Вершинскимъ?

Варя.

Ахъ, не говори, видѣть его не могу.

Марья Петровна.

Поссорились?

Варя.

Никакой ссоры.

Марья Петровна.

Такъ что же?

Варя (хладнокровно).

Я его возненавидѣла.

Марья Петровна.

Это за что? Какимъ образомъ, когда?

Варя.

Въ прошлое воскресенье. Онъ былъ у насъ цѣлый день, обѣдалъ, ну, и ничего.

Марья Петровна.

Нравился тебѣ?

Варя.

Не то что нравился, а такъ себѣ, не противенъ.

Марья Петровна.

А вечеромъ?

Варя.

А вечеромъ возненавидѣла.

Марья Петровна.

Да за что?

Варя.

Была у насъ помочь, косили большой лугъ; потомъ хороводы водили, пѣсни пѣли, и мы были на лугу. Мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, такъ весело было, подбѣгаю я къ нему: „хорошо?“ спрашиваю. А онъ сморщилъ свои губы, ухмыляется, очки свои вздергиваетъ ... „Недурно“, говоритъ, „однообразно немножко и диковато“. Взглянула я на него — чистая птица какая-то: въ своемъ сюртучкѣ, на тоненькихъ ножкахъ, эти очки ... У! птица! Убѣжала домой, спряталась, такъ онъ и уѣхалъ. Отецъ разсердился.

Марья Петровна.

Чѣмъ же это кончится, Варя?

Варя.

Отдадутъ меня за него, уговорятъ. Вѣдь если бъ онъ не женихъ, такъ ничего, мужчина — какъ мужчина; а какъ подумаешь, что такому ... А вѣдь начнутъ уговаривать и уговорятъ, и живи съ такимъ.

Марья Петровна.

Велико это слово: уговорятъ.

Варя.

Для насъ съ тобой очень велико. Ахъ, какъ мы глупы!

Марья Петровна.

Правда твоя, правда.

Варя.

Задумаемъ мы что-нибудь, и кажется хорошо, и сдѣлать бы такъ надобно; начнутъ насъ уговаривать, уговаривать и уговорятъ. Ахъ, если бъ я умѣла говорить такъ, какъ Вершинскій! А то сидятъ, и мы сидимъ съ вытянутыми лицами. Вѣдь если со стороны посмотрѣть, скажутъ — дурочки.

Марья Петровна.

Дурочки, Варя.

Варя.

А знаешь что? Не надо дожидаться, надо сейчасъ сдѣлать, пока не успѣли уговорить.

Марья Петровна.

Что сдѣлать?

Варя.

А что задумала.

Марья Петровна.

А ты развѣ задумала что?

Варя.

Нѣтъ еще. А если задумаю что, то непремѣнно сдѣлаю. Ну, говори, зачѣмъ я тебѣ нужна?

Марья Петровна.

Вотъ видишь ли, мужъ пріѣхалъ всего пять дней

и ужъ начинаетъ скучать: мы боимся, что онъ уѣдетъ скоро.

Варя.

Ну, такъ что же? Я тутъ при чемъ?

Марья Петровна.

Онъ тебя увидитъ, постарайся заинтересовать его, онъ скучать и перестанетъ.

Варя.

Ха-ха-ха! И это ты просишь — жена?

Марья Петровна.

А что же такое! Мнѣ ужъ его любви не возвратить; а ты представь положеніе матери! Черезъ два, черезъ три года онъ пріѣзжаетъ и недѣлю безъ скуки пробыть не можетъ у ней.

Варя.

Что же мнѣ... какъ съ нимъ?

Марья Петровна.

Ужъ какъ умѣешъ.

Варя (со смѣхомъ).

Со мной еще такихъ оказій не бывало.

Марья Петровна.

Будь такая, какъ ты есть, вотъ и все.

Варя.

Погоди, дай подумать! (Задумывается, потомъ хохочетъ.)

Марья Петровна.

Чему ты?

Варя.

Погоди! мысль пришла въ голову, да не скоро она у меня тамъ поворачивается. (Подумавъ.) Хорошо, такъ! Теперь обдумала. Мой отецъ слушается твоего мужа?

Марья Петровна.

Сколько я замѣтила — во всемъ: Александръ — единственный человѣкъ, который имѣетъ вліяніе на твоего упрямаго старика.

Варя.

А ты ревновать не будешь?

Марья Петровна.

Нѣтъ, кажется, не буду; во всякомъ случаѣ не зарѣжу — ни тебя, ни его; ну, а тамъ, что я буду чувствовать, кому какое дѣло.

Варя.

Ну, хорошо, я у тебя останусь сегодня. Я пойду, только лошадь отпущу. (Убѣгаетъ.)

Марья Петровна (глядя ей вслѣдъ).

Кто же это ее привезъ? Разговариваетъ съ кѣмъ-то. А!.. Вотъ кто! Ну, ужъ никакъ бы не подумала. Объ чемъ это она съ такимъ жаромъ толкуетъ? Влѣзаетъ въ телѣжку... Неужели же она уѣдетъ? Или, можетъ быть, хочетъ передать что-нибудь. Ахъ, сумасшедшая! Она цѣлуетъ его. Ну, разстались. Вотъ новости! Или это такъ, баловство? Ахъ, сумасшедшая! (Входитъ Варя.) Послушай, что ты дѣлаешь?

Варя.

Ты видѣла?

Марья Петровна.

Все видѣла. Что это значитъ, скажи мнѣ, сдѣлай милость!

Варя.

Ничего не значитъ и ничего не скажу тебѣ. И не спрашивай, и чтобъ ни слова объ этомъ.

Марья Петровна.

Но послушай, Варюшка...

Варя (зажимая ей ротъ).

Ни слова, а то сейчасъ убѣгу. (Прислушиваясь.) Кто-то идетъ.

Марья Петровна

(взглянувъ въ сторону).

Идетъ Александръ и съ нимъ Вершинскій.

Варя.

Не покажусь ни за что, ни за что, я спрячусь.

Марья Петровна.

Ну, хорошо, мы послѣ поймаемъ Александра Львовича одного. (Обѣ уходятъ направо.)

(Входятъ Ашметьевъ и Вершинскій.)

Явленіе седьмое.

Ашметьевъ и Вершинскій.

Вершинскій.

Я къ вамъ съ приглашеніемъ, Александръ Львовичъ. На этой недѣлѣ назначенъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ у Кирилла Максимыча, такъ мы васъ просимъ пріѣхать.

Ашметьевъ.

Для чего этотъ съѣздъ?

Вершинскій.

Для изысканія средствъ, какъ увеличить доходность нашихъ имѣній.

Ашметьевъ (со смѣхомъ).

„Для увеличенія доходности". Ну, такъ повѣрьте мнѣ, что я на этомъ съѣздѣ буду лишній... Кромѣ того, я человѣкъ усталый, разбитый, и пріѣхалъ въ деревню только за тѣмъ, чтобъ отдыхать.

Вершинскій.

Мы васъ особенно не затруднимъ, мы и разсчи-

тывать не смѣемъ, чтобы вы приняли участіе въ нашихъ работахъ; мы только ждемъ отъ васъ совѣтовъ, указаній. Вы большую часть прожили за границей, видѣли многое, что тамъ лучше, чѣмъ у насъ.

Ашметьевъ.

Да, я видѣлъ, но только не то, что вамъ нужно. Я человѣкъ дореформенный, я учился за границей только изящно проживать деньги.

Вершинскій.

Да, въ такомъ случаѣ, конечно...

Ашметьевъ.

Впрочемъ, не думайте, чтобъ была совершенно пуста моя жизнь, или, лучше сказать, наша жизнь, потому что я не одинъ. Мы начинали жизнь горячо, рыцарями; все, что давалось идеализмомъ и романтизмомъ, переживали страстно.

Вершинскій.

Да, то есть, вы, въ промежуткахъ между романтическими похожденіями и приключеніями, занимались эстетикой и философіей.

Ашметьевъ.

Это отчасти правда: были и увлеченія, и просто глупости, и даже грѣхи.

Вершинскій.

Вы объ себѣ довольно откровенно выражаетесь.

Ашметьевъ.

Къ чему же маскироваться, да ужъ и поздно. Но не одна только философія и эстетика занимали насъ; мы сочувствовали и политическому росту народовъ, и если не участвовали въ исторіи Европы послѣднихъ лѣтъ, то переживали ее довольно болѣзненно. И я не скажу, чтобы мы были совсѣмъ

лишніе въ своемъ отечествѣ. Прямой же практической пользы, я признаюсь, отъ насъ мало: мы не дѣятели. Мы начинали горячо, а теперь кончаемъ разочарованіемъ, сомнѣніями и раскаяніемъ. Мы начинали Шиллеромъ, а кончаемъ Шопенгауэромъ.

Вершинскій.

Очень, очень грустно. Вы пріѣзжайте хоть посмотрѣть на насъ, увидите много оригиналовъ.

Ашметьевъ.

Постараюсь, постараюсь пріѣхать. Вы такъ хлопочете о хозяйствѣ, у васъ значительное имѣніе?

Вершинскій.

Очень незначительное; но это нисколько не мѣшаетъ изучать хозяйство; притомъ же, у меня въ виду невѣста съ имѣніемъ, такъ я даже обязанъ быть хорошимъ хозяиномъ.

Ашметьевъ.

Вы женитесь? Любопытно знать, какъ вы, молодые люди, нынѣче женитесь.

Вершинскій.

Точно такъ же, какъ и вы, съ тою только разницею: мы не такъ богаты нѣжными чувствіями. Жизнь коротка, задачи такъ велики; мы люди, призванные къ общественной работѣ, или, лучше сказать, перестройкѣ, — намъ некогда млѣть и утопать въ личномъ счастіи.

Ашметьевъ.

Значитъ, вы смотрите на бракъ...

Вершинскій.

Какъ на физіологическую потребность. Вообще женщина съ ея нервами, съ ея ахами и охами представляется мнѣ существомъ не очень высокимъ. Ко-

нечно, бываютъ изъ нихъ и выродки, но онѣ-то намъ и не нужны. И потому-то я задумалъ жениться на дѣвушкѣ очень обыкновенной, не только безъ всякихъ высшихъ вопросовъ въ головѣ, но даже безъ образованія, чтобы какъ можно менѣе тратить моего времени на женщину.

Ашметьевъ.

Значитъ, вы нисколько не увлечены вашей невѣстой, нисколько ее не любите? Неужели вы такъ ужъ никогда не увлекались, не вздыхали?

Вершинскій.

Можете ли вы такъ думать? Я вѣдь не уродъ нравственный: будучи гимназистомъ, и я заплатилъ дань идеализму.

Ашметьевъ.

Мы не только гимназистами, а и долго послѣ съ ума сходили.

Вершинскій.

Вотъ за это-то мы теперь и платимся; результатомъ вашихъ увлеченій были: запущенность имѣній и разстройство сельскаго хозяйства.

Ашметьевъ.

Значитъ, вы женитесь по разсчету.

Вершинскій.

Не совсѣмъ по разсчету, но я вамъ повторяю: класть всю душу въ ухаживаніе за женщиной намъ нельзя, наше призваніе, наше служеніе тоже требуетъ увлеченія. Поправлять историческія ошибки не легко.

Ашметьевъ.

Да, конечно. Пойдемте, я васъ передамъ женѣ; мнѣ нужно отправить письмо на почту.

Вершинскій.

На безпокойтесь обо мнѣ, я погуляю по парку, это полезно передъ обѣдомъ. (Уходятъ.)

(Входятъ Марья Петровна и Варя.)

Явленіе восьмое.

Марья Петровна, Варя, потомъ Вершинскій.

Марья Петровна.

Подожди здѣсь, я догоню мужа и ворочу его, — мнѣ хочется, чтобы при вашей встрѣчѣ никого не было постороннихъ. (Уходитъ направо.)

Варя.

Какой онъ теперь? чай, постарѣлъ. Онъ меня зналъ дѣвочкой, ласкалъ меня, кормилъ конфетами, цѣловалъ. Какъ онъ теперь будетъ со мной? Это любопытно. (Взглянувъ налѣво.) Ахъ, вотъ еще! У! птица противная. (Хочетъ идти направо.)

(Входитъ Вершинскій.)

Вершинскій.

Вы бѣжите отъ меня, прячетесь?

Варя.

Нѣтъ, я только... я не ожидала васъ встрѣтить. Я такъ одѣта...

Вершинскій.

Вздоръ, вы одѣты прекрасно, и очень кокетливо. Скажите пожалуйста, зачѣмъ вы тогда отъ меня убѣжали и куда дѣлись?

Варя.

Такъ, взяла да убѣжала.

Вершинскій.

Но что же это значитъ?

Варя.

Ничего не значитъ... убѣжала и все тутъ. Пришло мнѣ въ голову: дай убѣгу, и убѣжала.

Вершинскій (пожимая плечами).

Дико, дико... Извините за выраженіе... но я другого слова не нахожу.

Варя.

А дико такъ дико. И охота вамъ съ дикими!.. Бросьте!

Вершинскій (беретъ ея за руки).

Вы, кажется, разсердились на меня? Разсердились?

Варя.

И не думала. На что сердиться? Это правда, я дикая: что въ голову придетъ, то и дѣлаю.

Вершинскій.

Ну, если вамъ придетъ фантазія въ воду броситься?

Варя.

И брошусь, такъ и кинусь — и никто не удержитъ.

Вершинскій.

Но вы за это можете дорого поплатиться. Надо же думать о послѣдствіяхъ.

Варя.

Вотъ еще думать! Зачѣмъ думать? Поплачусь, такъ поплачусь. Васъ плакать не заставлю. Туда мнѣ и дорога.

Вершинскій.

Вы, кажется, задали себѣ задачу постоянно бѣсить меня...

Варя (хохочетъ).

Бѣсить!.. ха-ха-ха! Бѣсить! Развѣ вы бѣситесь? Пустите меня.

Вершинскій (кусая губы).

Ну, извините, я хотѣлъ сказать — сердить.

Варя.

Вотъ что для меня удивительно: какъ это я не надоѣла вамъ до сихъ поръ. Господи!

Вершинскій.

Да, это дѣйствительно удивительно.

Варя.

А вогъ вы мнѣ... смерть, смерть, какъ надоѣли!

Вершинскій.

Это мило! Благодарю за откровенность!

Варя.

Не стоитъ благодарности.

Вершинскій (беретъ ея руку).

Я все-таки желаю думать, что это у васъ дѣтство, глупости; что вы станете, наконецъ, благоразумнѣе. Я жду, жду этой минуты и терплю, поймите меня — терплю, слѣдовательно, я неравнодушенъ къ вамъ, я даже страдаю! Но вѣрю, вѣрю, что эта минута придетъ.

Варя (вырывая руку).

Пустите меня!

Вершинскій.

Мы съ вами еще поговоримъ сегодня.

Варя.

Хорошо, хорошо. Вотъ идетъ Марья Петровна, оставьте меня; мнѣ съ ней поговорить нужно, у насъ секреты.

Вершинскій.

Хорошо, я васъ слушаюсь. (Уходитъ налѣво.)

Варя (вслѣдъ ему).

Дальше, дальше уходите, еще дальше! (Бѣжитъ направо; навстрѣчу ей Ашметьевъ и Марья Петровна.)

Явленіе десятое.

Варя, Ашметьевъ, Марья Петровна.

Ашметьевъ (пораженный).

Что это?.. Кто это?

Марья Петровна.

Ты не узналъ ее? Это наша Варя, дочь Кирилла Максимыча.

Ашметьевъ.

Вы? Я не нахожу словъ... вы очаровательны... да, именно, очаровательны ... другого ничего сказать нельзя (протягивая руки). Ну, какъ же васъ?.. Варвара ... Варвара Кирилловна ... вѣдь теперь ужъ нельзя по старому ... Нельзя ни обходиться съ вами по старому, ни называть васъ по старому.

Марья Петровна.

Нѣтъ, пожалуйста, и обходись съ ней по старому, и называй ее по старому: Варей, Варюшкой.

Ашметьевъ.

Вы позволите?

Варя (потупясь).

Называйте!

Ашметьевъ (Марьѣ Петровнѣ).

Только съ условіемъ, чтобъ ужъ все по старому, чтобы я былъ попрежнему милый, хорошій, и чтобы она мнѣ говорила „ты“.

Марья Петровна.

Слышишь, Варя?

Варя.

Пожалуй.

Ашметьевъ.

Не узнаю, не узнаю.

Варя.

Я только выросла, а я все такая же ..,

Ашметьевъ.

Да, молодое растетъ, а старое старѣется. Но у старости есть право, есть привилегія, и я ими воспользуюсь. (Цѣлуетъ Варю.)

Марья Петровна.

Пора обѣдать; я пойду, поищу Анну Степановну, она сегодня что-то загулялась. (Идетъ налѣво. Обернувшись и взглянувъ на Ашметьева и Варю, пожимаетъ плечами.) Ужъ растаялъ. (Уходитъ.)

Явленіе десятое.

Ашметьевъ и Варя.

Ашметьевъ.

Какъ расцвѣла, какъ пышно расцвѣла ты! Не нагляжусь, не надивлюсь!

Варя.

Да будетъ!.. Довольно ужъ хвалить меня! Мнѣ стыдно.

Ашметьевъ.

Ты волшебница! Ты способна зажечь, воспламенить даже и старое сердце ... И женихи ужъ ... Да какъ и не быть ... еще бы ... такая прелесть!

Варя.

И про жениха знаете?

Ашметьевъ.

Знаю и видѣлъ.

Варя.

Нравится онъ вамъ?

Ашметьевъ.

То есть, какъ нравится, собой, что ли?.. Ничего, довольно представителенъ, молодъ ...

Варя

(надувъ губки, какъ бы про себя).

Очки эти, сюртучокъ коротенькій ... Нѣтъ, зачѣмъ онъ такой сюртукъ носитъ, зачѣмъ онъ такой сюртукъ носитъ?

Ашметьевъ.

Не знаю.

Варя.

Тоненькія ножки. Губы оттопыритъ ... Какой онъ, а? какой онъ?

Ашметьевъ.

Я не понимаю тебя, что значитъ: „какой онъ“?

Варя.

Господи, вотъ какая глупая! Досадно даже на себя ... и спросить не умѣю ... Нѣтъ, какой онъ человѣкъ?

Ашметьевъ.

Человѣкъ современный, и даже уже слишкомъ современный, энергичный, общественный дѣятель.

Варя.

Да, не то, все не то ... Вотъ вы, напримѣръ...

Ашметьевъ.

„Вы, вы“, — а наше условіе?

Варя.

Да сразу какъ-то неловко. Ну, да хорошо, — ты, ты ... Я вѣдь помню тебя, какъ мы гуляли, какъ катались въ лодкѣ ... Какъ я рада, что ты пріѣхалъ ... Ты добрый, милый; милый, а онъ ...

Ашметьевъ.

Что жъ онъ?

Варя (подумавъ).

Онъ — птица.

Ашметьевъ.

Какъ она мила, какъ она мила!.. Птица! Это прелестно и очень мѣтко! Птица! (Смѣется.)

Варя.

Вотъ мнѣ съ тобой и легко, и весело, и слушаю я тебя, и вѣрю всему, что ты говоришь; а съ нимъ, вотъ все бы я спорила. И досада мнѣ, что всѣ только молчатъ да слушаютъ его, никто не можетъ съ нимъ спорить, хоть бы иное что и такъ, да я бы сказала: не такъ! Господи! Зачѣмъ я такая дурочка, что не могу спорить! ничего я не знаю: какіе это люди есть, что это на свѣтѣ ... Зачѣмъ, что, какъ?

Ашметьевъ.

И дай Богъ, чтобъ ты какъ можно дольше ничего этого не знала. Узнаешь свѣтъ, людей и исчезнетъ твоя рѣзвость, твоя веселость! Твое невѣдѣніе безцѣнно; это такъ рѣдко, такъ ново, имъ налюбоваться нельзя.

Варя.

Такъ ничего и не знать, ничего не понимать? Да вѣдь это страшно. Жить, какъ ночью.

Ашметьевъ.

Не ночь это, не ночь; это весеннее майское утро, полное свѣжести и блеска.

Варя.

Да, хорошо, какъ ничего не случается такого ... особеннаго, а вотъ теперь я ... вотъ и ничего не знаю, и понять не могу ... Онъ ... что онъ? Добрый, злой, дурной, хорошій? Просто, хоть плачь.

Ашметьевъ.

Спроси у сердца своего, оно тебѣ скажетъ, оно иногда лучше ума.

Варя.

Ну, скажетъ мнѣ сердце, — да вѣдь должна же я умѣть передать то, что сердце-то говоритъ.

Ашметьевъ.

Кому?

Варя.

Ну, хоть отцу. Онъ говоритъ, чтобъ я привыкла къ Вершинскому, а я чѣмъ дальше, тѣмъ все больше отъ него отвыкаю. Ну, что я скажу отцу? Что Вершинскій мнѣ не нравится? А онъ спроситъ. „чѣмъ?“ „отчего?“ Что же мнѣ сказать? Что Вершинскій — птица! Вѣдь я больше ничего не умѣю. Отецъ разсердится, скажетъ, что я глупа, что я вздоръ говорю, ну, и ... и кончено, и мнѣ идти за Вершинскаго.

Ашметьевъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же, дитя мое, коли онъ тебѣ не нравится. Ты ничего не дѣлай, ни на что не рѣшайся, не спросясь меня. Со мной ты можешь говорить обо всемъ, нисколько не стыдясь, совершенно откровенно. Ну, что такое я для тебя? Старый другъ, старый дядя, я вѣдь тебѣ другой отецъ.

Варя.

Отецъ! (Смѣется.) Я такъ тебя и буду звать „папка“ — папка! папка! (Хохочетъ; нѣжно:) Папочка, папка!

Ашметьевъ.

А я: моей дикаркой! Только будь откровенна со мной, все, все, что есть на душѣ, на сердцѣ, все передавай мнѣ. Какое наслажденіе: проникнуть въ такую юную, свѣжую душу! Я буду руководить тебя, оберегать, охранять.

Варя.

Отъ кого охранять?

Ашметьевъ.

Ото всѣхъ и отъ всего.

Варя.

А если отецъ обижать будетъ?

Ашметьевъ.

Я — твой адвокатъ и защитникъ и передъ отцомъ.

Варя.

Папка, золотой! Вотъ тебѣ за это? (Обнимаетъ и цѣлуетъ.)

Ашметьевъ.

Какой огонь, какой огонь! Вотъ счастье! А ужъ я думалъ, что для меня нѣтъ больше радостей!

Варя.

Ну, хорошо, папка, я буду съ тобой откровенна, да только вотъ что!.. Я часто и сама не знаю, что со мной бываетъ, дѣлается что-то, а что такое — не понимаю. Такъ — какъ же сказать-то?

Ашметьевъ.

Ничего, ты мнѣ только намекни, одно словечко; а ужъ я пойму, я разберу, я человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ.

(Входятъ Анна Степановна и Марья Петровна.)

Явленіе одиннадцатое.

Ашметьевъ, Варя, Анна Степановна, Марья Петровна.

Марья Петровна
(подходя къ Ашметьеву).

Успокой маменьку, она разстроена; она думаетъ, что ты у насъ скучаешь и уѣхать сбираешься.

Ашметьевъ.

Что за вздоръ такой! (Подходя къ матери.) Тебѣ показалось, что я скучаю? Нѣтъ, нисколько. Да развѣ я могу скучать подлѣ тебя, моя милая старушка, подлѣ моей Маши? Развѣ мнѣ не рай съ вами? Я прогощу у васъ все лѣто.

Анна Степановна.

Ну, вотъ, благодарю тебя, другъ мой! Въ самомъ дѣлѣ, погости у насъ! Чего тебѣ недостаетъ? Мы всѣ за тобой будемъ ухаживать, будемъ нѣжить тебя, на рукахъ носить.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Дѣйствующія лица:

Ашметьевъ.	Вершинскій.
Ашметьева, М. П.	Боевъ.
Зубаревъ.	Мальковъ.
Зубарева, Варя.	Мавра Денисовна.

Сцена — комната въ домѣ Зубарева. Направо дверь; въ глубинѣ растворенная дверь на террасу, по сторонамъ ея два окна; мебель старинная, грубой работы.

Явленіе первое.

Входятъ Марья Петровна и Варя.

Марья Петровна.

Скоро ли этотъ вашъ съѣздъ кончится? Какъ тамъ шумно.

Варя.

Сейчасъ всѣ разъѣдутся, останутся только наши милые: Боевъ да Мальковъ.

Марья Петровна.

Что съ тобой сдѣлалось? Три дня мы тебя не видали.

Варя.

Ахъ не говори! Варенье это противное... пачкайся съ нимъ. Да и отецъ не пускаетъ! Ходитъ, ворчитъ: „сиди дома“... жди жениха. А женихъ пропалъ, пятый день не является. Только и твердитъ мой батя: „все это ваше фырканье, сударыня“! Ужъ я притихла, молчу.

Марья Петровна.

А мы какъ скучали по тебѣ.

Варя.

Кто „мы“?

Марья Петровна.

Будто не знаешь!

Варя.

Онъ?.. твой?

Марья Петровна.

Кому же больше!.. Только и разговору: „какъ она мила, какъ она мнѣ нравится“. Онъ просто влюбленъ въ тебя безъ ума.

Варя (хватается за голову).

Ахъ!

Марья Петровна.

Что съ тобой?

Варя (вздыхаетъ).

Не скажу я тебѣ, что со мной!

Марья Петровна.

Да о чемъ ты вздыхаешь?

Варя.

Рѣшится... сегодня рѣшится.

Марья Петровна.

Что рѣшится?

Варя.

Такъ или такъ... судьба моя рѣшится, Маруся.

Марья Петровна.

Что ты задумала?

Варя.

Тогда узнаешь.

Марья Петровна.

„Судьба рѣшится“ — вѣдь это страшно, ты такая сумасшедшая.

Варя.

Ты очень умна! сама виновата, а меня же сумасшедшей называешь.

Марья Петровна.

Варя, я виновата? Да въ чемъ, въ чемъ? Какъ! неужели ты?..

Варя.

Да что жъ я — рыба, что ли! Эхъ! ну, пропадать, такъ пропадать.

Марья Петровна.

Ахъ, Варя, Варя! Я не думала, не ожидала.

Варя.

Да не бойся, ничего страшнаго не будетъ. Погоди, сюда идутъ.

(Входятъ Ашметьевъ, Зубаревъ, Вершинскій, Боевъ, Мальковъ.)

Явленіе второе.

Варя, Марья Петровна, Ашметьевъ, Зубаревъ, Вершинскій, Боевъ, Мальковъ.

Вершинскій.

Хороша ваша интеллигенція! Это не съѣздъ, не дебаты цивилизованныхъ людей: это мірская сходка у кабака.

Ашметьевъ (Варѣ тихо).

Строгъ!

Варя (Малькову тихо).

Поспорьте съ нимъ.

Мальковъ.

Боюсь, — засудитъ.

Зубаревъ.

А какое равнодушіе-то-съ къ общественнымъ дѣламъ, Викторъ Васильичъ, — помилуйте! Имъ хоть трава не расти! Да вотъ вамъ, недалеко ходить, вотъ сосѣди наши: Михайло Тарасычъ и Дмитрій Андреичъ! Ни въ какую ихъ службу не запря-

жешь. Вотъ Михайло Тарасычъ, ученый человѣкъ-съ, математикъ, астрономіей занимается, третье трехлѣтіе въ почетные мировые судьи выбираемъ, отказывается.

Боевъ.

Не могу противъ принципа. У меня принципъ— не осуждать никого.

Вершинскій (пожимая плечами).

Но осуждать пьяницъ и воровъ! Странные принципы!

Боевъ.

А какъ бы вы думали! Да и притомъ я очень жалостливъ. Ну, представьте меня, красну-дѣвку, судьей! Вызывается Глѣбъ Архиповъ. — Вы Глѣбъ Архиповъ? — Мы. — Украли вы топоръ у Егора Аѳанасьева? — Точно, батюшка, ваше высокоблагородіе, Михайло Тарасычъ, я его... топоръ этотъ взялъ. Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ тобой — все одно. Что ужъ, ежели... — И заложили въ кабакѣ? — И заложили. — Какъ же вы это сдѣлали? — Вотъ что батюшка, ваше высокоблагородіе, господинъ прокуроръ! Наканунѣ-то мы праздновали, моленье, значитъ, у насъ; ну, обыкновенно, очнулись на другой день; ну, она, душа-то и горитъ... (Зубареву.) Скажи на милость, ну, какъ я его осужу! Ты только подумай, каково человѣку, когда у него душа горитъ!

Зубаревъ.

У тебя все шутки, Михайло Тарасычъ; а намъ не до шутокъ. Вотъ тоже Дмитрій Андреичъ, человѣкъ образованный, и химію знаетъ, а въ гласные не хочетъ.

Мальковъ.

Да не у чего гласнымъ-то быть.

Вершинскій.

Какъ, не у чего? Такіе важные вопросы.

Мальковъ.

Вопросы-то важные, да денегъ нѣтъ.

Зубаревъ.

Вотъ Михайло Тарасычъ и гласный, да что отъ него проку, коли онъ на земскія собранія не ѣздитъ.

Боевъ.

Ишь, чего захотѣли! Деньги вамъ плати по окладнымъ листамъ, да еще на собранія ѣзди. Я не гласный, я согласный! Вѣдь я плачу деньги, — не спорю съ вами, не отказываюсь, кушайте на здоровье! Чего жъ вамъ еще? Вамъ хочется, чтобъ я самъ пріѣхалъ разсуждать съ вами, подъ какимъ соусомъ ихъ приготовлять: подъ соусомъ ли народнаго образованія, или здравія, или путей сообщенія. Да вотъ кстати — о путяхъ сообщенія! Вы дайте прежде возможность пріѣзжать къ вамъ, да потомъ ужъ и приглашайте. Вотъ мы сейчасъ къ вамъ ѣхали, такъ на Берендеевскомъ мосту чуть было жисти свой не рѣшились...

Зубаревъ.

Да вѣдь и тарантасъ у тебя! На половину его уменьшить, такъ и то пятерыхъ усадишь.

Боевъ.

И ты тоже въ реформаторы лѣзешь, тарантасы преобразовывать задумалъ? Нѣтъ, ужъ останься лучше исполнителемъ при заготовкѣ лѣсныхъ матеріаловъ да съ подрядчиками, — оно теплѣе.

Зубаревъ.

Вонъ онъ какой, вонъ онъ какой зловредный!

Боевъ.

Нѣтъ, ужъ вы или дороги почините, или сдѣлайте мнѣ на земскій счетъ такой тарантасъ, въ которомъ бы можно было ѣздить по вашимъ доро-

гамъ. Да вотъ кстати объ лѣсныхъ-то матеріалахъ... (Ашметьеву.) Я вамъ лѣсъ сосваталъ, завтра мы вамъ деньги привеземъ.

Ашметьевъ.

Благодарю васъ.

Боевъ.

Мнѣ, красной дѣвкѣ, словесной благодарности мало.

Ашметьевъ.

Что же вамъ?

Боевъ.

Магарычъ.

Ашметьевъ.

Какого рода?

Боевъ.

Завтракъ хорошій.

Ашметьевъ.

Съ удовольствіемъ.

Мальковъ.

Что бы бы вамъ, Александръ Львовичъ, ту рощу продать, которая за паркомъ.

Ашметьевъ.

Что вы, помилуйте? такой старый лѣсъ.

Мальковъ.

Молодые же лѣса красивѣй старыхъ.

Ашметьевъ.

Вотъ странно, въ первый разъ слышу. Почему же это?

Мальковъ.

Во-первыхъ, потому, что все молодое лучше стараго, а во-вторыхъ, въ молодыхъ лѣсахъ большой

приростъ, много процентовъ приростомъ даютъ; а старые ужъ не растутъ.

Ашметьевъ.

Особенный взглядъ на природу, новая теорія ландшафта.

Мальковъ.

Ландшафты-то хороши, да убыточны: не по деньгамъ вамъ; мы, по глупости, больше со стороны доходности смотримъ... Мекаемъ, да по пальцамъ разсчитываемъ.

Ашметьевъ.

Какъ ни смотрите, а прекрасное все-таки останется прекраснымъ; законы изящнаго неизмѣнны.

Мальковъ.

Ну, виноватъ! Впередъ не буду. Нѣтъ, я къ тому, что доходныя-то имѣнія прочнѣй!

Боевъ.

Да, они долго хозяевъ не мѣняютъ.

Мальковъ.

А ландшафтами-то любуются, любуются, анъ глядишь — и сукціонъ.

Боевъ.

А съ укціону-то купитъ купецъ; черезъ полгода, вмѣсто ландшафтовъ, все полусаженки стоятъ.

Вершинскій.

Нѣтъ, господа, не доросли мы, далеко намъ! Гдѣ намъ общественные вопросы, экономическія задачи рѣшать, съѣдемся объ дѣлѣ говорить, а начнемъ объ ландшафтахъ. Вѣдь нельзя же мнѣ одному все взвалить на плечи! Шиломъ моря не нагрѣешь. Вѣдь, если мы хотимъ себѣ добра, мы должны всю свою энергію употребить, — намъ придется все

вновь, съ самаго начала начинать. Одинъ мой знакомый говоритъ, что въ Россіи, чтобъ завести что-нибудь порядочное, нужно прежде — всѣ урочища, всѣ деревни назвать иначе — хоть по-нѣмецки, а старыя названія строго приказать забыть.

Ашметьевъ.

Довольно радикальная мѣра.

Вершинскій.

Оригинально — это правда, но тутъ есть смыслъ. Чтобы сѣять новое, нужно старое вырвать съ корнемъ и сравнять мѣстность. Что такое всѣ эти урочища, всѣ россійскія обыкновенія и обычаи? Стоитъ ли ихъ жалѣть? Они продуктъ нашей милой старины; а русская старина и невѣжество — синонимы. А у насъ апатія, лѣнь, или разсчетъ на наживу, — а зачастую и просто враждебное отношеніе къ дѣлу и всяческіе тормазы. Одинъ шутитъ, другой отдыхаетъ.

Ашметьевъ (Варѣ тихо).

Это на мой счетъ.

Варя (Малькову серьезно).

Что лучше: отдыхать, или новое сѣять?

Мальковъ.

Отдыхать.

Варя.

Почему?

Мальковъ.

Во-первыхъ, покойнѣе, а во-вторыхъ, меньше глупостей надѣлаешь.

Боевъ.

Про меня грѣхъ сказать, чтобъ я никакой пользы не приносилъ земству. Я составляю нейтральную почву; всѣхъ я — и отсталыхъ, и передовыхъ — обнимаю и лобызаю, какъ друзей и братьевъ. И от-

сталые и передовые безъ разбору милы моему сердцу; да нынѣче и разобрать-то нѣтъ никакой возможности, кто отсталый, кто передовой. У меня перевязочный пунктъ; я послѣ ожесточенныхъ битвъ врачую ихъ раны наливками и настойками... А вотъ у меня аптекарь (указывая на Малькова). Такія спеціи знаетъ.

Вершинскій.

Да, дѣйствительно, между вами много общаго.

Боевъ.

Какъ вы проницательны! Не только много общаго, но и полное сходство. Онъ дѣло дѣлаетъ съ утра до ночи, а я баклуши бью; онъ наживаетъ, а я проживаю; у него свои деньги въ карманѣ, а у меня чужія; онъ больше молчитъ, а я болтаю безъ умолку; онъ скоро богатъ будетъ, а у меня скоро только одинъ тарантасъ останется.

Зубаревъ.

Ахъ, Михайло Тарасычъ, все-то тебѣ весело, и когда-то ты надъ чѣмъ-нибудь задумаешься?

Боевъ.

Сейчасъ задумывался, душа моя! Денегъ нѣтъ, а нужны до зарѣзу; хорошо, что твои какъ разъ попались, и я взялъ.

Зубаревъ.

Какія у меня деньги, откуда! Гдѣ ты ихъ нашелъ?

Боевъ.

Не вѣришь? (Вынимаетъ бумажникъ.) Вотъ смотри: три радужныя! Это мое „хрестьянство православное“ платитъ тебѣ за аренду Кривого луга. Понялъ? Ты съ нихъ очень дорого берешь: ну, вотъ за это я оставляю деньги у себя, на нѣкоторое неопредѣленное время; онѣ мнѣ нужны очень. (Прячетъ бумажникъ.)

Зубаревъ.

Нѣтъ, этого нельзя, Михайло Тарасычъ, этого нельзя. Отдай, пожалуйста! Мнѣ самому нужно.

Боевъ.

Поди ты! Господа! Вотъ въ какой формѣ возможно только въ наше время заключеніе займа! Это называется „самопомощь"!

Вершинскій (Зубареву).

Кириллъ Максимычъ, на два слова.

Зубаревъ.

Къ вашимъ услугамъ. (Уходятъ.)

Явленіе третье.

Ашметьевъ, Марья Петровна, Варя, Боевъ, Мальковъ.

Варя (Малькову).

Что жъ вы не спорите съ Вершинскимъ? А еще мужчина!

Мальковъ.

Что мнѣ за охота безпокоиться! Себѣ дороже.

Боевъ.

Да, пожалуй, и не сговоришь.

Мальковъ.

Да и то не сговоришь: они разговаривать-то учились, особенно о высокихъ предметахъ.

Варя.

А вы чему учились?

Мальковъ.

А мы учились маленькое дѣло дѣлать.

Варя.

Что же лучше: разговаривать о высокихъ предметахъ, или маленькое дѣло дѣлать?

Мальковъ.

Разговаривать лучше.

Варя.

Почему?

Мальковъ.

Благороднѣе.

Боевъ.

Да и чище; отъ купороснаго масла — ногти желтѣютъ. (Малькову.) А какъ ты думаешь, не покупаться ли намъ съ тобой?

Мальковъ.

Пойдемъ, пополощемся малымъ дѣломъ.

Боевъ.

Зима хоть два года продолжайся, я и „охъ“ не молвлю, а ужъ лѣтомъ нѣтъ несчастнѣй дѣвушки меня. (Боевъ и Мальковъ уходятъ.)

Марья Петровна.

Варя, пойдемъ гулять! (Береть мужа за руку.)

Варя.

Мнѣ надо подождать отца. Идите, я послѣ. (Ашметьевъ и Марья Петровна уходятъ. Варя подбѣгаетъ къ двери и прислушивается.) Идутъ, идутъ! Ну, была не была!

(Входятъ Вершинскій и Зубаревъ.)

Явленіе четвертое.

Варя, Вершинскій и Зубаревъ.

Зубаревъ.

Такъ соскучилась, такъ соскучилась, Викторъ

Васильичъ, не повѣрите! Три дня не изволили быть; мы думаемъ, ужъ не гнѣваетесь ли за что на насъ.

Вершинскій.

Что вы, помилуйте! За что мнѣ гнѣваться, какое право я имѣю?

Зубаревъ (указывая на Варю).

Вотъ-съ, очень желала васъ видѣть.

Вершинскій.

Значитъ — къ лучшему, что я не былъ: явилось желаніе видѣть меня. Это всегда такъ бываетъ.

Зубаревъ.

Вы ее хорошенько, Викторъ Васильичъ, коли она въ чемъ провинилась. А она должна понимать и чувствовать, благодарить должна за вниманіе. (Варѣ.) А ты ребячество-то въ сторону! Конечно, тебѣ, по необразованію твоему, прощаютъ, а ужъ пора и поумнѣй быть! (Вершинскому.) А я на лугъ сбѣгаю; косятъ подъ самымъ домомъ. (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Вершинскій и Варя.

Вершинскій.

Вы обо мнѣ соскучились?

Варя.

Не очень.

Вершинскій.

Однако, хотѣли меня видѣть?

Варя.

Да, хотѣла.

Вершинскій.

Значитъ, вы имѣете что-нибудь сказать мнѣ.

Варя.

Да.

Вершинскій.

Я жду, давно жду, и, признаюсь, мнѣ это ожиданіе порядочно надоѣло; выходитъ что-то глупое въ моемъ положеніи.

Варя.

Ну, вотъ теперь это положеніе кончится. Я хотѣла сказать, что я не пойду за васъ.

Вершинскій
(отшатнувшись, измѣнившимся голосомъ).

Какъ вы сказали?

Варя.

Такъ: „не пойду за васъ"

Вершинскій (подумавъ).

Гм! Что же вы медлили, чего вы дожидались, чтобъ сообщить мнѣ такую пріятную новость?

Варя.

Думала.

Вершинскій.

Думала, ого! Интересно бы знать тотъ умственный процессъ, который вы принимаете за думанье.

Варя (обидясь, сквозь слезы).

Нѣтъ, я думала, много думала.

Вершинскій.

Мнѣ кажется, что барышни, въ такихъ случаяхъ жизни, всего меньше думаютъ, а только вѣрятъ въ какую-то судьбу, которая гдѣ-то написана.

Варя (съ сердцемъ).

А я вотъ думала.

Вершинскій.

И что же вы думали? Любопытно.

Варя.

Я нашла, что я очень проста и глупа... не гожусь вамъ.

Вершинскій.

Такое сознаніе дѣлаетъ вамъ честь, но я, въ свою очередь, подумалъ, именно, объ этомъ еще прежде васъ. И странно было бы мнѣ не подумать! Вамъ въ вашихъ недостаткахъ признаваться незачѣмъ, — они не тайна для меня. Если я взглянулъ на нихъ, можетъ быть, слишкомъ снисходительно, такъ ужъ это мой проигрышъ.

Варя.

Я не хочу ни проигрыша, ни выигрыша, я не хочу никакой игры; я хочу жить... Я не хочу снисхожденія... (Сквозь слезы.) Мнѣ обидно... Я думаю, что я найду у людей другое что-нибудь, а не снисхожденіе... Слышите! Вотъ я о чемъ думала.

Вершинскій.

Не ожидалъ, не ожидалъ... Это дѣлаетъ вамъ честь.

Варя.

И вотъ что! Я васъ буду просить, пожалуйста, сдѣлайте, пожалуйста, такъ, что будто вы сами отказались отъ меня. Такъ будетъ лучше и вамъ, и мнѣ! Мало ли что... я глупа, безъ образованія, деревенщина; я капризная; а вы... вы совсѣмъ другое.

Вершинскій.

Мнѣ все равно; да мнѣ кажется, что дѣло еще не получило огласки и не стоитъ заботиться объ этихъ тонкостяхъ.

Варя.

Нѣтъ, все-таки... а главное, мой отецъ: онъ будетъ сердиться на меня, что я отказалась отъ такой, какъ это говорятъ-то? (старается припомнить) да... отъ такой блестящей партіи.

Вершинскій.

Блеску тутъ никакого нѣтъ! А если вамъ угодно, извольте. Я собирался въ Петербургъ, я только ускорю мой отъѣздъ и пробуду тамъ мѣсяца два, а потомъ вернусь сюда просто вашимъ знакомымъ, искренно желающимъ вамъ всего лучшаго.

Варя.

Отлично.

Вершинскій.

Помилуйте, что тутъ...

Варя (подаетъ ему руку).

Благодарю! Ей-Богу, благодарю отъ души... Вы не подумайте. (Уходитъ.)

Вершинскій.

Каково, а! Не ожидалъ, вотъ ужъ не ожидалъ. Она — думала! У ней является что-то похожее на мысль и на чувство собственнаго достоинства... она приходитъ къ заключеніямъ, къ выводамъ. Хм! эта дикая деревенская дѣвочка... непонятно! Нѣтъ, быть не можетъ, тутъ постороннее вліяніе, непремѣнно. Ужъ не онъ ли? Не этотъ ли старый поэтъ, этотъ кающійся идеалистъ и отдыхающій грѣшникъ... Онъ, какъ видно, намѣревается отдыхать съ комфортомъ и каяться не вдругъ; а все-таки я взбѣшенъ... Главное, совершенно неожиданно. И съ внѣшней стороны она мила очень, и огня много. Фу ты, подлость какая!.. Мнѣ отказъ, и отъ кого же! Я уѣду лучше. (Уходитъ въ дверь. Варя входитъ съ террасы.)

Варя.

Ушелъ... (Отворяетъ дверь въ другую комнату.) И тамъ нѣтъ... Да вонъ онъ уѣхалъ... Отлично! Какой умникъ! (Входитъ съ террасы Ашметьевъ.)

Явленіе шестое.

Варя, Ашметьевъ.

Варя.

Папка, откуда ты?

Ашметьевъ.

Всѣ на лугу, я къ тебѣ, моя милая дикарка! Имъ тамъ весело, а мнѣ скучно безъ тебя; да по дорогѣ встрѣтился съ твоимъ отцомъ, онъ просилъ меня вразумить тебя насчетъ жениха.

Варя.

Поздно, ужъ все кончено.

Ашметьевъ
(взволнованнымъ голосомъ).

Что же?

Варя.

Я иду за него. Что ты такъ смотришь? Ты испугался?

Ашметьевъ.

Нѣтъ, только... непонятно мнѣ.

Варя.

Тебѣ жаль меня, папка?

Ашметьевъ.

Мнѣ трудно повѣрить, это что-то не такъ, тутъ есть что-то невѣроятное.

Варя.

Такъ ты меня любишь?

Ашметьевъ.

Да, признаюсь, мнѣ было бы жаль такъ скоро разстаться съ тобой!

Варя.

Золотой, золотой мой папка!

Ашметьевъ.

Да что же, что же? — говори!

Варя.

Поздравь меня, я теперь ничья, я своя; что хочу, то съ собой и дѣлаю; а то мнѣ все представлялось, что я чужая, точно связанная, точно камень на шеѣ былъ. Я ему прямо: „я такая дурочка, я, молъ, не гожа для вашей милости".

Ашметьевъ.

Какъ это мило: „не гожа для вашей милости". Дѣйствительно не гожа; да и онъ для тебя не гожъ.

Варя.

Ты доволенъ, папка?

Ашметьевъ.

Я доволенъ за тебя; онъ не живой человѣкъ, у него никакого чутья, онъ неспособенъ оцѣнить такое сокровище, какъ ты, моя дикарка.

Варя.

Какъ это нехорошо, тяжело быть чужой: вотъ я теперь, какъ птичка, кажется, выше облака залетѣла бы.

Ашметьевъ.

Ну, это высоко очень: садись-ка ты, птичка, со мной, щебечи мнѣ о своихъ золотыхъ снахъ, о своихъ мечтахъ и грезахъ дѣвичьихъ.

Варя (садясь).

Я сновъ почти не вижу, я коли усну, такъ сплю

крѣпко и просыпаюсь веселая; а иногда — безсонница, сердце бьется; я одѣнусь, да въ садъ уйду... Что со мной случилось!.. Я никогда не плачу, всегда весела; а ночью въ саду вдругъ, одинъ разъ какъ зарыдаю... съ чего — сама не знаю...

Ашметьевъ.

Это внутренній огонекъ: онъ теплится, теплится тихо, да вдругъ и вспыхнетъ, и вскипятитъ всю кровь и брызнутъ слезы. Только ты этихъ слезъ не бойся; это не слезы даже, а гроза весенняя, жемчужныя брызги, золотой дождь.

Варя (прилегая къ плечу).

Папка, а вѣдь хороша жизнь? Много въ ней радости и веселья?

Ашметьевъ.

Для тебя хороша; всѣ радости, всѣ наслажденія, только умѣй пользоваться, брать то, что нужно. А для меня ужъ все сладкое кончено, остается горькое, остается расплата съ старыми долгами.

Варя.

Ну, что это! Зачѣмъ такія слова говоришь! Ты со мной, вѣдь ты со мной, папка. Посмотри, какъ все хорошо: солнце свѣтитъ... садъ... лугъ. Вонъ посмотри — сѣно косятъ, парни съ дѣвками играютъ... вонъ одинъ погнался за дѣвушкой... догоняетъ, ай, ай! схватилъ (смѣется), какъ цѣлуетъ! Ну, развѣ не хорошо это, папка, а? хорошо вѣдь?

Ашметьевъ.

Да, хорошо... Какой воздухъ изъ саду, какъ легко дышется, и давно не чувствовалъ такой отрады... и съ тобой, милая дикарка.

Варя.

Ты, вѣдь, папка, только притворяешься; а ты со-

всѣмъ не старикъ: ты хитрый! „Я старичокъ, старичокъ“, да и подыгрался; а самъ еще молодъ... Ну, что жъ... мнѣ такъ лучше.

Ашметьевъ.

То есть, съ молодымъ лучше?

Варя.

Не съ молодымъ, а вотъ съ такимъ, какъ ты, съ тобой мнѣ лучше.

Ашметьевъ.

Да, вотъ теперь, въ эту минуту, я не старикъ, я молодъ, мнѣ даже страшно, что я молодъ.

Варя.

Да нѣтъ, зачѣмъ, отчего страшно? Нѣтъ, отлично! Я рада, я очень рада!

Ашметьевъ (съ волненіемъ).

„Очень рада, очень рада“. Да понимаешь ли ты, что говоришь? Я могу забыться... Для меня на свѣтѣ теперь нѣтъ ничего, только ты одна... одна ты.

(На террасѣ показывается Марья Петровна.)

Варя.

Ахъ, какъ хорошо это, какъ хорошо! Вотъ оно, я никогда еще... Ахъ, какъ хорошо!

Ашметьевъ

(страстно обнимая Варю и осыпая поцѣлуями).

Варя, дикарка, бѣсенокъ! (Освобождаясь.) Уйди, уйди скорѣй отъ меня!

Варя.

Нѣтъ, я не пойду отъ тебя; чего мнѣ бояться, мнѣ такъ хорошо съ тобой, отлично! (Испуганно.) Папка, что ты? Какъ ты поблѣднѣлъ! Что это?

Ашметьевъ.

У меня закружилась голова; я пойду, я пройдусь по саду.

Варя.

Ахъ, а я сама-то вся горю, и сердце... ахъ, какъ бьется! Я сейчасъ велю подать тебѣ воды.

Ашметьевъ.

Нѣтъ, я самъ пойду спрошу. Иди туда, къ гостямъ... я догоню...

Варя (уходя).

Приходи скорѣй, папка!

Ашметьевъ.

Что это? Или внезапный приливъ сильнаго чувства, или года сказываются! И какъ я изнемогъ, я едва стою на ногахъ.

(Уходитъ въ дверь направо. Входитъ съ террасы Марья Петровна.)

Явленіе седьмое.

Марья Петровна, потомъ **Мавра Денисовна.**

Марья Петровна

(садится у стола и опускаетъ голову на руку).

Что это, какъ женщина-то нехороша! Ну, что мнѣ въ немъ? А внутри закипѣло, не успокоюсь никакъ. Ломаешь, ломаешь себя; думаешь какъ бы умнѣе жить, да покойнѣе; а все не выломаешь... Сколько дряни въ душѣ у человѣка, отъ природы-то! А все отъ того, что ничего не дѣлаешь, такъ живешь, точно въ шутку, негдѣ душѣ выправиться-то... Все лжешь, вотъ и душа-то фальшитъ. Ну, какая я любовница, а ревную; ну, какая я жена, а женой числюсь; ну, какая я барыня, а живу въ палатахъ. (Входитъ Мавра Денисовна.) Мавра Денисовна, поди-ка, сядь со мной.

Мавра Денисовна.

Что, матушка, угодно?

Марья Петровна.

Присядь, присядь! Мнѣ хочется поговорить съ тобой; больно люблю я вашъ разговоръ.

Мавра Денисовна.

Какой нашъ разговоръ, самый дурацкій.

Марья Петровна.

Вотъ такого-то мнѣ и нужно; умнаго-то ужъ я много наслушалась.

Мавра Денисовна.

Какого жъ вамъ, матушка, отъ меня разговору нужно?

Марья Петровна.

Знаешь ты, что такое ревность?

Мавра Денисовна.

Что вы, матушка! Богъ съ вами! Да пропадай она прòпадомъ.

Марья Петровна.

Да не пропадаетъ, Мавра Денисовна, не пропадаетъ. Вотъ я съ мужемъ и врозь живу, а все-таки ревную.

Мавра Денисовна.

Хоть и врозь, а все-таки въ законѣ... Да ужли что-нибудь... Кажись, баринъ степенный.

Марья Петровна.

Конечно, не серьезно; а вотъ увидѣла, что онъ вашу Варю очень ласкаетъ, ну, и защемило сердце.

Мавра Денисовна.

Ахъ, вертушка, ахъ, вертушка! Зародится жъ этакая озорница!

Марья Петровна.

Вертушка-то еще молода очень, ей простительно, а тому, кто въ законѣ-то живетъ, — пятьдесятъ лѣтъ.

Мавра Денисовна.

Съ мужчины взыску нѣтъ, они несудимые, ужъ это ты извини. Мужчина, онъ все одно, какъ конь на волѣ: кто его обуздать можетъ? А почему они такъ воюютъ? потому что слабо живемъ. Кабы наша сестра себя наблюдала, такъ имъ бы повадки-то и не было. А распустишь себя, такъ ужъ нечего... онъ конь.

Марья Петровна.

Да неужели ты никогда не ревновала?

Мавра Денисовна.

Да когда ревновать-то было? Я и замужемъ-то жила безъ году — недѣлю.

Марья Петровна.

Ну, а если бъ случилось?

Мавра Денисовна.

Убила бъ до смерти, такъ бы и расказнила на части.

Марья Петровна.

А коли сила не возьметъ?

Мавра Денисовна.

Такъ меня убей! Коли бы ужъ очень я любила мужа-то.

Марья Петровна.

А коли не очень?

Мавра Денисовна.

Такъ плюнула бы. А то неужто жъ мнѣ, ни въ чемъ-то неповинной, да за чужіе грѣхи, за чужія

глупости, себя мучить, какъ же! — была оказія! Плюнула бы, да и все тутъ.

Марья Петровна.

Вотъ спасибо; только мнѣ отъ тебя и нужно было.

Мавра Денисовна.

Ну, ужъ, матушка, не взыщите, говоримъ не по ученому, а что въ голову придетъ, то и болтаемъ.

Марья Петровна.

Я поѣду домой. Скажи мужу, что я уѣхала.

Мавра Денисовна.

Хорошо, матушка. (Уходитъ. Входитъ Варя.)

Явленіе восьмое.

Марья Петровна и Варя.

Марья Петровна.

Прощай, Варя, я поѣду домой!

Варя.

Что съ тобой? Тебѣ нездоровится?

Марья Петровна.

Нѣтъ, такъ, — немножко будто озябла: это пройдетъ.

Варя.

Останься, Маруся; мы сейчасъ ѣдемъ въ рощу чай пить, — всѣ ѣдемъ; мнѣ такъ весело, такъ весело.

Марья Петровна.

Ты давеча не то говорила, — давно ли тебѣ весело стало?

Варя.

Недавно. Теперь ужъ все кончено, — я отказала Вершинскому.

Марья Петровна.

Вотъ какъ?

Варя.

Моя судьба рѣшилась, — теперь я ничья...

Марья Петровна.

Ну, и моя скоро рѣшится. Прощай!

Варя.

Я провожу тебя. (Уходятъ. Входитъ Ашметьевъ.)

Явленіе девятое.

Ашметьевъ, потомъ **Варя.**

Ашметьевъ.

Счастливая, неожиданно счастливая встрѣча! Опять счастье манитъ меня... Неужели бѣжать отъ него, или разыграть моралиста? Нѣтъ, ужъ это будетъ очень пошло. Да она и не послушаетъ моей морали, — она оскорбится, расплачется и бросится къ другому. Много на моей душѣ такихъ... погрѣшностей, такъ ужъ одна-то куда ни шла; глупо отступать... всегда глупо, а особенно теперь, когда мнѣ предстоитъ, вѣроятно, послѣдняя и ужъ, навѣрное, самая пріятная шалость въ моей жизни.

(Вбѣгаетъ Варя.)

Варя.

Маруся уѣхала, а тебя не пущу, — до ночи не пущу, до утра не пущу. Мы сейчасъ всѣ ѣдемъ въ рощу — чай пить. Ѣдемъ, папка!

Ашметьевъ.

Ѣдемъ, ѣдемъ! (Беретъ ее за руку.)

Варя.

Вотъ какъ сжалъ! ой, какая у тебя сила-то! А говоришь — старикъ. Эхъ, папка! обманщикъ! Я нынѣче такъ весела, такъ весела, такъ весела, — я не знала прежде, а теперь знаю, что такое радость.

Ашметьевъ.

А что жъ такое радость?

Варя.

Ты хочешь, чтобъ я сказала? — изволь, скажу. Когда одна, такъ нѣтъ радости; а когда двое, какъ мы съ тобой, вотъ такъ (обвивая руками шею Ашметьева и прилегая къ нему на грудь) — вотъ и радость. Такъ вѣдь, папка?

Ашметьевъ (изнемогая отъ чувствъ).

Такъ, такъ, Варя, такъ.

Варя.

Папка, давай поживемъ сегодня! Чтобъ не думать ни о чемъ, чтобъ никакой мысли! Какъ будто на всемъ свѣтѣ только ты, да я. (Теребитъ Ашметьева.) Да, ну, папка! Такъ, такъ, папка?

Ашметьевъ.

Такъ, такъ.

Варя.

Ѣдемъ! (Уходитъ.)

Дѣйствіе третье.

Дѣйствующія лица:

Ашметьевъ.	Боевъ.
Зубаревъ.	Мальковъ.
Зубарева, Варя.	Мавра Денисовна.

Сцена — запущенный старый садъ въ усадьбѣ Зубарева. Площадка, на ней кругомъ нѣсколько старыхъ скамеекъ, въ глубинѣ — аллея. Ночь, полная луна.

Явленіе первое.

Мавра Денисовна, потомъ **Варя.**

Мавра Денисовна (громко).

Варвара Кирилловна, Варя, Варенька, Варвара Кирилловна!

Варя (входя).

Ну, что тебѣ? Что ты?

Мавра Денисовна.

Гдѣ ты пропадаешь? Гостей однихъ оставила.

Варя.

Да я сейчасъ съ ними была; мы только-что вернулись изъ лѣсу, съ прогулки.

Мавра Денисовна.

Знаю, что пріѣхала, — да нечто гостей бросаютъ? Какая жъ ты хозяйка послѣ этого!

Варя.

Я мечтаю.

Мавра Денисовна.

Какая такая еще мечта у тебя? Мечта-то грѣхъ, отъ мечты-то люди открещиваются; а ты, стыда на тебѣ нѣтъ, ночью въ садъ уходишь — мечты свои разводить. Папенька-то вонъ сердится.

Варя.

За что еще?

Мавра Денисовна.

Такъ ужъ и не за что? Во всемъ ты правая. Отчего Марья-то Петровна уѣхала?

Варя.

Несовсѣмъ здорова!

Мавра Денисовна.

Да, какъ же! Дуришь, дуришь, да ужъ и повѣсничать начала. На-ка! Вѣшается на шею женатому! У!! Повѣса, право, повѣса!

Варя (строго).

Что ты сказала?

Мавра Денисовна.

Да чего тутъ „сказала?!“ Хорошаго-то немного. Аль, по твоему хорошо?

Варя.

Нѣтъ, что ты сказала?

Мавра Денисовна.

„Что сказала, что сказала?“ Сама напроказитъ, да къ людямъ придирается.

Варя.

Нѣтъ, что ты сказала?

Мавра Денисовна.

Повѣса, говорю, — вотъ что сказала.

Варя.

Что это за слово: „повѣса“?

Мавра Денисовна.

Какую женщину безподобную ты огорчаешь! Ты подумала бы прежде.

Варя.

Нѣтъ, что за слово: „повѣса“?

Мавра Денисовна.

Что ты противъ нея? Ничего, вотъ что.

Варя.

Нѣтъ ты говори, что за слово: „повѣса“?

Мавра Денисовна.

Слово, какъ слово. Что пристала?

Варя.

Бранное это слово?

Мавра Денисовна.

Такъ неужто жъ хорошее: обыкновенно, бранное.

Варя.

Какъ же ты смѣешь браниться?..

Мавра Денисовна.

Не за дѣло, что ли? По головкѣ тебя, что ли, гладить?

Варя.

Нѣтъ, какъ ты смѣешь браниться?

Мавра Денисовна.

Съ тобой и говорить-то свяжешься, такъ жизни не радъ будешь.

Варя.

Нѣтъ, какъ ты смѣешь браниться?

Мавра Денисовна.

Кому жъ и бранить-то тебя, какъ не мнѣ, — я тебя выняньчила, выростила...

Варя.

Что ты меня манной кашей кормила, да паль-

цемъ мнѣ ротъ утирала, — такъ и думаешь, что выростила.

Мавра Денисовна.

А кто же?

Варя.

Ты воображаешь, что отъ твоей каши такая выросла?

Мавра Денисовна.

А что жъ, каша! Ты не брезгай! И каша — Божій даръ!

Варя.

Меня природа выростила.

Мавра Денисовна.

Да какая такая твоя природа, чтобъ тебѣ повѣсничать? Что ты — цыганка полевая, что ли? Не отъ цыганъ родилась, а отъ благородныхъ родителевъ: папенька твой и маменька-покойница были дворяне, какъ слѣдуетъ.

Варя.

Погоди, погоди, еще заплачешь обо мнѣ.

Мавра Денисовна.

Да ужъ не разъ поплакала и объ тебѣ, и отъ тебя, — не рѣдкость мнѣ.

Варя.

Еще не такъ заплачешь.

Мавра Денисовна.

Что объ тебѣ плакать-то? — въ солдаты тебя не возьмутъ.

Варя.

Заплачешь, заплачешь.

Мавра Денисовна.

А хоть и замужъ отдадутъ, такъ авось не за

тридевять земель, а здѣсь гдѣ-нибудь, по сосѣдству.

Варя.

Ухъ! Улечу далеко, далеко!

Мавра Денисовна.

Ну, еще когда-то улетишь; а теперь ступай, папенька ищетъ, сердится.

Варя.

Заграницу, въ Парижъ, съ Александръ Львовичемъ.

Мавра Денисовна.

Съ женатымъ-то? Ахъ, озорница, ахъ, озорница! Что это, батюшки, ни силы, ни власти нѣтъ надъ тобой. Да вотъ самъ къ тебѣ идетъ. Что ужъ мнѣ тутъ! Я и руки врозь! Ну тебя! (Уходитъ. Входитъ Зубаревъ съ письмомъ въ рукѣ.)

Явленіе второе.

Варя, Зубаревъ.

Зубаревъ (потрясая письмомъ).

Вотъ оно-съ, вотъ оно-съ, дождались, дофыркались! Вотъ, сударыня, и радуйтесь.

Варя.

Да что такое?

Зубаревъ.

Письмо отъ Виктора Васильича, письмо! Вотъ, какъ громомъ, какъ громомъ! Пишетъ: уѣзжаю въ Петербургъ на два мѣсяца, а можетъ быть, и болѣе, и желаю всего лучшаго Варварѣ Кирилловнѣ. Вотъ-съ, получайте! Довольны вы?

Варя.

Я его не гнала.

Зубаревъ.

„Не гнала!“ А и вамъ скажу, я вамъ все объясню, сударыня: все это ваше фырканье.

Варя.

Да что такое фырканье? Я не знаю, я не фыркаю.

Зубаревъ.

Носъ кверху да ехидство, — вотъ и фырканье! Отчего онъ три дня не былъ у насъ, а сегодня повернулся да и слѣдъ простылъ, почти не простясь уѣхалъ? Скажите мнѣ, что это значитъ?

Варя.

Почемъ же я знаю.

Зубаревъ.

Ехидничать изволите. Ужъ и васъ вызналъ хорошо: какъ вы этакой невинностью, такимъ херувимчикомъ, — ужъ это значитъ, въ головѣ у васъ непремѣнно какое-нибудь ехидство. Ужъ и тутъ было... было, — такъ, безъ причины, онъ бы не уѣхалъ.

Варя.

Я не знаю, я всегда одна и та же. Не могу же я чего-то показывать изъ себя, чего у меня нѣтъ.

Зубаревъ.

„Не могу, не могу!“ Что это такое: „не могу?“ Позвольте васъ спросить? Отчего жъ вашъ отецъ все можетъ, все несетъ, все глотаетъ! Кланяется, гнется, ломается на всѣ лады и манеры! Ну, да, конечно, вамъ какъ возможно... Вы принцесса... ассирійская! Вотъ и дофыркались!

Варя.

Что жъ! Такъ, значитъ, тому и быть.

Зубаревъ.

„Такъ и быть“ — а! „Такъ и быть!“ Какъ разговариваетъ! Все, все погибло, а она: „такъ и быть!“ Какъ чашечку чайку не очень сладко выкушать изволила: а другую, дескать, послаще можно.

Варя.

Что жъ, если бъ и вышла за него, да безъ любви, такъ какая это жизнь?

Зубаревъ.

Любовь, любовь! Какая тамъ еще любовь! Вышла замужъ, вотъ тебѣ и любовь. Откуда тебѣ любовь знать?

Варя.

Кто жъ ее не знаетъ? Да я и въ книгахъ читала.

Зубаревъ.

Да вѣдь книжки-то для увеселенія пишутся; почиталъ да и бросилъ. Не по книгамъ живутъ, а по наставленіямъ родительскимъ. А отъ васъ велико утѣшеніе! Вотъ и плачь отецъ-то!

Варя.

Зачѣмъ же плакать?

Зубаревъ.

Съ вами не то, что заплачешь, а заревешь, бѣлугой заревешь, сударыня. Нѣтъ, ужъ теперь, какъ найду жениха, такъ и выдамъ безъ разговору; а не то, такъ крашенинный сарафанчикъ да на скотный дворъ — за коровами ходить не угодно ли, принцесса... ассирійская?.. Поди, похлопочи объ ужинѣ; гости въ карты играютъ, сейчасъ кончатъ. (Варя уходитъ.) Дофыркались! Что ушло-то, что рухнуло-то! А тутъ еще крестьянишки чужіе въ мой лугъ закосились, и сѣно увезли; теперь ищи съ нихъ! Тамъ

потрава — овесъ потравили; Боевъ деньги взялъ, — просто отнялъ: когда съ него ихъ выцарапаешь! Бѣда за бѣдой...

(Входитъ Боевъ.)

Явленіе третье.

Зубаревъ и Боевъ.

Боевъ.

Ты вотъ гдѣ! Что ты тутъ философствуешь! Пойдемъ въ карты играть! Александръ Львовичъ сыгралъ пульку, да больше не хочетъ; меня, краснудѣвку, обыграли. Пойдемъ; ужъ такъ и быть, проиграю и тебѣ, жилѣ, рублей пятнадцать въ рамсикъ.

Зубаревъ.

Да не пятнадцать, ты, сдѣлай милость, мнѣ триста отдай сегодня, крайне нужны.

Боевъ.

Отстань! Какія триста! Я ужъ и забылъ. А ты неужто все помнишь еще?

Зубаревъ.

Помилуй, помилуй, при свидѣтеляхъ взялъ.

Боевъ.

То есть, безъ росписки! Такъ ты боишься забыть, что ли? Ты запиши у себя гдѣ-нибудь для памяти. А ты вотъ что, ты мнѣ еще рублей пятьсотъ приготовь, я къ тебѣ завтра заѣду.

Зубаревъ.

Да что за шутки! У тебя все глупости на умѣ! Я такъ разстроенъ, а ты тутъ съ деньгами... Отдай, убѣдительно тебя прошу... Сѣно украли, овесъ потравили... съ дочерью все ссорюсь...

Боевъ.

А ты, чтобъ не ссориться съ дочерью, отдай ее замужъ поскорѣй!

Зубаревъ.

За кого, за кого? Было да сплыло.

Боевъ.

Чѣмъ далеко ходить, отдавай за Малькова.

Зубаревъ.

Не за тебя ли ужъ лучше! Экъ вывезъ!

Боевъ.

Какъ знаешь.

Зубаревъ.

Да разсуди, разсуди милостиво, Михайло Тарасычъ! У ней отъ матери есть приданое, такъ надо такого, такого человѣка, чтобъ и отцу была польза, чтобъ онъ значилъ что-нибудь въ губерніи. Отъ васъ съ Мальковымъ какой прокъ! На неутральной-то почвѣ не много высидишь.

Боевъ.

Ужъ это твои разсчеты; а только ты не зѣвай, а то плохо дѣло! Я нынѣче на нее въ рощѣ-то посматривалъ; глазки горятъ, щеки пылаютъ, въ голосѣ воркованье какое-то... Ну, шабашъ, примѣты извѣстныя.

Зубаревъ.

Влюблена? А? Влюблена?

Боевъ.

Безъ ума, безъ памяти.

Зубаревъ.

Ну, такъ и есть. Вотъ оно... вотъ оно... Вотъ отчего фырканье! Такъ и есть, такъ и есть. А въ кого, въ кого? Отецъ родной, говори!

Боевъ.

Соберись съ умомъ и разсуждай такимъ образомъ: насъ, кавалеровъ, передъ ней трое: Ашметьевъ, я, красна-дѣвка, и Мальковъ. Ашметьевъ ей въ дѣдушки годится; я тоже на горячую любовь со стороны дѣвственныхъ сердецъ шансовъ не много имѣю; остается третій. Теперь призовемъ на помощь логику! Если она влюблена въ кого-нибудь изъ трехъ, — но ни въ перваго, ни во второго, значитъ...

Зубаревъ.

Въ третьяго.

Боевъ.

Вѣрно. Рѣшили, слава Богу; теперь пойдемъ въ рамсикъ.

Зубаревъ.

Я голову потерялъ, я несчастнѣйшій человѣкъ! Все на меня вдругъ, все вдругъ: сѣно украли, овесъ потравили... Ступай! Я сейчасъ. Вонъ Александръ Львовичъ. Я съ нимъ только два словечка, я сейчасъ.

(Боевъ уходитъ, входитъ Ашметьевъ.)

Явленіе четвертое.

Зубаревъ и Ашметьевъ.

Зубаревъ.

Александръ Львовичъ, письмо-съ, письмо-съ.

Ашметьевъ.

Какое письмо?

Зубаревъ.

Въ Петербургъ уѣзжаетъ-съ.

Ашметьевъ.

Да кто?

Зубаревъ.

Викторъ Васильичъ-съ. Помилуйте, такой администраторъ! Дофыркались!

Ашметьевъ.

Такъ вотъ что!

Зубаревъ.

Помилуйте, помилуйте, какой человѣкъ-то! Сила, умъ, быстрота, сообразительность... А она что? Въ лѣсу родилась, съ пнями выросла...

Ашметьевъ.

Ну, что жъ! Не одинъ Вершинскій на свѣтѣ!

Зубаревъ.

А тутъ сѣно покъ носомъ воруютъ, потрава...

Ашметьевъ.

Какая потрава?

Зубаревъ.

Разоренье-съ, разоренье сущее: такъ полдесятины ярового лоскомъ и положили... курицѣ взять нечего...

Ашметьевъ.

Сочувствую вамъ, весьма сочувствую.

Зубаревъ.

Истинно жалокъ, истинно жалокъ-съ: что въ рукахъ-то было, какія мечты были! И все ушло... А тутъ еще... Скажите на милость: вѣдь Михайло Тарасычъ денегъ не отдаетъ.

Ашметьевъ.

Какихъ денегъ?

Зубаревъ.

Мои триста рублей; въ вашемъ присутствіи... за лугъ-то мнѣ слѣдовало. Поговорите, Александръ Львовичъ: можетъ, онъ васъ посовѣстится; мнѣ

крайне нужны-съ. Не повѣрите, Александръ Львовичъ, голова кругомъ. Тутъ хозяйство, убытки, нужда, тамъ — эти огорченія. Побѣжишь туда, сунешься сюда, какъ оглашенный... Ну, собака гончая, и та, помилуйте... А вѣдь ужъ лѣта мои...

Ашметьевъ.

Да вы объ чемъ же собственно?

Зубаревъ (разводя руками).

Влюблена!

Ашметьевъ.

Теперь ужъ ничего не пойму. Кто, въ кого?

Зубаревъ.

Мнѣ сначала-то и не вдомекъ, а потомъ ужъ и самъ вижу. Будьте отцомъ-благодѣтелемъ.

Ашметьевъ.

Да въ кого, кто?

Зубаревъ.

Дочь моя, дочь-съ. Помилуйте, посторонніе стали замѣчать... Да въ кого!.. въ Малькова-съ!.. А Боевъ ужъ сватать готовъ. Слезно васъ прошу, какъ отецъ.

Ашметьевъ.

Да я-то тутъ что же могу?

Зубаревъ.

Внушите! Она васъ слушаетъ, она васъ уважаетъ... внушите ей, чтобъ она оставила эти глупости; почтеніе, послушаніе къ отцу втолкуйте ей... въ пустую-то голову!

Ашметьевъ.

Хорошо, постараюсь.

Зубаревъ.

Сейчасъ ее пришлю къ вамъ... Ужъ вы извините, что безпокою васъ такими глупостями... Плохой я отецъ, несчастный отецъ, самъ вижу. (Уходитъ.)

Явленіе пятое.

Ашметьевъ (одинъ).

Ашметьевъ.

Нѣтъ, это вздоръ! Не можетъ быть... Она меня обманывать не станетъ. А какъ меня кольнуло... Неужели опять серьезное увлеченіе? Опять муки ревности? Да... кажется, что такъ... У меня соперникъ, здѣсь... Нѣтъ, это невозможно... А если?.. Я не отдамъ ее... я убью... застрѣлю его...

Явленіе шестое.

Ашметьевъ и Варя.

Варя.

Папка, ты здѣсь?

Ашметьевъ.

Здѣсь.

Варя.

Ты гуляешь?

Ашметьевъ.

Тебя жду, Варя.

Варя.

Ахъ, милый папка! Я сама такъ и рвалась къ тебѣ.

Ашметьевъ.

Я просилъ тебя, Варя, быть откровенной со мной, говорить мнѣ все, что ты думаешь и чувствуешь.

Варя.

Я и такъ говорю.

Ашметьевъ.

Да все ли?

Варя.

Все, папка, все.

Ашметьевъ.

Ты отъ меня ничего не скрываешь?

Варя.

Я не знаю... нѣтъ, я ничего не скрываю.

Ашметьевъ.

Тебя, кромѣ меня, никто изъ мужчинъ не нравится, то есть, особеннаго расположенія ты ни къ кому не имѣла, и не имѣешь?

Варя (потупясь).

Я не знаю... нѣтъ... кто же? Я ничего не чувствую.

Ашметьевъ.

Ну, Мальковъ, напримѣръ?

Варя.

Ахъ, папка, ты ревнуешь. Какъ я рада! Какъ весело!

Ашметьевъ.

Отчего же тебѣ весело?

Варя.

Да какъ же, папка! Кто жъ меня здѣсь за человѣка считаетъ! Ну, и сама я думала, что я просто дѣвочка, которую одни по добротѣ ласкаютъ, гладятъ по головкѣ, какъ ребенка; а другіе бранятъ да уму разуму учатъ, какъ отецъ да Вершинскій. А теперь меня ревнуютъ, какъ настоящую женщину,

да еще кто ревнуетъ-то — папка! Ну, какъ же не весело!

Ашметьевъ.

Это нисколько не весело, по крайней мѣрѣ — мнѣ. Но ты не отвѣчаешь на мой вопросъ. Мальковъ тебѣ нравится?

Варя.

Ничего, что жъ, онъ человѣкъ хорошій.

Ашметьевъ.

Хорошій?

Варя.

Очень хорошій.

Ашметьевъ.

А если бъ онъ за тебя посватался?

Варя.

Ну что жъ за бѣда.

Ашметьевъ.

И ты бы пошла за него?

Варя.

Не знаю. Какъ ты скажешь, папка?

Ашметьевъ.

И ты меня послушаешь?

Варя.

Послушаю.

Ашметьевъ.

Такъ я тебѣ скажу, что вообще тебѣ еще рано выходить замужъ; а если ужъ выходить, такъ никакъ не за него, никакъ не за него.

Варя.

Отчего же?

Ашметьевъ.

Онъ не только любить тебя, онъ даже оцѣнить тебя не можетъ.

Варя.

Да отчего же?

Ашметьевъ (горячо).

Онъ грубый матеріалистъ, человѣкъ безчувственный.

Варя.

Нѣтъ, онъ добрый человѣкъ.

Ашметьевъ.

Вотъ ты споришь! Ты не знаешь жизни, не знаешь людей и споришь съ человѣкомъ опытнымъ. (Ходитъ въ волненіи взадъ и впередъ.) Значитъ, ты, дѣйствительно, къ нему неравнодушна?

Варя.

Да онъ, папка, добрый.

Ашметьевъ (подходя къ ней).

Другъ мой, дитя мое, они притворяются, они нарочно притворяются добрыми, особенно передъ простымъ народомъ, чтобъ о нихъ хорошо говорили, а въ душѣ у нихъ, о! одинъ разсчетъ, одинъ разсчетъ.

Варя.

Нѣтъ, онъ не притворяется, онъ хорошій человѣкъ.

Ашметьевъ.

Они грязные люди, и физически, и нравственно.

Варя.

Ай, папка, что ты говоришь.

Ашметьевъ.

Онъ ужасный человѣкъ, онъ развратитъ твою

душу, онъ погубитъ въ ней все благородное, все возвышенное, все святое.

Варя.

Напрасно, папка, напрасно, онъ отличный человѣкъ.

Ашметьевъ.

Такъ ты его любишь. Такъ бы ты и говорила, я бы не сталъ и толковать. Зачѣмъ говорить правду про любимаго человѣка, зачѣмъ огорчать тебя! Я бы тебѣ лгалъ, я бы хвалилъ его.

Варя.

Ахъ, папка, да я тебѣ вѣрю, во всемъ вѣрю; мнѣ хотѣлось тебя помучить. Я вижу, что ты ревнуешь, вотъ я нарочно и говорю напротивъ.

Ашметьевъ.

Въ такомъ случаѣ, извини, что я усомнился въ твоей искренности. Ты мнѣ такъ дорога, я такъ берегу, жалѣю тебя, что одна мысль разстаться съ тобой — навела на меня ужасъ. Я, можетъ быть, нѣсколько даже преувеличилъ недостатки Малькова, можетъ быть, онъ, дѣйствительно, не совсѣмъ дурной человѣкъ; но онъ не для тебя, не для тебя, прелестное дитя!

Варя.

Я тебя послушаюсь; если онъ посватается, я прямо, наотрѣзъ скажу, что не пойду за него!

Ашметьевъ.

Оставайся, какъ можно дольше такой дикаркой! Женъ, матерей, экономокъ много; а ты, милая дикарка, ты рѣдкость, ты дивное созданіе, счастливая случайность въ будничной жизни. Но надобно имѣть очень чуткую душу и тонкіе нервы, чтобъ умѣть понять тебя и наслаждаться тобой.

Варя (обнимая Ашметьева).

Ахъ, папка, милый папка.

Ашметьевъ.

Мнѣ страшно представить, что ты окунешься въ прозу жизни, въ это болото, которое опошляетъ и грязнитъ... Хороша бабочка, когда она порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, а возьми ее въ руки, изомни, — куда дѣнется ее красота. Варя, дикарка! Ты такъ мила, такъ очаровательна своей прелестью. Мнѣ страшно подумать, что съ тебя облетятъ и золотыя блестки, и жемчужная пыль.

Варя.

Я при первой встрѣчѣ скажу ему, чтобъ онъ не смѣлъ и думать. Да, погоди, онъ въ саду; поди въ въ аллею, я сейчасъ съ нимъ поговорю. Ты будешь доволенъ мной, золотой мой папка.

(Ашметьевъ уходитъ въ аллею. Выходитъ Мальковъ.)

Явленіе седьмое.

Варя и Мальковъ.

Мальковъ.

Варвара Кирилловна, поди-ка сюда на минутку.

Варя.

Что вамъ угодно?

Мальковъ.

Учтивости пошли? Ну, ладно, будемъ по учтивому разговаривать. Вершинскій въ Петербургъ уѣзжаетъ?

Варя.

Да, уѣзжаетъ.

Мальковъ.

Не солоно хлебалъ... Это не вредно.

Варя.

Я сказала ему, что онъ мнѣ не нравится.

Мальковъ.

Чему тутъ нравиться! Мамай какой-то! безпардонный совсѣмъ: сѣчетъ и рубитъ и въ полонъ беретъ. Ну, какъ же теперь?

Варя.

Что „какъ же?“ Я не понимаю васъ.

Мальковъ.

Вотъ тебѣ разъ! Понимать перестала! Къ Кириллу-то Максимычу идти мнѣ?

Варя.

Зачѣмъ?

Мальковъ.

Миндальничать изволите. „Зачѣмъ идти!“ Дочку просить въ замужество, чтобъ законнымъ бракомъ... Поняли теперь?

Варя.

Прежде, я думаю, нужно меня спросить.

Мальковъ.

Да вѣдь ужъ тебя-то я спрашивалъ, ты съ полнымъ удовольствіемъ.

Варя.

Прежде я глупа была...

Мальковъ.

А теперь поумнѣла? Скажите пожалуйста! Не замѣтно что-то!

Варя.

Я прежде не знала, что вы — грубый матеріалистъ.

Мальковъ.

Что за вздоръ такой! Да ты знаешь ли, что такое матеріалистъ?

Варя.

Конечно, знаю.

Мальковъ.

Ну, что же это: звѣрь, птица, рыба?

Варя.

Совсѣмъ нѣтъ. Матеріалистъ значитъ, — который все грубости говоритъ.

Мальковъ.

Вотъ такъ! Часъ отъ часу не легче!

Варя.

Вы не только любить, вы не можете даже понять меня.

Мальковъ.

Ну, будетъ же, ужъ довольно дурачиться.

Варя.

Какъ вы смѣете?

Мальковъ.

Что, что я „смѣю"?

Варя.

Такъ говорить со мной.

Мальковъ.

Да какъ же разговаривать-то съ тобой, по-латыни, что ли?

Варя.

Я не дѣвка деревенская, это неучтиво.

Мальковъ.

Да, вотъ что!

Варя.

Вѣдь, все-таки я барышня.

Мальковъ.

А коли ты хочешь барышней быть, такъ веди себя, какъ барышнямъ подобаетъ. Сидя, сложа ручки, читай умныя книжки, parlez français, tenez vous droit! Тогда ужъ, я не только такъ, я и никакъ съ тобой разговаривать не буду.

Варя.

Да и не нужны мнѣ ваши разговоры, не нуждаюсь я въ нихъ. Я мила своей простотой, я очаровательна, — съ меня и довольно. Кто меня любитъ, тотъ долженъ желать, чтобъ я всегда оставалась такой.

Мальковъ.

Сохрани Господи!

Варя.

Вы человѣкъ грязный и нравственно, и физически.

Мальковъ

Что такое, что такое?

Варя.

Вы можете развратить мою душу, убить въ ней все высокое, все святое.

Мальковъ.

А! Вотъ оно откуда это! (Хватаясь за голову.) Ахъ, Боже мой! И принесло жъ его!

Варя.

Кого — „его“?

Мальковъ.

Пріѣхалъ, встрѣтилъ необразованную деревенскую дурочку и обрадовался, распустилъ губы-то. Эка прелесть, говоритъ, эка поэзія!

Варя (съ сердцемъ).

Какъ вы смѣете!

Мальковъ.

Оставайся, говоритъ, милой дурочкой, утѣшай меня, прыгай козой! Это такъ мило, такъ граціозно! У нея и такъ нѣтъ ума, а онъ еще дурачиться заставляетъ.

Варя.

Я васъ слушать не хочу, я уйду сейчасъ.

Мальковъ.

Да сдѣлайте милость. Ужъ, разумѣется, отъ меня ты такихъ конфектностей не дождешься. Я не скажу тебѣ: оставайся всегда шальной дѣвчонкой; я скажу: тебѣ умной бабой быть пора, дѣтей няньчить и учить ихъ уму-разуму.

Варя.

Это проза жизни!

Мальковъ.

Ну, вотъ изволите видѣть! „Проза жизни". И смѣхъ, и горе съ ней! Ахъ, бѣдная! Какъ скверно безъ ума-то на свѣтѣ жить! Вотъ и набѣжитъ на этакаго самоучителя.

Варя.

У меня есть умъ (топая ногой), — есть, есть!

Мальковъ.

Должно быть, немного, коли позволяешь себѣ быть игрушкой стараго развратника.

Варя.

Какъ вы смѣете! Онъ въ милліонъ разъ лучше васъ; онъ лучше меня понимаетъ, больше любитъ.

Мальковъ.

Очень вѣрю. Для старика ты, конечно, находка;

здоровая пища ему не по зубамъ, ему нужно пикану, перцу побольше; а это въ тебѣ есть.

Варя.

Ну, довольно. Желала бъ я знать, откуда это вы такую власть взяли надо мной!

Мальковъ.

Откуда? Ты забыла? Ты сама, своей волей, уступила мнѣ власть надъ собой. И я радъ былъ, за тебя радъ былъ, этой моей власти.

Варя.

Когда же это? Я не знаю· этого не было... это вздоръ...

Мальковъ.

Ты забыла свои поцѣлуи? У меня еще и теперь горитъ лицо отъ нихъ. Да не одинъ разъ... помнишь, когда я тебя завезъ къ Ашметьевымъ. Если это было, такъ я имѣю власть говорить тебѣ все, что считаю нужнымъ и полезнымъ для тебя.

Варя.

А если...

Мальковъ.

Что „если"?

Варя.

Если это была шутка?

Мальковъ.

Такъ пустая ты дѣвченка, объ которой и жалѣть не стоитъ! Поди, утѣшай своего старичка, ему, бѣдному, скучно безъ тебя. (Уходитъ.)

Варя.

Ахъ, противный! Такъ бы и убила его! Папка! папка!

(Входитъ Ашметьевъ.)

Явленіе восьмое.

Варя и Ашметьевъ.

Варя (бѣжитъ ему навстрѣчу).

Папка, папка, ты правду говорилъ, онъ грубый человѣкъ, онъ меня обидѣлъ. Теперь я знать никого не хочу, кромѣ тебя, ты у меня одинъ, папка. Ты мой, папка! (Кидается ему на шею.)

Ашметьевъ.

Приди въ себя, дитя мое, успокойся.

Варя.

Нѣтъ, папка, нѣтъ! Я задушу тебя, зацѣлую.

Ашметьевъ (освобождаясь).

Зачѣмъ такіе порывы! Во всемъ должна быть мѣра.

Варя.

Я не хочу знать никакой мѣры, никакихъ границъ; я хочу забыть всѣхъ и все для тебя.

Ашметьевъ.

Варя, я не юноша; на твои порывы я не могу отвѣчать тебѣ такими же порывами. Твоя страсть палитъ меня, но не зажигаетъ. Пора восторговъ прошла для меня безвозвратно.

Варя.

Папка, не говори такъ, я заплачу.

Ашметьевъ.

Для меня возможны только кроткія, художественныя наслажденія. Для меня неисчерпаемое блаженство — любоваться тобой.

Варя.

Папка, ты только любуешься мной, ты меня не любишь? Я не картина, чтобы мною любоваться!

Я живой человѣкъ! Я хочу любви горячей, настоящей. Ты мой, скажи мнѣ, ты мой! Такъ вѣдь, милый, золотой мой папка!

Ашметьевъ.

О, если бъ десять лѣтъ назадъ, я бы умеръ отъ такого счастья.

Варя.

А теперь, папка?

Ашметьевъ.

Теперь безумныя страсти затихли, и разумъ вступаетъ въ свои права... И вотъ что всего обиднѣй, оскорбительнѣй: весь пылъ страсти истраченъ даромъ, въ напрасныхъ поискахъ того счастья, которое теперь само просится ко мнѣ.

Варя.

Папка, что ты говоришь! Я бросаюсь къ тебѣ, я жду твоей ласки... Неужели у тебя нѣтъ никакой ласки для меня?

Ашметьевъ.

Ласки, Варя, ласки! Но, бѣдное дитя мое, мои ласки слишкомъ холодны для тебя. О, развѣ я могъ ожидать отъ тебя такой бѣшеной страсти! Нѣтъ, Варя, наша встрѣча не простая случайность, тутъ иронія, тутъ есть что-то очень, очень злое! Это насмѣшка судьбы надо мной. И эту пытку мы называемъ жизнью, и дорожимъ ею, бережемъ ее!

Варя.

Какая пытка, какая иронія? Все такъ хорошо, радостно. Папка, ты сердишься на что-то! Да чего тебѣ, вѣдь я съ тобой? чего тебѣ?

Ашметьевъ.

Успокойся, Варя! Я желаю только, чтобъ ты

успокоилась... и простимся до завтра. Завтра мы встрѣтимся, радостные, веселые... Буря утихнетъ въ твоемъ сердечкѣ, и ты покойно, кротко будешь мнѣ ворковать про любовь свою. Прощай!

Варя.

Нѣтъ, я не пущу тебя; я не могу остаться одна; я съ тобой куда хочешь, хоть на край свѣта, но только съ тобой... Уѣдемъ! Убѣжимъ!

Ашметьевъ.

Варя, Варя, ты меня пугаешь; я боюсь всего чрезмѣрнаго. Ты заставишь меня бѣжать отъ тебя.

Варя.

Ну, бѣги, бѣги! А я сейчасъ же или кинусь въ омутъ, или брошусь на шею первому встрѣчному.

Ашметьевъ.

Опомнись, опомнись, Варя, образумься! Что ты говоришь! Какъ можно! тебѣ нужно успокоиться, непремѣнно нужно. Пойдемъ, я тебя провожу до дому...

Варя.

Я не знаю дома, я его забыла... Я брошу домъ, отца...

Ашметьевъ.

Успокойся, успокойся, дитя мое! Ну, вотъ идутъ сюда... нехорошо, нехорошо. Ахъ, Варя, Варя! Ну, прощай, прощай, мое дитя! Ты завтра будешь умнѣе... До свиданья. (Идетъ въ аллею.)

Варя.

Папка, воротись! Воротись, говорю я! (Ашметьевъ уходитъ.) Папка! Папка! Ну! Пожалѣешь ты меня, да будетъ поздно.

Дѣйствіе четвертое.

Дѣйствующія лица:

Ашметьевъ.
Ашметьева, А. С.
Ашметьева, М. П.
Зубаревъ.
Зубарева, Варя.
Мальковъ.
Боевъ.
Мавра Денисовна.
Сысой Панкрат.

Сцена — комната въ домѣ Ашметьевыхъ; три двери: дверь направо — въ кабинетъ Ашметьева, налѣво — въ комнаты Маріи Петровны, прямо растворенная дверь — въ залу.

Явленіе первое.

Сысой въ дверяхъ; **Ашметьевъ** входитъ изъ кабинета.

Ашметьевъ.

Встала Марья Петровна?

Сысой.

Онѣ уѣхали-съ.

Ашметьевъ.

Такъ рано.

Сысой.

Къ обѣднѣ поѣхали-съ.

Ашметьевъ.

Значитъ, скоро пріѣдетъ.

Сысой.

Да, должно быть, сейчасъ-съ, послѣдній звонъ былъ; завсегда часамъ къ 11-ти пріѣзжаютъ.

Ашметьевъ.

Такъ скажи мнѣ, когда пріѣдетъ. (Направляется къ двери кабинета.)

Сысой.

Слушаю-съ. (Уходитъ. Входитъ Зубаревъ.)

Явленіе второе.

Ашметьевъ, Зубаревъ.

Зубаревъ.

Александръ Львовичъ, ваше здоровье-съ?

Ашметьевъ.

Благодарю васъ, ничего.

Зубаревъ.

Ужъ извините, я раннимъ гостемъ къ вамъ.

Ашметьевъ.

Я очень радъ.

Зубаревъ.

Въ городъ на базаръ ѣздилъ, къ сестрѣ заѣзжалъ.

Ашметьевъ.

Какъ вы сегодня рано поднялись.

Зубаревъ.

Рано-съ... Да схватился свою птицу-то... а ея и дома нѣтъ, и ночь не ночевала... укатила, значитъ, съ вечера. У сестры ея нѣтъ...

Ашметьевъ.

Вы это про Варю?

Зубаревъ.

Да, про нее-съ... Простите, Александръ Львовичъ! Я думаю, ужъ она и вамъ надоѣла-съ. Чуть не каждый день у васъ...

Ашметьевъ.

Да ея у насъ нѣтъ. Я вчера отъ васъ поѣхалъ, такъ она дома была.

Зубаревъ (испуганно).

Какъ-съ? Боже мой! Что жъ это такое? Гдѣ жъ она?

Ашметьевъ.

Я не знаю.

Зубаревъ.

Александръ Львовичъ, Александръ Львовичъ, не бывало этого, не пропадала она у меня совсѣмъ-то:

все — либо у тетки, либо у васъ въ домѣ найдется... Что думать, что думать? Заступница!... А голова горячая, горячая голова... Придетъ какая мысль... А я, признаться, поточилъ ее это время, погонялъ за фырканье.

Ашметьевъ.

Вы ее видѣли послѣ моего отъѣзда?

Зубаревъ.

Не видалъ-съ, до того ли!... День-то-деньской смотаешься, съ заботами, да съ убытками... Народъ, сами знаете, окаянный! Угодники великіе!

Ашметьевъ.

Да погодите ныть-то!

Зубаревъ.

Только бы нашлась, только бы найти-то ее, живую, да здоровую!...

Ашметьевъ.

А что бы вы сдѣлали?

Зубаревъ.

Молебенъ отслужу-съ; а ее запру, запру на замокъ, съ глазъ не спущу.

Ашметьевъ.

Не было бы хуже.

Зубаревъ.

Какъ же, помилуйте, Александръ Львовичъ, вѣдь единственная-съ, одна на свѣтѣ у меня, — все тутъ! А какія времена-то, что на свѣтѣ-то дѣлается! Газеты возьмешь: тамъ человѣкъ повѣсился, тамъ застрѣлился, а то ужъ стали подъ дорогу, подъ желѣзную, бросаться живьемъ; голова на одну сторону, а ноги на другую отскочатъ. Какая смертность-то!

У меня въ домѣ, положимъ, ничего этого смертоноснаго нѣтъ, одна пищаль старая, да и та не стрѣляетъ, да вотъ развѣ мышьякъ держу для крысъ... А вода-то, а рѣка-то-съ! Теперь все придетъ въ голову... Коли ужъ человѣкъ захочетъ что... Ахъ, угодники великіе!

Ашметьевъ.

Да что вы, какъ баба!... Найдется вѣроятно... да непремѣнно найдется.

Зубаревъ.

Ахъ, Боже мой! Вѣдь единственная, все тутъ... а смертность, а смертность... ужасно! (Оборачиваетъ противъ себя палецъ.) Пю! — и нѣтъ человѣка, вотъ какъ стало!

Ашметьевъ (ходитъ по комнатѣ).

Все вы глупости говорите! Ничего такого нѣтъ... конечно... ну, конечно.. конечно... и быть не можетъ.

Зубаревъ (хватая за руку Ашметьева).

Александръ Львовичъ, Бога ради! Можетъ быть, вы что-нибудь знаете за ней, — можетъ, вамъ что извѣстно? Вѣдь сердце отца... знаете: молю васъ, скажите! Хоть что-нибудь скажите?

Ашметьевъ.

Я... я ничего не знаю. Одно могу сказать, что, конечно, найдется.

(Входитъ Анна Степановна.)

Явленіе третье.

Ашметьевъ, Зубаревъ, Анна Степановна.

Зубаревъ.

Анна Степановна, мое почтеніе-съ, здравствуйте! (Цѣлуетъ ей руку.)

Анна Степановна.

Здравствуй, Кириллъ Максимычъ! что это ты, батюшка, какой взъерошенный! Рожь-то жать начали?

Зубаревъ.

А ну ее, рожь! Не до жнива мнѣ теперь! Смертность, Анна Степановна, смертность убійственная! Возьмешь газеты: тамъ человѣкъ повѣсился, тамъ застрѣлился!

Анна Степановна.

Что это ты, батюшка! Я про рожь, а онъ про какую-то смертность! Откуда ты ее взялъ? — У насъ, кажется, все, слава Богу, тихо, благополучно; такъ намъ-то что за дѣло!

Зубаревъ.

Нѣтъ-съ, Анна Степановна, разлилась, распространилась повсемѣстно эта зараза — теперь-съ! (Оборачиваетъ палецъ противъ себя.) Пю! — и нѣтъ человѣка.

Анна Степановна.

Что ты, что ты! Александръ, да что это онъ, что ему чудится?

Ашметьевъ.

Разныя глупости придумываетъ Кириллъ Максимычъ, и меня-то разстроилъ.

Зубаревъ.

Ахъ, Александръ Львовичъ, ахъ, Александръ Львовичъ! Единственная, все тутъ... и вдругъ!

Анна Степановна.

Да что это? Богъ съ нимъ! Ужъ въ своемъ ли онъ разумѣ?

Зубаревъ.

Неизвѣстны вамъ мои приключенія, Анна Степановна, вотъ вы такъ и говорите.

Анна Степановна.

Просто у тебя умъ за разумъ зашелъ; а все это, скажу я тебѣ, отъ твоихъ денегъ: много очень ты о нихъ думаешь.

Зубаревъ.

Да будь онѣ прокляты! Въ огонь все брошу, коли только... если она у меня...

Анна Степановна.

Ну, пойдемъ отсюда! Видишь, Александръ что-то разстроенъ, не будемъ надоѣдать ему. Пойдемъ, я тебя чайкомъ угощу! Поболтаемъ.

(Встаетъ и идетъ къ двери.)

Зубаревъ.

Благодарю покорно, Анна Степановна! Да-съ, такія времена! Пю! — и нѣтъ человѣка.

(Анна Степановна и Зубаревъ уходятъ.)

Явленіе четвертое.

Ашметьевъ (одинъ).

Гдѣ она можетъ быть? Куда она дѣлась? Вчера она грозила мнѣ, что или кинется въ омутъ, или бросится на шею первому встрѣчному. Суда по ея характеру и по всѣмъ обстоятельствамъ, скорѣе можно предполагать послѣднее; потому что топиться собственно не изъ чего. Значитъ, бросилась на шею... но кому, — вотъ вопросъ! Во всякомъ случаѣ она для меня потеряна. Бѣда съ этими бурными характерами! Неудобство большое... И съ чего это она такъ вдругъ?... Нѣтъ, такія отношенія не по мнѣ... безпокойно, очень безпокойно... Изъ чего тревожиться. То ли дѣло моя жена! Кроткая, покойная, любящая натура, это тихая пристань, у которой я отдыхаю и успокаиваюсь послѣ

бурь житейскихъ. И странное дѣло, послѣ каждой невѣрности, послѣ каждаго увлеченія, я все болѣе и болѣе люблю жену. Когда начнешь ее сравнивать съ тѣми женщинами, которыми я увлекался, всегда находишь, что она много лучше ихъ. Вотъ и теперь: я почти влюбленъ въ мою Машу. Да, еще нѣсколько недѣль я могу провести здѣсь съ пріятностію: я снова начну ухаживать за женой. Немножко воображенія — и мнѣ будетъ легко представить ее совсѣмъ другой женщиной; я такъ давно не видалъ ея, такъ давно не любезничалъ съ ней, что она для меня будетъ имѣть почти прелесть новизны... Эта перспектива мнѣ улыбается... Никакихъ тревогъ и волненій (улыбаясь), неуспѣха бояться нельзя. Чего бы лучше! Что можетъ быть удобнѣе и спокойнѣе!

А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

(Входятъ: Марья Петровна, одѣтая просто, покрытая большимъ платкомъ, и Мавра Денисовна.)

Явленіе пятое.

Ашметьевъ, Марья Петровна останавливается недалеко отъ дверей; **Мавра Денисовна** что-то шепчетъ ей на ухо, разводя руками.

Марья Петровна (Маврѣ Денисовнѣ).

Ну, хорошо, подожди меня въ моей спальнѣ. Я сейчасъ. (Спускаетъ платокъ съ головы на плечи.)

Мавра Денисовна.

Слушаю, матушка. (Уходитъ въ дверь налѣво.)

Ашметьевъ (цѣлуя жену).

Здравствуй, Marie. Слышала ты новость, весьма непріятную? Варя пропала.

Марья Петровна.

Не пропадетъ, найдется.

Ашметьевъ.

Однако, ее искали вездѣ...

Марья Петровна.

Не иголка, не затеряется. Не безпокойся, пожалуйста.

Ашметьевъ.

Если ты покойна, такъ и мнѣ безпокоиться нечего. Ты уѣзжала?

Марья Петровна.

Да, я у обѣдни была.

Ашметьевъ.

Что такъ часто?

Марья Петровна.

Есть о чемъ помолиться, Александръ Львовичъ.

Ашметьевъ.

Ты вчера что-то нехороша была, тебѣ о здоровьѣ надо молиться. Ты въ такомъ возрастѣ, когда наступаетъ полное цвѣтеніе пышной, роскошной женской красоты.

Марья Петровна.

Ничего, я здорова теперь. Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

Ашметьевъ.

Сдѣлай милость! Я давно уже не чувствовалъ такой нѣжности къ тебѣ, какую чувствую сегодня... Ты мнѣ доставишь своимъ разговоромъ большое удовольствіе.

Марья Петровна.

Тѣмъ лучше: я очень рада. Я буду говорить коротко; прошу тебя не перебивать меня и выслушать до конца. Садись!

Ашметьевъ (садясь).

Прекрасно. Говори, я слушаю.

Марья Петровна.

Не знаю, замѣчаешь ли ты, что мое положеніе въ вашемъ домѣ для меня не скажу — невыносимо, а все же очень тяжело. Анна Степановна хотя и любитъ меня, но никакъ не можетъ помириться съ моимъ, какъ она говоритъ, мѣщанскимъ происхожденіемъ. На людей и на жизнь мы съ ней смотримъ совершенно различно; изъ уваженія къ ея старости, я не спорю съ ней, и потому должна молчать. А я ужъ не пансіонерка, мнѣ хочется и говорить, и дѣлать то, что я думаю, что мнѣ нравится. Еще скажу тебѣ: я здѣсь барыня, но не хозяйка; я не могу распорядиться ничѣмъ; я, какъ несовершеннолѣтняя дочь, или какъ проживалка, должна довольствоваться тѣмъ, что мнѣ предложатъ, и благодарить за все, что мнѣ ни дадутъ.

Ашметьевъ (вставая).

Marie, Маша!

Марья Петровна.

Садись. (Ашметьевъ садится.) Я умѣю жить и хозяйничать сама, и у меня есть свои средства; — такъ самъ разсуди, что мнѣ за радость жить въ неволѣ, на чужихъ хлѣбахъ, и смотрѣть каждый кусокъ изъ чужихъ рукъ. Все это я переносила такъ долго изъ любви къ тебѣ...

Ашметьевъ.

Благодарю тебя, благодарю.

Марья Петровна.

Теперь, если хочешь, я скажу тебѣ, что сталось съ моей любовью. Я постараюсь не сказать ничего обиднаго для тебя; а если скажется и обидное,

такъ потерпи: я терпѣла же. Я тебя любила очень, вскорѣ послѣ свадьбы ты охладѣлъ ко мнѣ и, нисколько не стѣсняясь, сталъ ухаживать чуть не за каждой красивой женщиной; я ревновала, плакала, рвалась; и когда ты, послѣ заграничныхъ странствій, или въ антрактахъ между своими интрижками, возвращался ко мнѣ, я принимала тебя со слезами радости!

Ашметьевъ.

Правда, правда...

Марья Петровна.

Потомъ мнѣ стало все это скучно; а теперь, когда ты увлекся, какъ мальчишка, моей Варей, мнѣ ужъ стало просто противно. Все это я говорю тебѣ для того, чтобъ ты зналъ причину, почему я оставляю вашъ домъ. Я завожу свое хозяйство и переѣзжаю на свою ферму.

Ашметьевъ.

Но, Marie, послушай...

Марья Петровна.

Нѣтъ, ты не трудись ни возражать мнѣ, ни совѣтывать; мое рѣшеніе твердо. Впрочемъ, ты не безпокойся, я переѣду на ферму только послѣ твоего отъѣзда.

Ашметьевъ.

Извини меня, извини! Я ошибался въ тебѣ, я причислялъ тебя совсѣмъ къ другому типу женщинъ; ты много лучше, чѣмъ я думалъ о тебѣ.

Марья Петровна.

Благодарю. Ну, а теперь ты меня къ какому типу причислишь? Я ужъ не вялая, молчаливая, полусонная, скучная барыня. (Накидывая платокъ на голову.) Вотъ передъ тобой молодая, довольно богатая фермерша,

живая, веселая. Посмотри, какъ я бойко заговорю на своей фермѣ.

Ашметьевъ.

Типъ довольно привлекательный. А что, если я вздумаю поволочиться за молодой, богатой фермершей.

Марья Петровна.

Ты вѣдь шутишь; ну, и я тебѣ отвѣчу въ шутку. Если бъ я была изъ такихъ женщинъ, которыя позволяютъ за собой волочиться, я бы тебѣ сказала, что для мужа ты еще, пожалуй, ничего, такъ себѣ, а въ любовники къ молодой фермершѣ не годишься, — ей нужно помоложе и помолодцоватѣе.

Ашметьевъ.

Правда, Marie, правда.

Марья Петровна.

Ты, вѣроятно, скоро уѣдешь?

Ашметьевъ.

Да, теперь ужъ мнѣ не зачѣмъ оставаться. Я жду денегъ; а теперь мнѣ нужно подумать и измѣнить кое-какія распоряженія. (Уходитъ въ кабинетъ.)

Явленіе шестое.

Марья Петровна, потомъ Мавра Денисовна.

Марья Петровна (у двери въ спальню).

Мавра Денисовна, поди сюда. (Входитъ Мавра Денисовна.) Разсказывай порядкомъ, что у васъ за исторія?

Мавра Денисовна.

Срамота головушкѣ. Вчера у насъ гости чуть не до свѣту въ карты играли. Вотъ, проводивши ихъ, иду я наверхъ тихонько, безъ свѣчки, чтобъ не разбудить ее; а Дуняша мнѣ навстрѣчу. „Пожалуй-

те, говоритъ, барышня, я васъ раздѣну поскорѣй, спать смерть хочется". Какая, говорю, я тебѣ барышня. А она: „такъ гдѣ жъ, говоритъ, Варвара-то Кирилловна?" Я сейчасъ въ садъ; бѣгала, бѣгала, нѣтъ ея; и къ рѣкѣ — тамъ пусто, я въ рощу — и тамъ ничего. Побѣгаю, побѣгаю, да домой прибѣгу, а зубы — такъ и стучатъ, лихорадка такъ и бьетъ; сижу, дожидаюсь, не придетъ ли, да опять побѣгу по всѣмъ мѣстамъ. Бѣгала я такъ-то до свѣту до бѣлаго; а въ домѣ все огонь горитъ, потушить-то не догадаюсь, все мнѣ еще ночь представляется. Да тутъ только мнѣ въ голову пришло, что, какъ Михайло Тарасычъ уѣзжали съ Дмитріемъ Андреичемъ, ждали они на дворѣ тарантаса, кучеръ-то заспался, такъ разговоръ промежъ нихъ былъ; слышала это я съ крыльца-то: Дмитрій-то Андреичъ все бранилъ барышню, сердился; а Михайло Тарасычъ все смѣется: „Погоди, говоритъ, очувствуется, сама къ тебѣ прибѣжитъ". Какъ вспомнила я эти слова, сейчасъ сѣла въ телѣгу да маршъ на заводъ. Свернула съ дороги въ кусты, телѣгу тамъ оставила, а сама тихонечко въ садъ. Что жъ, матушка моя, сидятъ на балконѣ за самоваромъ, чаекъ попиваютъ, — а она, и горюшка ей мало, пѣсенку поетъ.

Марья Петровна.

Какъ же она туда попала?

Мавра Денисовна.

А вотъ какимъ манеромъ: что ей въ голову пришло, ужъ неизвѣстно, только выбѣжала она на дорогу впередъ гостей; потомъ прыгъ къ нимъ въ тарантасъ: „я, говоритъ, кататься хочу". Завезли сначала домой Михайла Тарасыча, потомъ въ томъ же тарантасѣ къ Дмитрію Андреичу, такъ и проколесили всю ночь. Да мало ли мѣста, верстъ тридцать объѣхали! Я ее звать домой, не ѣдетъ. Я и бранью,

и слезами, ничто не беретъ. „Пожалуй, говоритъ, поѣду къ Марьѣ Петровнѣ, а домой — ни за что". Я ее въ телѣгу, да закутала своимъ платкомъ отъ стыда, чтобъ не узналъ кто. Привезла ее сюда; въ комнаты нейдетъ, стыдится, что ли, — кто ее разберетъ! Пошли въ садъ, окошки у васъ въ спальнѣ растворены, — она прыгъ въ окно...

Марья Петровна.

Такъ она въ спальнѣ у меня?

Мавра Денисовна.

Тамъ, матушка. Сидитъ на стулѣ въ углу, за кроватью, точно каменная, слова не добьешься.

Марья Петровна.

Ну, поди, успокой ее да и сама-то не безпокойся и не разговаривай ни съ кѣмъ; а ужъ мы постараемся уладить дѣло безъ огласки. (Мавра Денисовна уходитъ. Марья Петровна подходитъ къ двери кабинета Ашметьева.) Александръ Львовичъ! На одну минуту.

(Входитъ Ашметьевъ.)

Явленіе седьмое.

Марья Петровна, Ашметьевъ.

Марья Петровна.

Пропажа отыскалась.

Ашметьевъ.

Гдѣ, гдѣ нашли?

Марья Петровна.

На заводѣ, у Малькова.

Ашметьевъ.

У Малькова! Не ожидалъ... Это чортъ знаетъ что такое!

Марья Петровна.

Ну, положимъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; да дѣло не въ томъ: не нужно давать пищи для разговора. Я приму похищеніе на себя; я ее увезла. Понимаешь?

Ашметьевъ.

Понимаю, понимаю. (Марья Петровна уходитъ въ спальню.) Одна на ферму, другая на заводъ!.. Надо уѣзжать! Эту поѣздку въ деревню я не могу считать удачною; въ нашихъ барскихъ захолустьяхъ, въ нашихъ Отрадахъ, Монплезирахъ и Миловидахъ, повѣяло меркантильнымъ духомъ. Я здѣсь точно трутень между пчелами. Конечно, эти пчелы еще не много меду собираютъ; но ужъ шевелятся, хлопочатъ и начинаютъ жалить трутней и выгонять ихъ изъ своего улья.

(Входитъ Марья Петровна.)

Марья Петровна (въ дверь).

Я сейчасъ увѣрю твоего отца и Анну Степановну, что ты была у меня. А что намъ дальше дѣлать, послѣ подумаемъ.

(Уходитъ въ залу.)

Варя (изъ-за двери).

Папка!

Ашметьевъ.

А! Ты здѣсь! Поди сюда, не бойся, никого нѣтъ.

(Входитъ Варя.)

Явленіе восьмое.

Ашметьевъ и Варя потомъ Сысой.

Варя.

Папка, ты виноватъ, ты виноватъ...

Ашметьевъ.

Ни душой, ни тѣломъ.

Варя.

Нѣтъ, ты, ты, я тебѣ говорила... помнишь? Я говорила...

Ашметьевъ.

Мало ли что ты говорила!

Варя.

Ты отчего не остался со мной? Я тебѣ кричала: воротись, воротись; ты не захотѣлъ. Ну, вотъ я...

Ашметьевъ.

Такъ за то, что я не воротился, ты и убѣжала къ Малькову?

Варя.

Да, за то. Вѣдь я тебѣ говорила, что или въ омутъ кинусь...

Ашметьевъ.

„Или на шею къ кому-нибудь!“ И кинулась на шею?

Варя.

Да. А тебѣ хотѣлось, чтобъ я въ омутъ бросилась? Ишь ты какой! Вотъ какъ ты меня любишь!

Ашметьевъ.

Нѣтъ, въ омутъ зачѣмъ же! Сохрани Богъ! Ужъ если выбирать непремѣнно изъ этихъ двухъ рѣшеній, такъ на шею лучше.

Варя.

И, конечно, лучше.

Ашметьевъ.

А если бъ ни то, ни другое?

Варя.

Нельзя.

Ашметьевъ.

Ужъ будто?

Варя.

Невозможно.

Ашметьевъ.

Да почему же?

Варя.

Если бъ я не говорила, такъ другое дѣло; а я тебѣ сказала, такъ ужъ и исполнила...

Ашметьевъ.

Резонно. (Смотритъ пристально на Варю.)

Варя (серьезно).

Ну, что ты на меня смотришь? Самъ виноватъ, да еще... смотритъ.

Ашметьевъ.

Все же и виноватъ?

Варя.

Да, разумѣется, ты; а то кто же?

Ашметьевъ.

А я думаю, что виноватъ Мальковъ. Онъ не долженъ былъ пользоваться твоимъ, какъ бы это сказать ... ну, хоть неразумiемъ. Коли онъ честный человѣкъ, онъ долженъ былъ прогнать тебя.

Варя (съ сердцемъ).

Прогнать? Вотъ ужъ тогда я навѣрное была бы въ омутѣ. Нѣтъ, онъ не такой злой, какъ ты.

Ашметьевъ.

Добрѣе?

Варя.

Гораздо. Онъ не матерiалистъ, ты лжешь.

Ашметьевъ.

Почемъ же ты знаешь?

Варя.

Онъ совсѣмъ не грубый.

Ашметьевъ.

Значитъ, ласковый?

Варя.

Очень ласковый, очень. Это ты, папка, матеріалистъ... Ты убѣжалъ отъ меня, а онъ...

Ашметьевъ.

А онъ что?

Варя.

Обыкновенно... Зачѣмъ тутъ бѣжать, коли...

Ашметьевъ.

Коли что?

Варя.

Ахъ, папка, какой ты глупый! Коли любятъ другъ друга.

Ашметьевъ.

Да какъ же это такъ? Только-что ты увѣряла, что, кромѣ меня, для тебя на свѣтѣ никого нѣтъ; а черезъ полчаса ужъ вы съ Мальковымъ другъ друга любите?

Варя.

Да что жъ, коли ты такой обидчикъ, матеріалистъ. Ты самъ виноватъ, ты виноватъ, ты...

(Входитъ Сысой).

Сысой.

Господинъ Мальковъ желаетъ васъ видѣть.

Варя.

Ай! (Убѣгаетъ въ спальню. Въ дверяхъ). Ты виноватъ, ты виноватъ, ты ужъ... (Уходитъ.)

Ашметьевъ.

Проси! (Сысой уходитъ.) Самъ пріѣхалъ. Ну, пусть не взыщетъ: много горькаго придется ему выслушать отъ меня.

(Входятъ: Мальковъ и Марья Петровна.)

Явленіе девятое.

Ашметьевъ, Мальковъ и Марья Петровна.

Мальковъ (Марьѣ Петровнѣ).

Я вамъ такого битюка доставлю — на рѣдкость. Въ шарабанчикѣ, сами будете править, любо-дорого.

Марья Петровна.

А цѣна?

Мальковъ.

Чуть не даромъ, полтораста рублей.

Марья Петровна.

Благодарю васъ. (Уходитъ въ спальню.)

Мальковъ (Ашметьеву.)

Честь имѣю кланяться!

Ашметьевъ (подавая руку.)

Представьте, я ждалъ васъ; мнѣ казалось, что вы непремѣнно должны пріѣхать.

Мальковъ.

Мудренаго нѣтъ; мало ли что на свѣтѣ бываетъ.

Ашметьевъ.

Вы очень хорошо сдѣлали, что пожаловали ко мнѣ.

Мальковъ.

Да, безподобно; я самъ знаю.

Ашметьевъ.

Грубаго пріема вы не встрѣтите, я человѣкъ цивилизованный...

Мальковъ.

Еще бы!

Ашметьевъ.

Вѣроятно, вы не разсердитесь на меня, если въ нашемъ разговорѣ вамъ придется выслушать отъ меня нѣсколько очень горькихъ для васъ истинъ.

Мальковъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же это! Совсѣмъ не надо.

Ашметьевъ.

Я старше васъ, больше жилъ на свѣтѣ, больше испыталъ...

Мальковъ.

Нѣтъ, вы не въ ту силу.

Ашметьевъ.

Я знаю, что нынче принято за правило: не пропускать ничего, что плыветъ въ руки; но едва ли, не грѣша противъ совѣсти, можно примѣнить это правило къ молодой дѣвушкѣ, которая, не понимая и не помня, что дѣлаетъ, бросается къ вамъ, подъ вліяніемъ минутнаго порыва, очертя голову, что называется, а можетъ быть, и подъ вліяніемъ каприза...

Мальковъ.

Про какую это дѣвушку вы такъ красно расписываете?

Ашметьевъ.

Про Варю.

Мальковъ.

Такъ это не ваше дѣло, а попово; и попа не вашего, а чужого.

Ашметьевъ.

Отшучиваться, конечно, легче, чѣмъ оправдываться; но...

Мальковъ.

Извините... Я согласенъ, что изъ вашей философіи и морали я, какъ молодой человѣкъ, могу извлечь много пользы; но мнѣ некогда, — это ужъ въ другой разъ, какъ-нибудь на досугѣ; и я пріѣхалъ за другимъ...

Ашметьевъ.

Что же вамъ угодно?

Мальковъ.

Во-первыхъ, я привезъ вамъ деньги за лѣсъ.

Ашметьевъ.

Какъ, развѣ вы купили?

Мальковъ.

Что жъ тутъ удивительнаго? Кому нуженъ лѣсъ, тотъ его и покупаетъ; кому лѣсъ не нуженъ, а нужны деньги, тотъ его продаетъ. Все это въ порядкѣ вещей.

Ашметьевъ.

И привезли деньги... какъ это кстати! Благодарю васъ!

Мальковъ.

За шестьдесятъ-двѣ десятины съ саженями, по 75 руб. за десятину, 4,700. Получите, сочтите и дайте росписочку.

Ашметьевъ (беретъ деньги.)

Гм?.. Не много же, однако.

Мальковъ.

Не хватаетъ вамъ, — разсчетъ не выходитъ?

Ашметьевъ.

Да, если бъ еще тысячи три...

Мальковъ.

Продайте рощу, что за паркомъ-то!

Ашметьевъ.

Гм! за паркомъ, вы говорите?

Мальковъ.

Сто рублей за десятину дамъ.

Ашметьевъ.

Не хотѣлось бы...

Мальковъ.

Сто десять.

Ашметьевъ.

Жаль. Откровенно вамъ говорю, жаль.

Мальковъ.

Сто двадцать.

Ашметьевъ.

Я подумаю.

Мальковъ.

Начнемъ думать, такъ либо вы раздумаете, либо я раздумаю. А по нашему, въ два слова, не сходя съ мѣста... (Ашметьевъ въ раздумьи). Завтра и деньги привезу... По рукамъ, что ли? (протягиваетъ руку.)

Ашметьевъ (подавая руку).

Извольте.

Мальковъ.

Вотъ такъ-то лучше. Я его и срублю, а тотъ поберегу; онъ въ настоящемъ возрастѣ три процента приросту даетъ. Одно дѣло кончено, теперь другое.

Ашметьевъ.

Я васъ слушаю.

Мальковъ.

Вамъ угодно было назвать меня матеріалистомъ, человѣкомъ безчувственнымъ, грязнымъ и физически, и нравственно, способнымъ развратить молодую душу и погубить въ ней все высокое и благородное. Если бы вы говорили это такъ, для провожденія времени, я бы махнулъ рукой; тѣшьтесь, сколько угодно. Но вы говорили это съ злымъ умысломъ, съ намѣреніемъ повредить мнѣ въ глазахъ дѣвушки, которую я люблю, жалѣю, которую я хотѣлъ вырвать изъ дурацкой обстановки, гдѣ она ровно ничего не дѣлаетъ, а только повѣсничаетъ. А вы меня чернили передъ ней! Какъ это называется, позвольте васъ спросить!

Ашметьевъ.

Извините: это я вообще о людяхъ вашей профессіи...

Мальковъ.

Коли вообще о людяхъ, такъ и ступайте читать публичныя лекціи! А нашептывать, указывая прямо на лицо... Для этого, по крайней мѣрѣ, нужно знать его...

Ашметьевъ.

Я и оправдываться не стану... Но поймите, что, подъ вліяніемъ сильной страсти, человѣкъ можетъ иногда...

Мальковъ.

На стѣну лѣзть, объ печку головой биться. Это я понимаю; а клеветать на человѣка, ужъ это что жъ такое!

Ашметьевъ.

Ну, я прошу у васъ извиненія.

Мальковъ.

Да что мнѣ въ вашемъ извиненіи! Не шубу изъ него шить. Это, чортъ знаетъ, что такое! Жи-

вешь смирно, никого не трогаешь, и вдругъ тебя обзываютъ какъ нельзя хуже.

Ашметьевъ.

Я прошу васъ извинить меня, чего вы еще можете желать отъ меня?

Мальковъ.

Да нѣтъ, позвольте! Вы пріѣзжаете въ имѣніе любоваться ландшафтами, — выходитъ, вы честный человѣкъ; а я пріѣзжаю, вооруженный наукой, извлекаю изъ имѣнія пользу себѣ и людямъ, я за это — грязный матеріалистъ. Вы разоряете имѣніе и бросаете деньги за-границей, — вы, значитъ, человѣкъ съ чувствомъ; а я на свои трудовыя завожу школы и учу людей хлѣбъ добывать, — я за это — безчувственный матеріалистъ.

Ашметьевъ.

Но что же вамъ угодно отъ меня?

Мальковъ.

Нѣтъ, помилуйте! Я полюбилъ дѣвушку и хочу жениться на ней: это, по вашему, „проза жизни, такъ поступаютъ матеріалисты...“ Въ чемъ же поэзія - то, и какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ благородные идеалисты?

Ашметьевъ.

Довольно. Вы желаете удовлетворенія?

Мальковъ.

Нѣтъ, не желаю.

Ашметьевъ.

Чего же вамъ?

Мальковъ.

Я считаю себя въ правѣ требовать отъ васъ, и требую, чтобы вы сейчасъ же сказали господину

Зубареву, что нельзя бросать дочь безъ всякаго призрѣнія и что лучше всего онъ сдѣлаетъ, если отдастъ ее за меня замужъ.

Ашметьевъ.

Извольте, съ большимъ удовольствіемъ.

Мальковъ.

Съ удовольствіемъ, или безъ удовольствія, это ваше дѣло; а вотъ если вы этого не сдѣлаете, тогда ужъ другой разговоръ будетъ.

Ашметьевъ.

Нѣтъ, отчего же!.. Извольте... Я каюсь, я ошибся въ васъ... Я припоминаю теперь, вы похожи на одинъ типъ у Занда...

Мальковъ.

Я похожъ самъ на себя, и ни на кого больше. Что тамъ за типы! Живемъ, какъ живется! Пожалуйте мнѣ теперь росписочку.

Ашметьевъ.

Сію минуту. Прошу васъ ко мнѣ въ кабинетъ.

(Мальковъ и Ашметьевъ уходятъ въ кабинетъ. Входятъ: Марья Петровна, Варя и Мавра Денисовна.)

Явленіе десятое.

Марья Петровна, Варя и Мавра Денисовна.

Мавра Денисовна (Варѣ.)

Поѣдемъ-ка домой, будетъ странничать-то!

Варя.

Ни за что, ни за что! Это опять къ тебѣ на верхъ? Знаешь ли, Маруся, мою спальню все еще дѣтской называютъ. Каково это, Маруся! она хочетъ, чтобъ я опять въ дѣтскую отправлялась!

Поздно, нянюшка, поздно! Тебѣ скучно, няньчить некого? А вотъ подожди, когда у меня дѣти будутъ . . .

Мавра Денисовна.

Что это, какъ посмотрю я на тебя, какая ты озорница становишься! Часъ-отъ-часу хуже.

(Дверь изъ кабинета отворяется. Ашметьевъ и Мальковъ останавливаются въ дверяхъ, не входя въ комнату.)

Варя

(обнимая Марью Петровну).

Ахъ, Маруся, какъ онъ меня любитъ, какъ онъ меня любитъ!

Марья Петровна.

Какъ же это ты такъ скоро узнала?

Варя.

Онъ меня вчера такъ бранилъ, такъ бранилъ; никто въ жизни такъ не бранилъ меня . . . Кому жъ до меня дѣло, кромѣ его! . .

Мавра Денисовна.

Мало ль тебя бранятъ, да ничего толку отъ тебя нѣтъ.

Варя.

И все онъ правду говорилъ, все правду. (Задумывается.) Знаешь, Маруся, я одного боюсь . . .

Марья Петровна.

Чего?

Варя.

Что онъ прибьетъ меня какъ-нибудь, когда моимъ мужемъ будетъ.

Марья Петровна.

И отлично сдѣлаетъ.

Мавра Денисовна.

Вотъ бы расчудесно, въ ножки бы ему поклонилась за это.

Варя.

Да, нѣтъ ... Я его слушаться буду, только его одного и больше никого въ жизни.

(Ашметьевъ и Мальковъ входятъ.)

Явленіе одиннадцатое.

Марья Петровна, Варя, Мавра Денисовна, Ашметьевъ, Мальковъ.

Мальковъ (входя).

Довольно, пойдемте! А то онѣ, Богъ знаетъ, до чего договорятся.

Варя.

Такъ вы насъ подслушивали?

Ашметьевъ.

Виноватъ, это я полюбопытствовалъ. Чтобъ узнать отъ женщинъ правду, единственное средство — подслушать, что онѣ между собой разговариваютъ.

(Входятъ: Анна Степановна и Зубаревъ.)

Явленіе двѣнадцатое.

Марья Петровна, Варя, Ашметьевъ, Мальковъ, Анна Степановна, Зубаревъ, Мавра Денисовна; потомъ Боевъ.

Марья Петровна (Зубареву).

Позвольте вамъ представить жениха съ невѣстой. Это я сватаю, тутъ ужъ отказа быть не можетъ.

Зубаревъ.

Господи!.. Варя!.. Александръ Львовичъ, скажите мнѣ пожалуйста, что же это такое?

Ашметьевъ.

Ея выборъ, онъ ей понравился.

Зубаревъ.

Александръ Львовичъ, Александръ Львовичъ, да какъ же это-съ? Помилуйте, вѣдь единственная, все тутъ... и вдругъ!..

Ашметьевъ.

Да объ чемъ вы толкуете! Держать дочь дома вамъ нельзя; у васъ за ней присмотра нѣтъ.

Зубаревъ.

Это вы правду изволите говорить. А все жъ-таки вѣдь я отецъ, каково жъ это видѣть и перенести (прикладываетъ платокъ къ глазамъ). А, впрочемъ, какъ вамъ угодно, вы лучше меня знаете...

Ашметьевъ.

Ну, такъ я вамъ вотъ что скажу: благодарите судьбу, что она вамъ послала такого зятя — вамъ лучше не найти.

Зубаревъ.

Въ такомъ случаѣ, что же мнѣ говорить? Я не имѣю словъ-съ, я долженъ только благодарить Марью Петровну. (Входитъ Боевъ.)

Боевъ.

Вотъ бѣда-то, не опоздалъ ли я къ пирогу?

Ашметьевъ.

Какъ разъ поспѣли. Деньги за лѣсъ я получилъ отъ Дмитрія Андреича, и магарычъ вамъ будетъ приличный.

Боевъ.

Изъ того только и бьемся.

Зубаревъ (Ашметьеву).

Александръ Львовичъ, вотъ при васъ взялъ, при васъ-съ, а не отдаетъ.

Боевъ.

Да ты слышалъ? Лѣсъ проданъ, такъ сочти за комиссію.

Зубаревъ.

Какая комиссія! Помилуйте!.. грабежъ ... жить нельзя.

Боевъ (подаетъ вексель).

На! Отвяжись только.

Зубаревъ.

Что это, вексель? Ты деньги бралъ, а не вексель ... Ну, все равно — давай, давай .. Вотъ, Анна Степановна, вотъ моя жизнь! Вчера сѣно украли, овесъ потравили, онъ деньги силой отнялъ, а теперь дочь-съ ... Былъ женихъ — Викторъ Васильичъ ... Какой человѣкъ-то! Сила, быстрота, соображеніе ... и вдругъ ...

Варя.

Папаша, да вѣдь ужъ все кончено, къ чему еще разговоры!

Зубаревъ.

Развѣ кончено?

Варя.

Еще бы! Смѣшно даже. Ты бы раньше хватился.

Анна Степановна.

Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, очень разборчивъ сталъ! Вѣдь не принцесса у тебя дочь-то, проживутъ какъ-нибудь.

Варя (Малькову).

Такъ мы будемъ жить „какъ-нибудь“. Я этого не знала.

Мальковъ.

А вотъ погоди, годика черезъ два-три мы съ тобой купимъ у нихъ это имѣніе, и съ паркомъ, и съ Миловидой!

(Занавѣсъ.)

Свѣтитъ, да не грѣетъ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

А. Н. Островскаго и Н. Я. Соловьева.

Дѣйствующія лица.

Анна Владиміровна Ренева, землевадѣлица, дѣвица, подъ 30 лѣтъ.

Семенъ Семеновичъ Залѣшинъ, ея сосѣдъ, среднихъ лѣтъ.

Автотья Васильевна, его жена.

Денисъ Ивановичъ Дерюгинъ, зажиточный крестьянинъ.

Даша, горничная Реневой.

Ильичъ, старикъ, дворовый человѣкъ, изъ крѣпостныхъ Реневой.

Степанида, его жена, старуха.

Борисъ Борисычъ Рабачовъ, молодой человѣкъ, небогатый землевладѣлецъ, ближайшій сосѣдъ Реневой.

Оля Василькова, молоденькая дѣвушка, дочь бывшаго управляющаго имѣніемъ Реневой.

Худобаевъ, значительный чиновникъ въ отставкѣ, 50-ти лѣтъ.

Дѣйствіе первое.

Дѣйствующія лица:

Ренева.
Залѣшинъ.
Залѣшина.
Дерюгинъ.
Рабачевъ.
Василькова, Оля.
Даша.
Ильичъ.
Степанида.

Сцена — старый запущенный садъ, площадка, налѣво отъ зрителей старая, пострадавшая отъ времени, тесовая терраса дома, направо и прямо за площадкой деревья и кусты, подлѣ террасы круглый столъ, покрытый бѣлой скатертью, кругомъ нѣсколько стульевъ.

Явленіе первое.

Ильичъ съ самоваромъ сходитъ съ террасы на площадку; за нимъ **Степанида** съ подносомъ, на которомъ чайный приборъ; потомъ **Даша**.

Степанида.

Потише, не спотыкнись, скороходъ!

Ильичъ.

Слава Богу, служили, никогда не спотыкались. (Ставитъ самоваръ на столъ).

Степанида.

(ставитъ подносъ и обмахиваетъ полотенцемъ самоваръ).

Эхъ, ты! Вычистилъ самоваръ — весь сизый какой-то, страмъ!.. Говорила: дай сама, — не видитъ со слѣпу-то, а еще берется!

Ильичъ.

Да, какъ же, у тебя поучиться! Чистили мы ихъ довольно, знаемъ! (Хочетъ разставлять чашки.)

Степанида. (отстраняя).

Пусти! Еще чашки перебить! Давеча ужъ блюдо покончилъ.

Ильичъ.

А кто подтолкнулъ? Ты же вышибла изъ рукъ... Не такъ разставляешь, чайникъ не туда... Мужичка!

Степанида.

Охъ, какой дворянинъ! Скажите!

Ильичъ (перестанавливаетъ стулья).

Почище тебя; на господскомъ дворѣ родился, — свѣтъ видалъ; а ты изъ деревенской избы по моей милости въ дворовые-то произведена. Небось, барышня сегодня какъ пріѣхала, сейчасъ спросила: „гдѣ Ильичъ? Чтобъ явился".

Степанида.

И меня позвала: „пошлите, говоритъ, ко мнѣ тоже Степаниду".

Ильичъ.

Пошла на кухню, знай свою стряпню! А я комнаты убирать.

Степанида.

Уберутъ безъ тебя! Ужъ сиди на одномъ мѣстѣ, коли ноги оттопталъ.

Ильичъ.

Деревня!

Степанида.

Старый сычъ! Право, слѣпой сычъ!

(Сходитъ съ террасы).

Даша (съ чайницей въ рукѣ).

Что это вы, старики, никакъ ссоритесь!

Ильичъ (указывая).

Да вотъ все она, деревня-то моя!

Степанида.

Вотъ и смотрите на него на полоумнаго!

Ильичъ.

Деревня!

Степанида.

Старый сычъ!

Ильичъ.

Ты слушай! Я — комнаты убирать, а ты — на кухню! (Идетъ.)

Степанида (слѣдуя за нимъ).

Еще разбить тебѣ или сломать что-нибудь!

(Уходятъ).

Даша.

При нынѣшнихъ понятіяхъ такихъ антиковъ надо за деньги показывать.

(Готовитъ чай. Входитъ Дерюгинъ. Кланяется.)

Явленіе второе.

Даша, Дерюгинъ.

Даша.

Здравствуйте! Вамъ кого?

Дерюгинъ.

Намъ, собственно, барышню нашу Анну Владиміровну. А что, ежели повидѣть ихъ, можно?

Даша.

Можно; она скоро выйдетъ сюда.

Дерюгинъ.

Отдыхать изволятъ, устали?

Даша.

Да, устала; мы вѣдь только три часа, какъ пріѣхали.

Дерюгинъ.

Какъ же! Мы такъ и встрепенулись, вся деревня услыхамши колокольчикъ-то! Нежданно-негаданно, какъ мы ихъ бывшіе крестьяне; а я, признаться, и старостой ходилъ еще при ихъ родителяхъ.

Даша.

Присядьте пока

Дерюгинъ.

Ничего, постоимъ. А вы, слѣдственно, при нихъ, при барышнѣ нашей?

Даша.

При ней.

Дерюгинъ.

На какомъ же, то есть, положеніи, аль какъ?

Даша.

Я прислуга, горничная ея.

Дерюгинъ

(почесавъ затылокъ, надѣваетъ картузъ).

А, да... такъ вотъ что оно! (Садится.) И давно при нихъ?

Даша.

Шестой годъ; за границей мы были, съ княгиней вмѣстѣ. Княгиня умерла, — такъ мы — сюда!

Дерюгинъ.

Мы наслышаны; тогда въ ихъ вотчинную контору письмо пришло за черной печатью.

Даша.

Да, всего три мѣсяца назадъ, въ Парижѣ.

Дерюгинъ.

Ну, что жъ, царство ей Небесное! Стара ужъ была.

Даша.

Ну только одна моя привычка къ Аннѣ Владиміровнѣ, а то бы, кажется, ни за какія деньги не поѣхала въ этакую глушь. Ни свѣта, ни людей, окромя помимо мужиковъ.

Дерюгинъ.

Да, конечно, кому какъ, — а барышня наша

душевный человѣкъ; бывало это разговорится съ тобой, какъ съ своимъ братомъ.

Даша.

Ну ужъ зато, когда найдетъ на нее хандра, такая, тоже не подступайся.

Дерюгинъ.

Ну, — само-собой, господа!.. Причудность эта у нихъ тоже иногда, современемъ... Видали мы тоже. Недолго тогда барышня у насъ пожила, съ годъ время, не больше; тутъ померла, по лѣту, мамаша ихъ, а по сосѣдству, верстъ отселева съ пятокъ, село Отрада есть, тамъ это княгиня наѣздомъ проживала лѣтнее время, крестная она барышнѣ-то была. Ну, пріѣхала она тогда на похороны, схоронили; да и взяла нашу барышню замѣсто дочери, и увезла отъ насъ. Съ той поры и не выдали мы барышню свою. Что?.. Да шестой годъ, — такъ шесть лѣтъ скоро будетъ тому.

Даша.

Мы больше жили въ Италіи, въ Швейцаріи тоже; въ Парижѣ только послѣдній годъ, потому такъ какъ княгиня все лѣчилась у тамошнихъ докторовъ.

Дерюгинъ.

Ну, какъ же теперь барышня наша? Здѣсь, значитъ, думаетъ поселиться?

Даша.

Избави насъ Боже! Мы сюда такъ, взглянуть, ну и по дѣламъ.

Дерюгинъ.

А какія-такія дѣла будутъ у нихъ?

Даша.

Не знаю, право. Что-то о деньгахъ; деньги Аннѣ Владиміровнѣ нужны теперь.

Дерюгинъ.

Деньги!.. Такъ. Ну неужто жъ, спрошу я васъ такъ, княгиня своей крестницѣ-то отъ своего богатства ничего ужъ?

Даша.

Ничего. Нѣсколько вещей, платьевъ и только. Княгиня все думала жить, не ожидала скорой себѣ смерти, а вдругъ умерла и даже безъ всякаго завѣщанія.

Дерюгинъ.

Оказія!

Даша.

Все досталось сыну; а онъ такой человѣкъ, что завсегда почти въ долгахъ.

Дерюгинъ.

Н-да... и наша барышня тоже — подумаешь и о ней. Вотъ — доли своей не нашла до сей поры.

Даша.

Какой это доли?

Дерюгинъ.

Обыкновенно, подъ вѣнецъ чтобы, законъ получить, гнѣздо свить.

Даша.

Очень нужно! Не хотѣли просто себя связывать и воли своей рѣшаться. Посмотрѣли бы вы, сколько всякихъ жениховъ было тамъ за границей, даже одинъ изъ иностранныхъ графовъ!

Дерюгинъ.

Видимое дѣло, что не хотѣли, а то, кажется, какъ бы не найтись жениха такой барышнѣ! Есть и тутъ одинъ баринъ, зовутъ его Семенъ Семенычемъ, Залѣшинъ прозывается, промежъ дворовыхъ разговоръ былъ, что будто женихъ. Мы такъ и полагали,

что быть свадьбѣ, — анъ нѣтъ! Барышня уѣхала, а Семенъ Семенычъ и по сей часъ здѣсь.

Даша.

Нынче даже и наша сестра не очень такъ кидается, чтобъ непремѣнно замужъ; можно и безъ этого и даже оченно свободно прожить! А то еще навяжется на шею какой, жисть свою проклянешь!

Дерюгинъ.

Ужъ это что говорить! А бываетъ, вѣдь, тоже копоть и въ женскомъ сословіи, ну а и нашъ братъ коли угарный попадется, такъ не накажи Господи!

(Съ террасы сходитъ Ренева.)

Явленіе третье.

Ренева, Даша, Дерюгинъ.

Ренева.

Денисъ Иванычъ, кажется?

Дерюгинъ (снявъ картузъ).

Ахъ, барышня, матушка, узнали! Дозвольте ручку! (Цѣлуетъ руку.)

Ренева.

Здравствуйте, здравствуйте! Даша, отворить всѣ окна въ домѣ, — воздуха, воздуха больше, свѣта! Такой тамъ мракъ... Проснулась — ужасъ: темнота, гнилью пахнетъ, какъ гробъ! (Даша уходитъ.)

Дерюгинъ.

Чего же тутъ! Домъ назаперти, живой души нѣтъ. И на дворѣ-то пусто: одинъ Ильичъ съ своей Степанидой въ хибаркѣ караулъ содержатъ.

Ренева.

Здѣсь въ саду лучше (оглядываясь). Но и садъ, — какое запустѣніе кругомъ!

Дерюгинъ.

Безъ хозяина, барышня, домъ сирота... Изволили пріѣхать, и насъ-то всѣхъ, какъ солнышкомъ освѣтило! Богъ привелъ увидѣть, пожаловали въ родное гнѣздышко!

Ренева.

Да, опять на родинѣ! (Садится къ столу.) Но какъ тутъ все печально, какъ все печально! Садитесь, Денисъ Иванычъ, да надѣвайте шапку.

Дерюгинъ.

Нѣтъ, какъ можно-съ!

Ренева.

Я вамъ приказываю, безъ церемоніи.

Дерюгинъ.

Слушаю-съ. (Садится.) Гм... человѣкъ-то, Господи ты Боже мой! — какъ тамъ гдѣ ни хорошо, а все хочется глянуть на свое родное.

Ренева.

Давайте пить чай и разскажите мнѣ про свое житье-бытье. (Наливаетъ.)

Дерюгинъ.

Благодарю покорно, матушка-барышня.

Ренева (пододвигая чашку).

Пейте и разсказывайте. (Медленно пьетъ сама.)

Дерюгинъ.

Да что наше житье, барышня; свѣта не видимъ, такъ копошимся, какъ червь въ землѣ. Не стоитъ разговора наше житье.

Ренева.

А я повидала свѣтъ, пострaнствовала, Денисъ Иванычъ. Пейте же чай, пожалуйста.

Дерюгинъ.

Съ вашего позволенья, коли... и имѣемъ честь проздравить съ пріѣздомъ.

Ренева.

Благодарю. А вотъ въ чемъ дѣло, Денисъ Иванычъ, деньги мнѣ очень нужны.

Дерюгинъ.

Кому онѣ не нужны, матушка-барышня.

Ренева.

Но мнѣ особенно. Я осталась въ настоящую минуту, послѣ смерти княгини, безъ всякихъ средствъ; аренды, которую вы, крестьяне, платите за землю, мнѣ не достаточно, должна же я чѣмъ-нибудь жить. Что мнѣ дѣлать?

Дерюгинъ.

Н-да... какое дѣло! (Пьетъ чай.)

Ренева.

Грустно, а придется навсегда разстаться съ своимъ роднымъ уголкомъ; я думаю продать имѣніе.

Дерюгинъ.

Продать!.. А вѣдь жаль поди! Свое родное!

Ренева.

Дѣлать нечего!.. Вотъ покупайте всѣмъ обществомъ вашимъ или одинъ.

Дерюгинъ.

Ахъ, барышня, рады бы въ рай, да грѣхи не пущаютъ! Голутвенный мы совсѣмъ народъ, перекалачиваемся мы изо дня въ день.

Ренева.

Ну, полно вамъ Бога гнѣвить! Я знаю, у васъ-то есть деньги.

Дерюгинъ.

Деньги! Какія у меня деньги? Шутить изволите, барышня; грошъ какой-нибудь для смертнаго часа, на поминъ души.

Ренева.

У васъ, я помню, сыновья, такіе молодцы; гдѣ-то тамъ подрядчиками, — въ Одессѣ, кажется.

Дерюгинъ.

Захотѣли вы, барышня, отъ сыновей нынче! Давно ужъ отбились. Такъ развѣ иной пришлетъ когда малость на наше убожество къ празднику.

Ренева.

Такъ ищите мнѣ покупщика.

Дерюгинъ.

А покупщика можно найти, и будто онъ ужъ есть на глазахъ. (Пьетъ чай.)

Ренева.

Только не барышника какого-нибудь. А то вѣдь порубитъ и рощи, и эти старыя деревья. Мнѣ бы этого не хотѣлось.

Дерюгинъ.

По вашему желанію-съ, такой онъ, кажись, покупщикъ и будетъ: баринъ онъ изъ Петербурга, въ большихъ чинахъ, но и, по видимости, съ капиталомъ. Ему имѣніе больше требуется для воздуха, чтобъ, по своему нездоровью; онъ и сейчасъ проживаетъ недалечко здѣсь, въ родѣ какъ на дачѣ. Коли приказаніе ваше будетъ, можно и переговорить.

Ренева.

Отлично, переговорите.

Дерюгинъ.

Слушаемъ-съ. Можетъ, они и сами къ вамъ навѣдаются.

Ренева.

Очень рада буду; скорѣй бы это устроить!

Дерюгинъ

(допиваетъ и опрокидываетъ чашку и кланяется).

Благодаримъ покорно, барышня, за чай, за сахаръ, за милость вашу.

Ренева.

Не хотите ли еще?

Дерюгинъ.

Нѣтъ, ужъ достаточно съ насъ-съ.

Ренева.

А что наши сосѣди? Живъ ли старикъ Васильковъ, нашъ бывшій управляющій?

Дерюгинъ.

Живъ Трофимъ Ѳедорычъ, живъ-съ, да все что-то прихварываетъ; овдовѣлъ онъ, дочка у него, Ольга Трофимовна, подросла. (Встаетъ.)

Ренева.

Ахъ, — а что Залѣшинъ?

Дерюгинъ.

А Семенъ Семенычъ ничего-съ, поживаетъ себѣ въ своей Тиновкѣ. Да вотъ, шелъ я къ вамъ, а они, вижу, за деревней проѣхали къ себѣ на мельницу, должно, разгуляться вздумали. А какъ узнаютъ теперьча, что вы, барышня, пожаловали, такъ не заѣхали бы къ вамъ? Это заѣдутъ, безпремѣнно заѣдутъ на обратной дорогѣ... И съ супругой своей проѣхали.

Ренева (встаетъ).

Онъ развѣ женатъ?

Дерюгинъ.

Какъ же-съ, года ужъ съ три, и дѣтки есть.

Ренева.

Вотъ какъ! На комъ же?

Дерюгинъ.

А будетъ она купеческая-съ, рощи у отца-то и скотиной торгуетъ. А вышелъ-то тоже изъ нашего брата.

Ренева (отходя, какъ бы про себя).

Что было шесть лѣтъ назадъ, и что теперь!..

Дерюгинъ (присматриваясь направо).

Барышня, Семенъ-то Семенычъ легокъ на поминѣ: вонъ они подъѣхали.

Ренева.

Такъ прощайте, Денисъ Иванычъ, похлопочите.

Дерюгинъ.

Слушаю-съ, буду стараться.

(Ренева уходитъ. Входитъ Ильичъ и Степанида. Ильичъ беретъ подносъ съ чашками.)

Явленіе четвертое.

Дерюгинъ, Ильичъ, Степанида.

Ильичъ

(спотыкается, одна чашка разбивается).

Ахъ, ты, чтобъ тебѣ!

Степанида

(поднимаетъ черепки и кладетъ на подносъ).

И кто его проситъ! Отдай!

Ильичъ.

Брысь! Отойди отъ грѣха! (Уходитъ.)

Степанида.

Наказанье ты мое! (Беретъ самоваръ и несетъ. За сценой еще что-то падаетъ и разбивается въ дребезги.) Вотъ такъ, кроши мельче! Ахъ, наказанье! (Уходитъ.)

Дерюгинъ.

Эхъ, кабы мнѣ этого барина посадить здѣсь, подходящій онъ намъ, въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ, все одно, какъ младенецъ. За его спиной я бы самъ бариномъ былъ. Забылъ я барышнѣ одно дѣло сказать; а теперь вонъ она съ гостями идетъ... Ну, все одно послѣ. (Уходитъ въ глубину сада. Входятъ съ террасы: Ренева, Залѣшинъ и Авдотья Васильевна.)

Явленіе пятое.

Ренева, Залѣшинъ и Авдотья Васильевна.

Ренева.

Но это ужасно, это непозволительно, Семенъ Семенычъ, какъ вы растолтѣли! Ха, ха, ха! Я васъ не узнаю, это кто-то другой!

Залѣшинъ.

Другой и есть, Анна Владиміровна, совсѣмъ другой; не рыцарь, нѣтъ; одно только христіанское имя и осталось у меня отъ прежняго.

Авдотья Васильевна.

Я уже имъ совѣтую сыворотку отъ полноты пить; потому у меня папаша тоже, даже одышка у нихъ, такъ они все эту сыворотку.

Залѣшинъ.

Ну да и ты, моя дражайшая, не изъ худенькихъ.

Авдотья Васильевна.

Все-жъ таки и худѣе васъ! Какъ вы скажете, какъ на ваши глаза, Анна Владиміровна?

Ренева.

Гм... право, не могу сказать!

Залѣшинъ.

Парочка, одно слово!

Авдотья Васильевна.

Извините, пожалуйста! Вы вспомните, какъ мы въ прошломъ году на вѣсы становились: въ васъ полтора пуда больше.

Залѣшинъ.

Неопровержимо!

Авдотья Васильевна.

А какъ въ дѣвушкахъ, такъ я была очень тонкаго сложенія и даже кашляла. Ахъ что жъ это у васъ за сила яблоки нынѣшній годъ! Проходили мы по саду...

Ренева (разсѣянно).

Яблоки? Да, кажется.

Авдотья Васильевна.

Ну, и вишня, такъ это тоже на рѣдкость — какая крупная! Ужъ позвольте мнѣ съ кустика попробовать.

Ренева.

Сдѣлайте одолженіе.

Залѣшинъ.

Любительница она всякихъ плодовъ земныхъ!

Ренева.

Такъ, пожалуйста, сколько угодно! Я еще не знаю, гдѣ у насъ тамъ вишни.

Авдотья Васильевна.

Вы не безпокойтесь, я знаю; тамъ, въ концѣ сада. Мнѣ попробовать, а то бы я на варенье попросила. (Уходитъ.)

Явленіе шестое.

Ренева, Залѣшинъ.

Залѣшинъ.

Варенье, соленье, настойки и наливки, — это мы не имѣемъ соперницъ; но дальше ужъ ничего не требуйте отъ насъ! Вообще не затѣйливый человѣкъ моя супруга, извините! (Садится.)

Ренева.

Да!... Какъ же вы женились?

Залѣшинъ.

Э, — стоитъ толковать! Женился какъ-то въ минуту жизни трудную, подъ веселую руку.

Ренева.

Что же вы дѣлаете въ деревнѣ?

Залѣшинъ.

А что? Хозяйничаемъ немножко; иногда проѣдешь на земство, позѣваешь, подремлешь тамъ среди нашихъ доморощенныхъ ораторовъ.

Ренева.

И счастливы?

Залѣшинъ.

Ну, объ этомъ помолчимъ! Живемъ себѣ изо дня въ день, погружаемся въ болото постепенно, безъ борьбы. Не то, что волноваться, а и думать-то подчасъ лѣнь.

Ренева.

Некрасиво! По крайней мѣрѣ, вспоминается

иногда прошлое? Помните шесть лѣтъ назадъ, этотъ садъ, нашу молодость, лунные вечера? Какіе обѣты, клятвы!

Залѣшинъ.

Зачѣмъ, къ чему? Я ясно увидѣлъ, когда схлынулъ первый жаръ, что въ дѣйствительности и быть-то ничего не могло; больно велика разница между нами.

Ренева (подумавъ).

Да, пожалуй.

Залѣшинъ.

Вотъ все смотрю на васъ.

Ренева.

И что же находите?

Залѣшинъ.

Вы не перемѣнились; пожалуй, еще лучше.

Ренева.

Можетъ быть, но и моя пѣсенка тоже спѣта. Весна моя и лѣто прошли, настаетъ ужъ осень.

Залѣшинъ.

Да вѣдь и осенью бываютъ бури.

Ренева.

Пожалуй, могутъ быть, я такая!

Залѣшинъ.

Что вы за границей?... Вы вѣдь думали пѣть на сценѣ?

Ренева.

Думала, да; серьезно думала. И какой у меня развился голосъ; мнѣ предсказывали славу, и я ужъ слышала шопотъ удивленья и восторга!... И вдругъ заболѣло у меня какъ-то горлышко, сдѣлалось тамъ

что-то, и онъ, мой голосъ, моя надежда и мечта, пропалъ!

Залѣшинъ.

Ай, ай!

Ренева.

Плакала я, металась какъ безумная, просила у Бога смерти, но нѣтъ, — осталась жива и теперь, не знаю, что я, зачѣмъ я?... Порой такая тоска и злоба на себя и на все, а то жить хочется, жить, не глядя ни на что.

Залѣшинъ.

Вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, злѣйшая обида! Помню я вашъ голосокъ.

Ренева.

Не говорите лучше, а то сейчасъ расплачусь!

Залѣшинъ.

А что еще тамъ было съ вами? Можно спросить-то?

Ренева.

Спрашивайте! Отвѣчу на все, все скажу: у меня про себя какая-то злобная откровенность накипѣла.

Залѣшинъ.

Вѣдь было что-нибудь?

Ренева.

Не ошиблись, было. Но герой мой оказался дрянью: онъ думалъ, что я богатая невѣста, или, по крайней мѣрѣ, будущая звѣзда сцены; но когда увидѣлъ, что — увы! ни того, ни другого, онъ оробѣлъ; я возненавидѣла его и прогнала отъ себя. Было много и еще поклонниковъ, обожателей, которые готовы были цѣловать мои ноги... нѣтъ! даже слѣды моихъ ногъ, въ надеждѣ, что княгиня дастъ мнѣ большое приданое, и которые всѣ потомъ, подъ

болѣе или менѣе благовидными предлогами, сначала сконфузились, а потомъ удалились.

Залѣшинъ (ходитъ и мычитъ).

Долго пробудете у насъ?

Ренева.

Не знаю. Нѣтъ, недолго; вотъ продамъ имѣнье и улечу. А куда, Богъ вѣсть! И больше ужъ вы меня никогда не увидите! Только что я буду здѣсь дѣлать пока-то, пока это продастся? Мнѣ ужъ и теперь скучно: домъ мраченъ, садъ тоже унылъ, и одна я... Развѣ, отъ тоски, за васъ взяться?

Залѣшинъ.

Нѣтъ, ради Бога! Вотъ я ужъ чувствую: и во мнѣ что-то нарушено, разладъ пошелъ внутри. Не буду ужинать, какъ всегда ужиналъ. Нѣтъ, куда ужъ!

Ренева (смѣясь).

А вы думаете, я бы такъ и оставила васъ въ покоѣ, если бы нашла васъ прежнимъ? Нѣтъ, я бы помутила, потѣшилась. Вѣдь я вообще страшно зла, я не могу безъ желчи глядѣть на людское спокойствіе, мнѣ такъ и хочется хоть каплей отравить чужое счастье. Отъ меня добра не ждите!... Охъ!... Да!... Такъ что же мнѣ дѣлать здѣсь пока? Давайте мнѣ что-нибудь, кого-нибудь укажите! Наконецъ, у меня даже здѣсь нѣтъ кавалера; а мнѣ хотѣлось бы вотъ, въ послѣдній разъ, осмотрѣть всѣ родныя мѣста, покататься по рѣкѣ! Вы не годны... отяжелѣли.

Залѣшинъ.

Я не годенъ, это вѣрно! А кавалера я вамъ представлю, есть у меня пріятель.

Ренева.

Кто же это?

Залѣшинъ.

А не помните ли былъ здѣсь ближайшій сосѣдъ у васъ, въ верстѣ — не больше, маіоръ Рабачевъ?

Ренева.

Это чудакъ какой-то? самодуръ?

Залѣшинъ.

Онъ самый; а это его сынъ, Борисъ, молодецъ, выросъ на чистомъ воздухѣ: былъ отданъ въ гимназію, но взятъ изъ четвертаго класса, ибо маіору, какъ-то, при посѣщеніи гимназіи, швейцаръ не отдалъ подобающей чести. Онъ разругался тамъ со всѣмъ начальствомъ и взялъ сына. Теперь маіоръ умеръ, Борисъ живетъ въ деревнѣ, изучилъ мужицкое дѣло; самъ и пашетъ, и оретъ, — и баринъ, и крестьянинъ.

Ренева.

Это интересно...

Залѣшинъ.

Только какъ его вытащить? А, я придумаю: у васъ въ имѣньи есть спорная межа; еще маіоръ затѣялъ дѣло, — я скажу, что вы желаете окончить этотъ споръ, чтобъ онъ немедленно явился!

Ренева.

Хорошо!

(Входитъ Авдотья Васильевна.)

Явленіе седьмое.

Ренева, Залѣшинъ, Авдотья Васильевна.

Авдотья Васильевна.

Ну, вишня! Ахъ какая вишня! Ужъ попрошу у васъ, Анна Владиміровна!

Ренева.

Съ удовольствіемъ. Завтра же пришлю вамъ.

Авдотья Васильевна.

А я вамъ за это варенье сварю.

Ренева.

Благодарю васъ.

Авдотья Васильевна.

Пора намъ и ко дворамъ. О чемъ задумались, Семенъ Семенычъ? (Реневой.) Вы не удивляйтесь! Съ нимъ это часто бываетъ, найдетъ на него что-то, и ходитъ истуканомъ по цѣлымъ днямъ. А что намъ еще нужно, чего не достаетъ? Всего довольно. Вотъ пріѣзжайте-ка къ намъ, Анна Владиміровна, увидите: домъ у насъ новый, большой, — какой скотный дворъ, все хозяйство! Садъ разводитъ!... Безпремѣнно пріѣзжайте. (Темнѣетъ.)

Ренева.

Какъ-нибудь побываю.

Авдотья Васильевна.

Семенъ Семенычъ, домой пора!... Ночь на дворѣ, тучи заходятъ; ишь какъ вдругъ стемнѣло, не было бъ грозы. А я смерть боюсь!

Залѣшинъ (какъ бы очнувшись).

Ѣдемъ, ѣдемъ... да!...

Авдотья Васильевна.

Слава Богу, очнулся! Ну, прощайте-съ, Анна Владиміровна, ужъ поцѣлуемтесь съ вами. (Цѣлуются.)

Ренева.

Прощайте!

Авдотья Васильевна (поспѣшно уходя).

Скорѣй, Семенъ Семенычъ, а то гроза захватитъ.

Залѣшинъ (протягивая руку Реневой).

До свиданья! Такъ заглянете на наше житье-бытье?

Ренева.

Нѣтъ, зачѣмъ; благодарствуйте! Что мнѣ у васъ дѣлать! А зѣвать до истерики я могу и здѣсь, дома.

Залѣшинъ.

А коли ежели да это самое благоденствіе и съ этого самаго раза вдребезги полетитъ?

Ренева (съ ядовитой улыбкой).

Успокойтесь, успокойтесь!

Залѣшинъ (ударяя себя въ грудь).

Тутъ что-то у меня неловко вдругъ сдѣлалось!

(За сценой голосъ Авдотьи Васильевны: „Семенъ Семенычъ, да что же вы тамъ?“.)

Ренева.

Слышите, зоветъ. Идите, поспѣшите къ ней, къ своему закону!

Залѣшинъ.

Какой тонъ, сколько яда! А все-таки вы очаровательны! (Уходитъ. На сценѣ темно.)

Ренева.

Нѣтъ, ужъ къ нему ничего чувствовать нельзя, кромѣ сожалѣнія. Бѣдный! (Вдали раздаются рѣдкіе удары церковнаго сторожевого колокола.) Звонъ... вечерній звонъ! Какъ много думъ наводитъ онъ! Поброжу по саду. (Уходитъ направо. Рабачевъ и Оля выходятъ обнявшись изъ глубины.)

Явленіе восьмое.

Рабачевъ и Оля.

Оля (робко оглядываясь).

Смотри, — огонь въ домѣ, еще не спятъ. Какъ страшно!

Рабачевъ (прижимая ее).

Со мной-то страшно! Что ты! Не бойся ничего.

Оля.

Нѣтъ, ужъ больше не пойдемъ сюда. Здѣсь нельзя намъ видѣться, она пріѣхала, будетъ гулять по вечерамъ. Лучше гдѣ-нибудь, въ другомъ мѣстѣ.

Рабачевъ.

Приходи ко мнѣ! Отчего ты не хочешь, чего боишься?

Оля (припадая къ нему на грудь).

Ахъ, Боря, какъ-то неловко, еще стыдно! Никто еще не знаетъ. Ну, увидитъ кто-нибудь...

Рабачевъ.

А что жъ такое? Ничего. Вѣдь ты моя невѣста.

Оля.

Невѣста, да! (Смѣется.) Ты когда сватался-то?

Рабачевъ.

Эка важность, что не сватался! Не успѣлъ еще. А вотъ пріѣду къ твоему отцу, скажу два слова и сейчасъ свадьба.

Оля (смѣется).

А когда это случится? Послѣ дождика въ четвергъ?

Рабачевъ.

Да куда торопиться-то, Олюшка? Еще наживемся въ бракѣ-то: надоѣстъ, канитель вѣдь это. Вонъ посмотри на Залѣшиныхъ! А теперь думаешь, гдѣ бы свидѣться; крадешься, чтобы люди не видѣли, сердце бьется. Хорошо вѣдь это.

Оля.

Да, тебѣ-то хорошо.

Рабачевъ.

А тебѣ?

Оля (смѣется).

И мнѣ хорошо... да только...

Рабачевъ.

Что?

Оля.

Стыдно, вотъ что... да и грѣхъ. (Ударъ колокола.) Ай!

Рабачевъ.

Что съ тобой?

Оля.

Охъ!... Погоди! Знаешь что? Иногда вотъ такъ-то повидавшись съ тобой, бѣгу я домой черезъ погостъ ночью, и вдругъ сторожъ въ колоколъ... мнѣ все мерещится, что мать грозится изъ могилы, сердится.

Рабачевъ.

Полно пустяки-то! Живой объ живомъ и думаетъ, а мертвымъ до насъ дѣла нѣтъ.

Оля.

Ахъ! (Прижимается къ Рабачеву.)

Рабачевъ.

Что ты?

Оля.

Тамъ кто-то ходитъ.

Рабачевъ.

Да и то. Уйдемъ отсюда.

Оля.

Куда же?

Рабачевъ.

Пойдемъ ко мнѣ.

Оля.

Ахъ, нѣтъ, что ты!

Рабачевъ.

Ну, Оля, ну пойдемъ, ну, милая, пойдемъ ко мнѣ.

Оля.

Ахъ, Боря, нѣтъ, право... Нехорошо... Ну, увидятъ?

Рабачевъ.

Эхъ, Оля, не ломайся ты, сдѣлай милость! Знаешь, терпѣть я не могу. (Поворачивается, чтобы идти.)

Оля.

Ну, миленькій, пойдемъ. Ну прости меня, миленькій, миленькій!

(Уходятъ въ глубину. Ренева выходитъ справа.)

Явленіе девятое.

Ренева (одна).

Кто это? Вотъ счастливцы! Какое воркованье, какая ласка! Вѣдь есть же счастье: зачѣмъ же оно другимъ, а не мнѣ? Зачѣмъ я ихъ увидѣла? Развѣ не могли они съ своимъ счастьемъ идти въ другое мѣсто? Или затѣмъ, чтобы зависть и злоба не умирала во мнѣ; чтобъ онѣ душили меня постоянно? (Опускается на скамью.) О, проклятіе!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Дѣйствующія лица:

Ренева.
Залѣшинъ.
Рабачевъ.
Василькова, Оля.
Худобаевъ.
Дерюгинъ.
Даша.

Сцена — большая мрачная комната въ домѣ Реневой; мебель старая; съ одной стороны дамскій письменный столъ, кресло; съ другой — круглый столъ, диванъи кругомъ кресла, на стѣнахъ почернѣвшіе портреты. Двѣ боковыхъ двери и одна прямо, стеклянная, отворенная на балконъ; виденъ садъ; направо, съ боку, окно.

Явленіе первое.

Ренева (сидитъ за письменнымъ столомъ), **Даша** (стоитъ подлѣ).

Ренева.

Это въ Венецію. (Задумываясь.) Ахъ, Венеція!...

Даша.

Умрешь не забудешь, Анна Владиміровна!

Ренева.

Это въ Парижъ, доброму старичку Пэно, нашему банкиру. Парижъ, милый Парижъ, когда-то я снова увижу тебя!

Даша.

Лучше города, кажется, нѣтъ и на свѣтѣ!

Ренева.

Даша, а вдругъ мы съ тобой останемся здѣсь: придетъ осень, съ дождемъ, придетъ зима, вьюги.

Даша.

Анна Владиміровна, лучше не пугайте! безъ оглядки убѣгу! Вотъ день всего пробыли здѣсь, а ужъ терпѣнья нѣтъ никакого.

Ренева.

Нѣтъ, я шучу, укатимъ съ тобой; во что бы то ни стало!... Вотъ и письмо въ Ниццу, нашей старой хозяйкѣ, чтобы ждала.

Даша.

Ахъ, кабы скорѣй отсюда, барышня!

Ренева.

Не является до сихъ поръ Денисъ противный съ своимъ бариномъ, а обѣщалъ сегодня.

Даша.

Ужъ мнѣ не добѣжать ли въ деревню, узнать?

Ренева.

Подождемъ еще немного. Ахъ, все это такъ, ну продамъ я теперь имѣнье, получу деньги; нѣсколько лѣтъ проживемъ; а тамъ что, чѣмъ жить? Вотъ страшный вопросъ!

Даша.

Э, барышня, что загадывать? Это вотъ если бъ семейство, дѣти, — а то вы однѣ!

Ренева.

И то правда, авось съ голоду не умру! Ну, сдѣлаюсь учительницей пѣнія, или еще чего-нибудь; а то пойду на сцену, буду актрисой.

Даша.

Да конечно, неужели нельзя прожить! Вотъ и я такъ-то о себѣ: живи пока молода, — а старость придетъ, тогда — все равно, знай только кайся въ грѣхахъ!

Ренева.

Такъ, такъ! Отправь же скорѣй письма! (Отдаетъ.)

Даша.

Сію секунду! (взглянувъ въ окно.) Анна Владиміровна, посмотрите, красавчикъ какой явился, ходитъ по двору! Ха, ха, ха!

Ренева (взглянувъ).

Ай, что это за чудакъ? Кто это?

Даша (убѣгая направо).

Не знаю, пойду спрошу! (въ дверяхъ.) А вотъ и староста, барышня!

(Входитъ Дерюгинъ.)

Явленіе второе.

Ренева и Дерюгинъ.

Дерюгинъ (въ дверяхъ).

Дозволите, барышня, войти?

Ренева.

Ахъ, входите, входите; я васъ жду съ нетерпѣніемъ! Что скажете?

Дерюгинъ.

Дѣло идетъ на ладъ, барышня.

Ренева (весело).

Отлично!

Дерюгинъ.

И даже они здѣсь сами пріѣхамши со мной. По двору тамъ гуляютъ.

Ренева.

Такъ это онъ на дворѣ?

Дерюгинъ.

Они-съ! Коли угодно...

Ренева.

Давайте, давайте его сюда!

Дерюгинъ.

Слушаю-съ. Но только вотъ что, барышня: какая, примѣрно, цѣна отъ васъ будетъ?

Ренева.

Вотъ ужъ задача-то для меня. Я рѣшительно, вѣдь, ничего не понимаю въ этомъ. Вы скажите мнѣ, сколько просить?

Дерюгинъ.

Какъ сказать-съ! Дѣло оно такое: много запросить — не дадутъ, мало взять — будто себѣ обидно!

Ренева.

Ну да говорите, по крайней мѣрѣ, приблизительно, сколько назначить?

Дерюгинъ.

Хм... Охъ-хо-хо!... Пораскинуть надо умомъ, сообразить.

Ренева.

Ну?

Дерюгинъ.

Здѣсь это, подъ усадьбой, пахоти десятинъ двѣсти будетъ; тамъ широкій лугъ... ну лѣску...

Ренева.

Да скорѣй, пожалуйста!

Дерюгинъ.

А коли скорѣй приказываете, такъ будетъ вотъ такъ вѣрно: 15,000 рублей извольте просить.

Ренева.

15,000? Такъ мало? Я думала, много больше, такъ тысячъ тридцать.

Дерюгинъ.

Помилуйте; 30,000! Хм!... Что вы это, барышня! Нѣтъ-съ, коли 15,000 дастъ, это въ самомъ аккуратѣ будетъ! Земли теперьча по нашимъ мѣстамъ въ продажѣ объявлено страшное дѣло.

Куда ни повернись, все продажа. Тутъ только что ему мѣсто подходящее по его здоровью, для дыханія, значитъ, вольный воздухъ.

Ренева.

Мало, очень мало; но дѣлать нечего, я согласна.

Дерюгинъ.

А коли что, барышня, заупрямится, такъ вы обождите, скидку сразу не дѣлайте.

Ренева.

Нѣтъ, ужъ ни за что не уступлю ничего, и такъ немного очень. Ахъ, да! Вѣдь нуженъ будетъ планъ имѣнья... Онъ у меня, кажется, есть гдѣ-то.

Дерюгинъ.

Плантъ, какже-съ, потребуется въ такомъ случаѣ.

Ренева (уходя).

Такъ я сейчасъ отыщу его. Просите его сюда.

Дерюгинъ (одинъ).

Чудно, господа эти... говори имъ, что хочешь! (Заслышавъ шорохъ въ передней, заглядываетъ въ дверь). Пожалуйте, сударь, онѣ сейчасъ выйдутъ.

(Входитъ Худобаевъ.)

Явленіе третье.

Дерюгинъ и Худобаевъ.

Худобаевъ.

Н-да... хорошо!... (Осматривая кругомъ.) А домъ, повидимому, старый!

Дерюгинъ.

Онъ старый, а еще постоитъ; потому лѣсъ здоровенный и стройка хорошая.

Худобаевъ.

Н-да... (хватаясь за голову.) Какъ мнѣ сегодня дурно!... Голова!... (хватаясь за бокъ.) И здѣсь что-то!...

Дерюгинъ.

Какая, сударь, примѣрно болѣсть въ васъ заключается?

Худобаевъ.

Весь организмъ разстроенъ, мой милый; головокруженіе, спинное страданіе и внутри.

Дерюгинъ.

Ишь ты дѣло какое! Заберется же такая дрянь въ человѣка, чахлость эта самая.

Худобаевъ (про себя).

Нѣтъ, надо пить декохтъ, непремѣнно декохтъ.

Дерюгинъ.

Декопъ — это первое дѣло. Я въ третьемъ году расхворался съ натуги, поднималъ тяжело; такъ въ городѣ фершалъ знакомый велѣлъ мнѣ настоять этотъ декопъ на винѣ, на простомъ; и чтобы по два стакана поутру, натощакъ, и на ночь... Въ нутрѣ тогда очень мнѣ облегченіе было, и весь развязку получилъ, ваше превосходительство. Богъ дастъ, здѣсь, у насъ поправитесь, особливо ежели еще будетъ тутъ у васъ свое имѣніе. Воздухъ у насъ очень легкій, всѣ господа одобряютъ, и погулять есть гдѣ!

Худобаевъ.

Н-да... мѣсто не дурно.

Дерюгинъ.

Золотое донышко это имѣніе, только въ руки его взять!.. Ну, пришли мы, сударь, теперьча съ вами торговать, надо намъ цѣну свою объявить.

Худобаевъ.

Хм... надо; но я полагаю, что прежде долженъ объявить продавецъ.

Дерюгинъ.

Такъ-то оно такъ, а и намъ надо въ головѣ свое содержать, чтобъ было готово.

Худобаевъ.

Я не знаю, какія здѣсь земли и условія хозяйства; со всѣмъ этимъ надо ближе познакомиться.

Дерюгинъ.

Понимаемъ-съ. Да вамъ что-же, ваше превосходительство, такъ оченно ужъ затруднять себя на счетъ хозяйства, вамъ, главное, прохлада чтобъ, воздухъ.

Худобаевъ.

Н-да... конечно; но вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ бы заняться и хозяйствомъ.

Дерюгинъ.

Такъ-съ. Что жъ можно и это испробовать, дѣло хорошее; и мы бы, дураки, поучились у васъ. Кажись, кабы у меня капиталъ, я бы и думать не сталъ, двадцать тысячъ выложилъ.

Худобаевъ.

Н-да... Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Нѣтъ, тысячъ десять такъ, или около того, меньше я полагаю.

Дерюгинъ.

Десять тысячъ, сударь? Скуповато! И двадцать-пять тысячъ дадите и то въ барышахъ будете. А земли по нынѣшнему времени, охъ, дороги!.. Потому, главная причина, купецъ кинулся на землю, — скупаетъ; и нашъ братъ, мужикъ, норовитъ, какъ бы тоже собственникомъ стать.

Худобаевъ.

Нѣтъ, — болѣе десяти тысячъ я не могу, такъ по моему разсчету; да и не стоитъ!

Дерюгинъ.

Ваше дѣло сударь. Вотъ и онѣ сами-съ. (Отходитъ въ сторону, пощипывая бороду. Входитъ Ренева.)

Яленіе четвертое.

Худобаевъ, Дерюгинъ, Ренева.

Ренева

(въ рукахъ у нея свертокъ (бумаги) плана. Въ дверяхъ, обращаясь назадъ).

Даша, кто тамъ? (За сценой голосъ Даши: Какая-то дѣвушка васъ спрашиваетъ). Такъ попроси подождать.

Худобаевъ (расшаркиваясь).

Имѣю честь представиться, Худобаевъ, вашъ сосѣдъ.

Ренева.

Очень пріятно. Прошу садиться (Садится.) Вы изъ Петербурга?

Худобаевъ.

Такъ точно-съ. Двадцать-пять лѣтъ состоялъ на службѣ, но въ настоящее время, по разстроенному здоровью, вынужденъ былъ просить увольненія въ отставку и, согласно совѣту врачей, уѣхать изъ столицы для поправленія въ деревню.

Ренева.

И желаете, какъ я слышала, купить имѣнье?

Худобаевъ.

Н-да... отчасти имѣю желаніе пріобрѣсть собственность, гдѣ бы можно было отдохнуть, завести небольшое хозяйство. При томъ же я очень

люблю природу-съ; тишину лѣсовъ и ароматъ полей.

Ренева.

Такъ вотъ и отлично, я продаю, вы желаете купить. И покупайте, владѣйте! Вы осматривали имѣніе?

Худобаевъ.

Н-да... Нѣтъ-съ, въ точности еще не ознакомился.

Дерюгинъ.

Да по межамъ здѣсь поблизости прошли-съ мы, ѣдучи сюда, а дальнихъ мѣстовъ, лугъ тоже, не осматривали.

Ренева.

Имѣніе въ хорошей мѣстности.

Худобаевъ.

Вообще... н-да... мѣстность довольно живописная. А какъ вы думаете, сударыня, какую сумму взять за ваше имѣніе? Его стоимость по вашему?

Ренева (къ Дерюгину).

Денисъ Иванычъ, какъ вы думаете?

Дерюгинъ.

Ваше имѣнье, барышня, ваша и воля.

Ренева.

Пятнадцать тысячъ и ни копѣйки меньше! А больше дадите — возьму.

Дерюгинъ.

Ахъ, барышня, отчего не взять, коли дадутъ.

Худобаевъ.

Пятнадцать тысячъ!.. Н-да!.. Сумма!.. Очень много-съ, очень много!

Ренева.

Помилуйте, это-то дорого! Нѣтъ, имѣніе стоитъ много больше, только мнѣ нужны деньги теперь. Что вы скупитесь! Въ этомъ имѣньи вы находите все, что вамъ нужно, здѣсь все къ вашимъ услугамъ: рощи, луга, рѣка; и городъ недалеко, если понадобится докторъ.

Худобаевъ.

Н-да-съ... совѣты врачей мнѣ необходимы. Вотъ и теперь у меня миланскія мушки, головныя боли у меня, головокруженіе, при томъ-же, спинныя страданія, и разное внутреннее разстройство.

Ренева.

Здѣсь вы воскреснете.

Дерюгинъ.

У насъ отгуляетесь, ваше превосходительство, потому прохладность необыкновенная.

Ренева.

Вы одинокій человѣкъ?

Худобаевъ.

Совершенно; два года тому назадъ схоронилъ единственную сестру — дѣвицу уже не молодыхъ лѣтъ.

Ренева.

Женитесь вотъ здѣсь на какой-нибудь сосѣдкѣ и заживете на славу.

Худобаевъ.

Женитьба предметъ такой, который требуетъ серьезнаго размышленія. Думалъ, намѣревался когда-то, но не встрѣтилъ въ жизни своей...

Ренева.

А вдругъ здѣсь и встрѣтите, можетъ быть, она уже близко, около васъ.

Худобаевъ.

Хм... н-да-съ... конечно... все можетъ быть.

Ренева.

А въ саду моемъ вы не были?

Худобаевъ.

Еще нѣтъ-съ.

Ренева.

Тамъ много фруктовыхъ деревьевъ; не хотите ли взглянуть?

Худобаевъ.

Очень будетъ пріятно.

Ренева.

Денисъ Иванычъ, покажите садъ! А меня извините, я васъ ненадолго оставлю, меня кто-то ждетъ.

Худобаевъ.

Сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь.

Дерюгинъ.

Мы уже кстати скотный дворъ посмотримъ, ваше превосходительство.

Ренева.

Такъ вотъ черезъ балконъ, прошу васъ.

Худобаевъ.

Очень хорошо-съ.

Дерюгинъ.

Пожалуйте, сударь. (Худобаевъ и Дерюгинъ уходятъ.)

Ренева.

Ахъ, скорѣе-бы это кончить... такая тоска! (Отворяетъ дверь налѣво.) Кто меня тамъ спрашиваетъ?.. Ахъ, кто это?

(Входитъ Оля Василькова.)

Явленіе пятое.

Ренева и Оля Василькова.

Оля.

Здравствуйте, Анна Владиміровна!

Ренева.

Позвольте... Оля? Дочь Трофима Ѳедоровича Василькова?

Оля.

Да-съ.

Ренева.

Какъ выросла!

Оля.

Папаша не такъ здоровъ, самъ не могъ, такъ прислалъ меня васъ поздравить. (Подаетъ букетъ.) Изъ нашего садика.

Ренева (беретъ цвѣты).

Благодарю, благодарю! Прелестные цвѣты, а вы еще лучше этихъ цвѣтовъ. Вы что-же, гдѣ-нибудь учились?

Оля.

Нигдѣ-съ, только у папаши.

Ренева.

Какая миленькая! У васъ есть женихъ, сватался за васъ кто-нибудь.

Оля.

Да нѣтъ-съ... не знаю. (Вздыхаетъ.)

Ренева.

Отчего-же вы такъ вздохнули?

Оля.

Ничего, это я такъ-съ.

Ренева.

Не можетъ быть. У васъ какое-нибудь горе?

Оля.

Нѣтъ-съ, что жъ Бога гнѣвить, горя у меня нѣтъ никакого. А вѣдь у всякаго человѣка есть что-нибудь на душѣ.

Ренева.

Ну да, именно. И у васъ, если не горе, отъ котораго сохрани Богъ, такъ должно быть, что-нибудь очень интересное на душѣ.

Оля.

Для кого же можетъ быть интересно, кромѣ меня.

Ренева.

Вотъ для меня, напримѣръ.

Оля.

Вамъ это только изъ любопытства изъ одного.

Ренева.

О, нѣтъ, мой другъ, изъ полнаго сочувствія къ вамъ. Ну, да мы еще потолкуемъ какъ-нибудь на досугѣ. Вы мнѣ все разскажете?

Оля (подумавъ).

Не знаю-съ... зачѣмъ-же?! (Вздыхаетъ.)

Ренева.

Ну вотъ опять. Нѣтъ, нѣтъ, я все, все выпытаю. (За сценой колокольчикъ.) Это еще кто?

(Входитъ Даша.)

Явленіе шестое.

Ренева, Оля, Даша.

Даша.

Какой-то господинъ Рабачевъ.

Ренева.

Я знаю. Проси!

(Даша уходитъ).

Оля (въ смущеніи).

А я... мнѣ ужъ пора домой...

Ренева.

Нѣтъ, нѣтъ, — минутку подождите, у меня кое-что есть для васъ.

Оля.

Такъ позвольте... я въ саду.

(Убѣгаетъ. Входитъ Рабачевъ.)

Явленіе седьмое.

Ренева, Рабачевъ.

Ренева.

Очень рада, очень рада! Здравствуйте! (Рукопожатіе.) Садитесь. (Садятся.)

Рабачевъ.

Вы хотѣли поговорить о спорномъ владѣніи?

Ренева.

Да, да, но объ этомъ послѣ; да, вѣроятно, я вамъ уступлю, что тамъ... я не знаю!

Рабачевъ.

Зачѣмъ же уступать, — я не хочу отъ васъ подарка.

Ренева.

Ахъ, извините! Нѣтъ, я не то хотѣла сказать... Ну, мы сдѣлаемся какъ-нибудь. А прежде всего мнѣ, просто, хотѣлось съ вами познакомиться; это спорное владѣніе только одинъ предлогъ, чтобы васъ вызвать; иначе, я слышала, — вы такой нелюдимъ, что и не показались бы иначе.

Рабачевъ.

Да-съ, я, вообще, больше дома, — я никуда.

Ренева.

Я вижу, вы ужъ хмуритесь, вы недовольны!..

Рабачевъ.

Нѣтъ-съ, а только я совсѣмъ не свѣтскій человѣкъ, со мной скучно.

Ренева.

Всѣ эти свѣтскіе мнѣ надоѣли и разговоры ихъ тоже; а вы для меня человѣкъ новый, интересный.

Рабачевъ.

Не знаю, ничего во мнѣ нѣтъ; я простой необразованный человѣкъ и съ барышнями разговаривать совсѣмъ не умѣю...

Ренева.

„Съ барышнями"! Ха, ха, ха! Ну, я не такая барышня, какихъ вы видѣли, я другая, совсѣмъ особенная. Вотъ вы увидите, какая я барышня! И ужъ я васъ не выпущу теперь. Я здѣсь одна, вы будете моимъ кавалеромъ.

Рабачевъ.

Да я, пожалуй... только вамъ будетъ скучно со мной, ужъ я это знаю.

Ренева.

Что вы потупляетесь, какъ красная дѣвица. Вотъ диковина для меня! Вѣдь вы прелесть, что такое! Не бойтесь, я васъ не съѣмъ, и не безпокойтесь за меня, мнѣ скучно не будетъ, а будетъ очень весело съ вами: будемъ гулять, кататься... Лодкой вы умѣете править?

Рабачевъ.

Хитрость небольшая.

Ренева.

Отлично! Какъ-нибудь мы на лодкѣ, подальше и затянемъ пѣсенку! А лошади у васъ есть?

Рабачевъ.

Тройка есть съѣзженная, да и одиночки есть.

Ренева.

Править умѣете?

Рабачева.

Ничего, ѣздить умѣю; да у меня и кучеръ хорошій.

Ренева.

Вы теперь-то на тройкѣ?

Рабачевъ.

На тройкѣ.

Ренева.

Знаете что: поѣдемте сейчасъ на дальній лугъ, тамъ будемъ чай пить.

Рабачевъ.

Извольте!

Ренева.

„Извольте"! А самъ проклинаетъ!..

Рабачевъ.

Нѣтъ, что жъ... пожалуй, поѣдемте.

Ренева.

Да ужъ такъ, такъ! Но знайте, я не изъ тѣхъ, которыя отступаютъ: — сказала не выпущу, и не выпущу!

Рабачевъ.

Нѣтъ, я ничего, я готовъ.

Ренева.

И вотъ что: знаете, я вѣдь продаю свое

имѣнье, и покупщикъ уже явился, онъ здѣсь, осматриваетъ садъ; такъ захватимъ его кстати. Онъ поѣдетъ за нами со старостой, пусть посмотритъ луга. Такимъ образомъ, мы соединимъ пріятное съ полезнымъ. Хотя, признаться, я терпѣть не могу этой смѣси пріятнаго съ полезнымъ, но что дѣлать — нужда! Ахъ, еще у меня тутъ одна бѣдная дѣвушка, но премиленькая... Вотъ я вамъ покажу. (Подходитъ къ балкону и зоветъ.) Оля, Оленька!

(Входитъ Оля и потупясь останавливается у дверей.)

Явленіе восьмое.

Ренева, Рабачевъ, Оля.

Ренева (къ Рабачеву).

Да вы, можетъ быть, уже знакомы?

Рабачевъ.

Мы видались иногда...

Оля.

Мы знакомы.

Ренева.

Вотъ вспомнила: вообразите, вчера ночью я была невольной свидѣтельницей какого-то свиданья у меня въ саду! Да, какая-то парочка, очень горячая! А ночь славная была, и какъ же они любовно обнялись на моихъ глазахъ. Покаюсь, — такъ тошно мнѣ стало мое собственное одиночество, такъ досадно на эту парочку, такъ бы взяла да и разбила сейчасъ это чужое счастье! За что-же я-то одна? Вотъ какія у человѣка минуты бываютъ. (Оля.) Идите туда, ко мнѣ. (Рабачеву.) Я сейчасъ буду готова, и мы ѣдемъ. (Уходитъ.)

Рабачевъ.

Вотъ она какая! Откуда такая проявилась?

Вотъ что значитъ образованіе и ловкость-то: Оля-то моя какая передъ ней кажется невидная и простенкая! Зачѣмъ я ей?.. Не знаю. Ну какой я кавалеръ для нея? Ей совсѣмъ не такого нужно.

(Входитъ Залѣшинъ.)

Явленіе девятое.

Рабачевъ, Залѣшинъ.

Залѣшинъ.

Ты здѣсь?.. Видѣлъ?..

Рабачевъ.

Видѣлъ.

Залѣшинъ.

Какова?

Рабачевъ.

Ничего.

Залѣшинъ.

Ахъ, ты чурбанъ! (Передразнивая.) „Ничего"! Да ты и во снѣ-то не видалъ такихъ женщинъ! Жизнь, понимаешь ты, — всю жизнь можно отдать за ласку такой женщины. Къ чорту тогда все...

Рабачевъ.

Эко ты разогрѣлся какъ!

Залѣшинъ (опускается на стулъ).

Да, братецъ, разогрѣлся!.. Думалъ, угасло все, конецъ; анъ нѣтъ! (Ударяя себя въ грудь.) Тутъ еще шевелится что-то. А межъ тѣмъ, азъ есмь схороненный уже человѣкъ на семъ свѣтѣ! Пойми ты это! Можешь ты понять эту штуку, раскусить? Живъ и мертвъ!

Рабачевъ.

Понимаю, не совсѣмъ глупъ! Штука скверная.

Залѣшинъ.

А-а, вотъ то-то и есть! Подло, братецъ, оченно подло!.. Живъ и мертвъ! Ну, и закурили мы, такъ закурили, что нескоро угаръ этотъ выйдетъ! Со своей Авдотьей Васильевной разругался... А чѣмъ она виновата? Гадость съ моей стороны, а ничего не подѣлаешь: видѣть ее не могу! И работы, покосъ — все побросалъ, нигдѣ не былъ сегодня. А попаду на покосъ, перепою мужиковъ, самъ нарѣжусь, пѣсни будемъ драть, гуляй душа россійская.

Рабачевъ.

Чортъ знаетъ, что такое! Зачѣмъ же сюда-то явился въ такомъ видѣ?

Залѣшинъ.

А сюда... взглянуть на нее, вотъ зачѣмъ; разъ увидѣлъ и тянетъ теперь... ничто немило! (Встаетъ.) Взгляну — и бѣжать, потому для меня все кончено, — живъ и мертвъ! А ты оставайся, будь здѣсь и все, что она прикажетъ!.. Слышишь ты?

Рабачевъ.

Дѣла-то, кажется, мнѣ здѣсь нѣтъ никакого. И не знаю, зачѣмъ я здѣсь...

Залѣшинъ.

Да какъ ты смѣешь?.. Уродъ!.. Дѣло ему!.. Тебѣ мало, — быть подлѣ нея, съ ней, видѣть ее, эту женщину!.. О!.. А если еще приглянешься ей, такъ ужъ лучше, слаще ничего въ жизни твоей не будетъ. А я... нѣтъ, я сейчасъ исчезну; лучше не видѣть, а то съ ума сойду, въ пропасть загремлю! (Быстро уходя.) Кланяйся ей!

Рабачевъ.

Да ужъ и помѣшался!

(Входитъ Оля съ соломенной шляпкой въ рукахъ.)

Явленіе десятое.

Оля и Рабачевъ.

Оля (показывая шляпу).

Видишь — подарокъ!.. Да и не буду носить, не хочу!.. А ты пріѣхалъ познакомиться съ ней?

Рабачевъ.

Нѣтъ, я было по дѣлу, о спорной дачѣ переговорить; а теперь вотъ зоветъ ѣхать съ ней на луга.

Оля.

Поѣдешь?

Рабачевъ.

Не хочется, а отказаться нельзя, на тройкѣ проситъ прокатить.

Оля.

Какая она образованная.

Рабачевъ.

Еще бы! изъ за-границы! Свѣтская!

Оля.

Не то, что мы здѣсь; вотъ я совсѣмъ дурнушка передъ ней.

Рабачевъ.

Всякій самъ по себѣ хорошъ.

Оля.

Видѣла она насъ, Боря, вчера въ саду-то, только не узнала!

Рабачевъ.

А хоть бы и узнала, что жъ такое, скрываться теперь нечего.

Оля.

Ахъ! Знаешь, какъ меня кольнуло въ сердце, какъ она это сказала: такъ бы взяла, говоритъ, да и разбила сейчасъ это чужое счастье! Зачѣмъ это

она такъ говоритъ? Какое ей дѣло до чужого счастья!

Рабачевъ.

Пусть говоритъ. Надо жъ ей говорить-то что-нибудь.

Оля.

Пришло мнѣ въ голову вдругъ: вотъ возьметъ она, да и разобьетъ наше съ тобой счастье.

Рабачевъ.

Это какъ же такъ?

Оля.

Такъ! Полюбишь ее, и бросишь меня!

Рабачевъ.

Вотъ еще вздоръ какой!

Оля.

Ты-то полюбишь, а тебя-то ужъ нѣтъ, никто не полюбитъ, какъ я люблю. Нѣтъ, ужъ больше любить нельзя.

Рабачевъ.

И что ты выдумываешь! Пожалуй, вонъ она приглашаетъ меня быть ея кавалеромъ: гулять съ ней всегда, кататься, вездѣ чтобы вмѣстѣ!..

Оля.

Вотъ такъ и начнется, и пойдетъ, дальше да больше.

Рабачевъ.

Не очень-то я податливъ! И не желаю я съ ней путешествовать. Барынѣ дѣлать нечего, забавы ищетъ, больше ничего! Нѣтъ, вотъ прокачу ее, а тамъ и прощай! Некогда намъ, свои дѣла есть.

Оля.

А затянешься понемножку, и забудешь все.

Рабачевъ (насмѣшливо).

Ну, да какъ же, непремѣнно!

Оля.

Да! Она вотъ какая, она уговоритъ, кого хочешь! Вотъ со мной сейчасъ такъ заговорила, что даже слезы у меня; не могу съ собой совладать, чуть-чуть все ей не сказала!..

Рабачевъ.

Это ты; а насъ не скоро въ чувствительность приведешь!

Оля.

А если случится это, Боря?

Рабачевъ.

Да перестань-же, Оля, наконецъ! Какая глупость!.. я не ожидалъ отъ тебя.

Оля.

И правда, — какая я глупая, что выдумала! Да за что наше счастье разбивать? У другихъ людей тамъ деньги большія, богатство; а у насъ что? Только любимъ мы другъ друга, такъ кому же до насъ дѣло!

Рабачевъ.

И выкинь ты изъ головы, чтобы никогда я отъ тебя не слыхалъ этихъ глупостей!

Оля.

Прости, не буду! Нѣтъ, ничего! Гуляй, катайся съ ней! Никто не отнимаетъ тебя у меня!.. Такъ вѣдь?

Рабачевъ.

Я думаю! Кому я нуженъ? Вотъ еще!

Оля.

Она собирается, сейчасъ выйдетъ, а я садомъ пробѣгу домой. Я увижу, какъ вы поѣдете. (При-

слушиваясь.) Вотъ идетъ! (быстро цѣлуетъ Рабачева). Прощай! (Убѣгаетъ въ садъ.)

Рабачевъ.

Придумаетъ же! Ишь что ей въ голову пришло!

(Входитъ Ренева.)

Явленіе одиннадцатое.

Рабачевъ и Ренева.

Ренева (надѣвая перчатку).

Покупщикъ съ старостой уѣхали. Послушайте, мнѣ хочется догнать и перегнать ихъ. Можно это?

Рабачевъ.

Еще бы! Конечно, перегонимъ.

Ренева.

Мы шибко поѣдемъ?

Рабачевъ.

Шибко не шибко, а кому съ непривычки, такъ духъ захватываетъ.

Ренева.

Знаете ли вы, что вы очень красивый молодой человѣкъ?

Рабачевъ.

Я знаю, что много есть лучше меня и что я самый обыкновенный...

Ренева.

А зачѣмъ конфузитесь?

Рабачевъ.

Да не надо совсѣмъ этого говорить. Что за разговоръ!

Ренева.

Послушайте, донесите меня на рукахъ до тарантаса!

Рабачевъ.

Это зачѣмъ? Развѣ у васъ своихъ-то ногъ нѣтъ!

Ренева.

Я пошутила... А вы думали, что я серьезно.

Рабачевъ.

Нѣтъ, не шутили, а попытать хотѣли.

Ренева.

Что попытать?

Рабачевъ.

Нельзя ли осѣдлать меня.

Ренева.

Вотъ фантазіи!

Рабачевъ.

Да ужъ это вѣрно! Только вотъ что: на лошадяхъ моихъ катайтесь сколько угодно, а на мнѣ зачѣмъ же!

Ренева.

Вы любили когда-нибудь?.. А можетъ быть, любите и теперь?

Рабачевъ.

Вѣдь я говорилъ, что вамъ другого кавалера надо.

Ренева.

Почему же?

Рабачевъ.

Вы все про любовь; а я про любовь разговаривать не умѣю.

Ренева.

Да, конечно, кто умѣетъ любить, тотъ разговаривать про любовь не любитъ.

Рабачевъ.

Да я не знаю, умѣю ли и любить-то. Поѣдемте!

Ренева.

Не знаете, такъ узнать надо. Ужъ я узнаю. (Идетъ къ выходу.) Непремѣнно узнаю.

Рабачевъ.

Ну, хорошо, ладно, узнавайте.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Дѣйствующія лица:

Ренева.	Залѣшина.
Рабачевъ.	Дерюгинъ.
Залѣшинъ.	Василькова, Оля.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ **Рабачева,** спустя три дня.

Сцена — палисадникъ; цвѣты и кусты; направо небольшое крыльцо дома, въ глубинѣ невысокій заборъ съ калиткой.

Явленіе первое.

Рабачевъ сидитъ на ступенькѣ крыльца, отбиваетъ косу; послѣ нѣсколькихъ ударовъ встаетъ и начинаетъ точить брускомъ. **Авдотья Васильевна** входитъ.

Авдотья Васильевна.

Здравствуйте, Борисъ Борисычъ!

Рабачевъ (не оставляя дѣла).

Здравствуйте, Авдотья Васильевна.

Авдотья Васильевна.

Моего Семена Семеныча нѣтъ у васъ?

Рабачевъ.

Не водится и не былъ сегодня.

Авдотья Васильевна.

Гдѣ же это онъ, мои матушки? На мельницѣ была — нѣтъ; на хуторѣ — тоже! Вчера явился ночью, а нынче опять съ ранней зарей изъ дому! Вѣрно, опять закатился на охоту свою... Потому вижу: нѣту дома этого ружьеца поганаго, сумки тоже...

Рабачевъ.

Ну, значитъ, на охотѣ!

Авдотья Васильевна.

И что выдумалъ, — охоту какую-то! Допрежде, бывало, во весь круглый годъ-то раза два не больше, по осени сходитъ, пострѣляетъ для скуки; а то ужъ,

Господи! — Кажный Божій день залилъ, изъ дому совсѣмъ пропалъ, и не видно его. А вернется, — дѣти на глаза не показывайся; со мной тоже ни слова; ходитъ, молчитъ, какъ убитый, знай только глотаетъ рюмку за рюмкой! Пилъ онъ и прежде, да въ мѣру, а ужъ это безъ всякой пропорціи! Охъ, жили три года мы, не было горя у насъ, а теперь вотъ оно! Злые люди позавидовали, али ужъ попущеніе такое! Не знаю, что съ нимъ только подѣлалось! Борисъ Борисычъ, какъ вы думаете?

Рабачевъ.

Я-то откуда буду знать?

Авдотья Васильевна.

Ну все жъ таки вы его пріятель: можетъ, что и говорилъ вамъ?

Рабачевъ.

Такъ нашло на человѣка. Пройдетъ.

Авдотья Васильевна.

Ужъ пора бы пройти, четвертый день это у насъ идетъ. И въ рабочую пору, — всѣ дѣла стали у насъ, въ домѣ тоже все врозь, — такое разстройство! Глаза бы мои не глядѣли! Охъ, думаю такъ, не завелось ли ужъ чего нибудь у него на сторонѣ?

Рабачевъ.

Это вы про что?

Авдотья Васильевна.

Знаете, вашъ братъ мужчина, глаза у него завсегда не сытые, особенно касательно женскаго полу, своего мало, ищетъ чего другого.

Рабачевъ.

Придумывайте еще!

Авдотья Васильевна.

Нѣтъ, не выдумываю, Борисъ Борисычъ, мнѣ вѣрный человѣкъ сказалъ.

Рабачевъ.

Кто же это вѣрный человѣкъ?

Авдотья Васильевна.

Андреевна, — что на картахъ гадаетъ. Такъ-таки просто указываетъ на трефовую даму! Не я же трефовая, я бубновая. Я-то отъ него по картамъ за версту ложусь, ко мнѣ-то онъ задомъ, а на нее такъ и воззрился... Ну, вотъ, что вы мнѣ на это скажете?

Рабачевъ (съ разстановкой).

Скажу я вамъ, что это глупость!

Авдотья Васильевна.

Нѣтъ ужъ, — кому другому, а Андреевнѣ завсегда повѣрю, потому не первый разъ. Тогда еще, какъ замужъ выдти мнѣ, выгадала мнѣ; а тамъ, какъ заболѣть папашѣ, опять про пожаръ тоже, какъ сарай у насъ сгорѣлъ съ хлѣбомъ, — впередъ сказала! А теперь вотъ про трефовую эту!.. Жива не останусь, а дознаюсь!

Рабачевъ (указывая налѣво).

Вонъ онъ, радуйтесь, на поминѣ легокъ. Отыскался!

Авдотья Васильевна

(встаетъ, отираетъ глаза).

Такъ и есть, съ охоты своей! Слава Богу, хоть тверезый, кажется!

(Входитъ Залѣшинъ съ ружьемъ за плечами, садится на скамейку и опускаетъ голову на руки.)

Явленіе второе.

Рабачевъ, Авдотья Васильевна, Залѣшинъ.

Авдотья Васильевна.

Посмотрите, видите, Борисъ Борисычъ... какъ у насъ являются! На жену и не взглянулъ, какъ ея и нѣтъ; а два цѣлыхъ дня не видались.

Залѣшинъ.

Шатался, шатался!.. Жажда мучаетъ, нѣтъ ли у тебя чего, Борисъ?

Рабачевъ.

Воды, квасу, что ли?

Залѣшинъ.

Нѣтъ, ужъ это можешь самъ потреблять, а намъ чего-нибудь поживительнѣй! Водки нѣтъ-ли?

Рабачевъ.

Водки нѣтъ у меня, не держу.

Залѣшинъ.

Ну, коньякъ, вино?

Рабачевъ.

Ничего этого нѣтъ.

Залѣшинъ.

Скверно! Впередъ всегда имѣй все на случай для жаждущихъ, странныхъ и убогихъ.

Авдотья Васильевна.

Какъ же! Наготовишься на васъ такихъ! Винный заводъ надо завести. Заливайте, заливайте умъ-разумъ свой, что только выдетъ изъ этого!

Залѣшинъ.

Перемелется, — какая-нибудь мука да будетъ! А вы, Авдотья Васильевна, по какому же случаю сюда отъявились, зачѣмъ?

Авдотья Васильевна.

Зачѣмъ?.. Я ужъ не знаю, куда мнѣ броситься, куда дѣваться, куда голову свою преклонить, бѣдную!

Залѣшинъ.

Гм... Чего-же вы такъ ужъ очень безпокоитесь?

Авдотья Васильевна.

Семью бросили вы, домъ забыли. Все врозь да на сторону у насъ пошло. Бога вы не боитесь и людей не стыдитесь! Вотъ что!

Залѣшинъ (Рабачеву).

Аль во зеленый лугъ собираешься?

Рабачевъ.

Нѣтъ, хотѣлъ садъ выкосить.

Авдотья Васильевна.

Вы, что жъ, домой-то собираетесь или нѣтъ! До завтра здѣсь будете сидѣть?

Залѣшинъ.

Собираюсь, собираюсь.

Авдотья Васильевна.

Такъ ужъ пора; кажется, вечеръ на дворѣ. Поѣдемте, что ли!

Залѣшинъ.

Можете отправляться; сейчасъ буду. Я верхомъ!

Авдотья Васильевна.

А если опять пропадете, такъ и знайте: я

завтра уѣду къ папашѣ! И дѣтей возьму, — довольно я намучилась!

Залѣшинъ.

Такъ и будемъ знать!

Авдотья Васильевна (уходя).

Прощайте, Борисъ Борисычъ!

Рабачевъ.

Прощайте, Авдотья Васильевна!

Явленіе третье.

Залѣшинъ и Рабачевъ.

Залѣшинъ.

Таскался по болоту, дичь стрѣлялъ, да въ голову вдругъ и пришло: не лучше ли вмѣсто бекаса-то въ себя! Вся хандра разомъ пройдетъ!

Рабачевъ.

Чортъ знаетъ, что городишь!

Залѣшинъ.

Изъ всякой колеи выскочилъ, весь въ разладѣ!.. Мерзость!

Рабачевъ.

Пора опомниться, да за умъ взяться; хорошаго не выйдетъ.

Залѣшинъ.

Все мы, братецъ, знаемъ и понимаемъ; да вотъ, поди-ка, угомони себя, какъ со дна души-то буря-то поднимется, да перевернетъ все! Эхъ!.. А тебя я, кажется, въ добрый часъ познакомилъ съ ней; вы подружились!.. Сегодня видѣлъ ее!

Рабачевъ.

Нѣтъ, и вчера не былъ.

Залѣшинъ.

Что такъ?.. Иль надоѣлъ ей, турнула?

Рабачевъ.

Напротивъ, очень ласкова! Гуляли, катались, въ лѣсу были; разъ ночью разложили костеръ, пѣли; она мнѣ разсказала про свое житье-бытье за границей. А теперь больше мнѣ некогда, дѣла много дома.

Залѣшинъ.

Продажа имѣнія подвигается?

Рабачевъ.

Потѣха!.. Покупщикъ этотъ, Худобаевъ, тогда поѣхалъ съ нами луга осматривать; я съ ней на тройкѣ, а онъ съ Дерюгинымъ сзади; я пустилъ во весь духъ, Дерюгинъ не отставалъ; пріѣхали на луга, такъ Дерюгинъ его едва ссадилъ съ телѣги, совсѣмъ развалился. Послѣ, слышно, слегъ и до сихъ поръ нѣтъ его; она ужъ писала, чтобъ далъ рѣшительный отвѣтъ; не знаю, получила ли!?..

Залѣшинъ.

А про меня спрашиваетъ?

Рабачевъ.

Удивляется, что ты совсѣмъ исчезъ, не бывалъ у нея.

Залѣшинъ.

Кланяйся, какъ увидишь, и скажи, что боюсь! Можешь разсказать о моемъ поведеніи и прибавить: боится-де, что будетъ еще хуже.

Рабачевъ.

Да я тоже не буду у нея больше, довольно гулять.

Залѣшинъ.

Это что?.. Тоже боишься?

Рабачевъ.

Бояться!.. Чего тутъ бояться! Я просто, отъ дѣла отбился совсѣмъ, въ головѣ что-то перепуталось.

Залѣшинъ.

Не въ ретивомъ ли закипѣло? Что жъ, это хорошо! И не бѣги отъ нея! Ты молодъ, свободенъ, отдавайся весь страсти; а тамъ — что будетъ, то будетъ. О, Боже!.. Да я... вотъ отпѣтый ужъ и схороненный; а помани она меня хоть взглядомъ, я бы за ней на край свѣта ушелъ, — все побросалъ, все прочь!..

Рабачевъ.

Ну, и я не хочу безумствовать. Ты еще не знаешь, я еще не говорилъ тебѣ... Мнѣ есть, что беречь и чѣмъ я долженъ дорожить больше всего въ мірѣ!

Залѣшинъ.

Женщина, другая женщина?

Рабачевъ.

Да! И я люблю ее, крѣпко люблю!

Залѣшинъ.

Однако, скрытенъ же ты!

Рабачевъ.

Нечего было болтать прежде времени.

Залѣшинъ.

Дѣвушка?

Рабачевъ.

Дѣдушка; хорошая, простая душа, милая.

Залѣшинъ.

Жениться думаешь?

Рабачевъ.

Непремѣнно. А вотъ эти дни съ барышней этой все путаемся, совсѣмъ было забылъ про нее. Теперь опомнился, — скверно, совѣсть грызетъ! Нѣтъ, шабашъ, — кончено!

Залѣшинъ.

И на грѣхъ она пріѣхала къ намъ! Жили бы мы безъ нея въ своихъ потемкахъ, а то освѣтила она намъ наши болота, а согрѣть не согрѣла!

Рабачевъ.

Не пойду я больше къ ней... не увижу ее никогда, вотъ и конецъ! Незачѣмъ мнѣ! (Взгляпувъ на крыльцо.) Оля!.. Вотъ она, — видишь, — вотъ кого я люблю! (Бѣжитъ къ крыльцу, на которомъ показывается Оля.)

Залѣшинъ.

Такъ вотъ кто?.. Ну, прощай, братъ! Счастливо оставаться! А я, (махнувъ рукой) домой въ свою тюрьму! (Уходитъ въ комнату).

Явленіе четвертое.

Рабачевъ и Оля.

Рабачевъ.

Сама пришла, вотъ умница-то! Вотъ умница!

Оля.

Да ужъ теперь бѣжала къ тебѣ безъ стыда и безъ страха: люди смотрятъ, а мнѣ все равно. Одно въ головѣ было, что бъ узнать что-нибудь о тебѣ, — видѣть-то ужъ и не чаяла.

Рабачевъ.

Какъ ты меня обрадовала! Ну вотъ твое хозяйство! Смотри, хозяйка моя милая!

Оля (припадая къ Рабачеву).

Я къ тебѣ третьяго дня и ночью прибѣжала, да тебя не было дома.

Рабачевъ.

На лодкѣ катался.

Оля.

Съ ней?

Рабачевъ.

Да съ ней.

Оля.

Ты все съ ней, я-то... ужъ я думала, думала. Какъ же ты это... не пожалѣлъ?

Рабачевъ.

Ужъ теперь, кончено, довольно. Потѣшилъ ее и самъ подурачился, и будетъ съ меня. Нѣтъ, ужъ теперь калачемъ не заманишь.

Оля.

Ты вѣдь и тогда тоже говорилъ, а потомъ...

Рабачевъ.

Ахъ! Да развѣ я хвалю себя! Молодъ, — вотъ бѣда-то моя! Словно какъ охмѣлѣлъ!.. Ну, да вотъ очнулся, конецъ!

Оля.

Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи: ты меня все любишь... все еще также, какъ прежде?

Рабачевъ.

А то кого же, кого же еще мнѣ любить-то? Ее, что ли? Такъ ты только подумай: что мнѣ она, на что? И что я для нея! Такъ потѣха одна, баловство.

Оля.

Вотъ точно камень съ души свалился; а то было,

вѣдь я что думала-то! Ты не сердись! Тоска меня одолѣла; ну вотъ грызетъ день и ночь. Думала, коли ужъ онъ меня покинулъ, такъ пойду, взгляну на него въ послѣдній разъ, да и... страшно вздумать, не то, что вымолвить! Ты самъ посуди: какъ мнѣ жить безъ тебя и для чего жить?

Рабачевъ.

Ольга, довольно; пора кончить этотъ разговоръ.

Оля.

Ты вѣдь не пойдешь къ ней больше?

Рабачевъ.

Сказано тебѣ, не сто разъ повторять!

Оля.

Ну, такъ вотъ видишь: у меня даже слезы отъ радости, такъ мнѣ хорошо!

Рабачевъ.

И мнѣ такъ хорошо, что и домой тебя отпускать не хочется.

Оля.

И мнѣ уходить не хочется.

Рабачевъ.

Такъ оставайся! Что тутъ еще бобы-то разводить! Вотъ и хозяйничай!

Оля.

Нѣтъ, нѣтъ, что ты, какъ можно. Ты поѣзжай поскорѣй къ отцу-то!

Рабачевъ.

Завтра же поѣду! Да скажу ему, что, пожалуйста, молъ, поскорѣй свадьбу, я церемоній не люблю, а то, молъ, я и такъ увезу.

Оля.

Ты только отцу-то скажи; а то, пожалуй, увози. Охъ, что-то и не вѣрится такому счастью!

Рабачевъ.

Осенью у меня будутъ деньги, выстрою новый домъ, небольшой; комнатки маленькія; чисто, свѣтло, цвѣтовъ побольше.

Оля.

Да!.. А окнами чтобъ выходилъ на рѣку, весело: ходятъ барки, народъ...

Рабачевъ.

На рѣку и будетъ. Потомъ садъ побольше разобьемъ; въ саду будемъ работать вмѣстѣ.

Оля.

Буду; я очень люблю копаться въ саду... Ахъ!

Рабачевъ.

Что ты?

Оля (указывая налѣво).

Смотри — она! Идетъ сюда... Я спрячусь...

(Уходитъ въ домъ. Въ калитку входитъ Ренева.)

Явленіе пятое.

Рабачевъ и Ренева.

Ренева.

Хорошъ! Хорошъ! Какъ же вы смѣли два дня не являться? Видите, сама пришла.

Рабачевъ.

Я былъ очень занятъ-съ.

Ренева.

Могу спросить, — чѣмъ?

Рабачевъ.

Рабочая пора, — мало ли дѣла!

Ренева.

Ну вотъ сегодня, — сейчасъ, напримѣръ, что вы дѣлали?

Рабачевъ.

Собирался косить въ саду.

Ренева.

Собираться, не значитъ еще дѣлать!

Рабачевъ (указывая).

Вонъ косу точилъ.

Ренева.

Съ вами никого не было?

Рабачевъ.

Когда?

Ренева.

Сейчасъ?

Рабачевъ.

Никого. Я одинъ.

Ренева (съ улыбкой).

А мнѣ послышался чей-то голосъ.

Рабачевъ.

Что это, допросъ что ли? (Садится.)

Ренева.

Такъ что же, хоть бы и допросъ!

Рабачевъ.

Права-то у васъ нѣтъ, кажется!

Ренева.

А если есть, если я интересуюсь вами, какъ, можетъ быть, никѣмъ и никогда!

Рабачевъ.

Полноте шутить! Какой интересъ, и на что я вамъ?

Ренева.

А вотъ какой: я волнуюсь, тоскую; я умирала эти дни и все ждала васъ. А у него, видите ли, какія-то дѣла важныя!

Рабачевъ.

Не важныя, а насущный хлѣбъ.

Ренева.

Фи, стыдитесь! Такой молодецъ и толкуетъ о насущномъ хлѣбѣ, какъ старикъ о богадѣльнѣ! Умрете, что ли, съ голоду? Однимъ словомъ, какъ хотите, а на нѣсколько дней еще вы мой. Вы не можете, не смѣете отказать.

Рабачевъ.

Эхъ!.. Право, вѣдь... знаете... (ходитъ).

Ренева.

Ничего не знаю и не хочу знать!.. Что это!.. Мнѣ даже стыдно за васъ!.. Но вы поймите, вѣдь только на нѣсколько дней! Если сегодня Худобаевъ не отвѣтитъ рѣшительно, то есть, по-просту, тогда я продамъ его крестьянамъ, за что бы только ни продать и немедля уѣду, и прощайте навсегда!.. А вы ужъ рады, что исчезнетъ, испарится эта досадная женщина, которая такъ тревожитъ васъ!

Рабачевъ.

Нисколько. А признайтесь, что сами вы желаете поскорѣй уѣхать отсюда, — скучно вамъ здѣсь съ нами.

Ренева.

Скучно, да, — смертельно скучно! А тутъ вы еще, жестокій, отталкиваете меня. Погодите, уѣду, такъ вспомните, можетъ быть, и не разъ!

Рабачевъ.

Вспомню, конечно; ужъ навѣрно вспомню.

Ренева.

Какъ? Зломъ или добромъ?.. А?.. Зломъ?..

Рабачевъ.

За что же мнѣ васъ вспоминать зломъ?

Ренева.

И я такъ думаю. Женщинъ вы, конечно, встрѣтите еще много въ жизни; полюбите, пожалуй, женитесь, будетъ у васъ хорошая жена и поинтереснѣй, получше, нежели у Залѣшина Авдотья Васильевна; но все же такую, какъ я, врядъ ли уже увидите! Я для васъ новость, какъ и вы для меня. Женщина вольная, какъ птица! Есть ли у васъ такія?

Рабачевъ.

Да, у насъ тутъ такихъ не встрѣтишь.

Ренева.

Вотъ и насмотритесь на меня хорошенько! Не все же одни и тѣ же лица, одни и тѣ же чувства! Эхъ, господа, какъ посмотрю я на васъ, да подумаю надъ вашимъ благоденствіемъ! Нѣтъ, не хочу, не промѣняю я своего бездолья и безпріютности на него! Я живу, а вы здѣсь прозябаете!.. Да, а что же Залѣшинъ? Неужели онъ не пріѣдетъ даже проститься со мной?

Рабачевъ.

Не знаю; я думаю, что пріѣдетъ.

Ренева.

Что онъ?

Рабачевъ.

Не хочется говорить! Хандритъ и дуритъ!

Ренева.

Какъ я довольна за него, что онъ хандритъ. Авось похудѣетъ; а то онъ очень толстъ и близокъ къ удару. И осиротѣетъ его Авдотья Васильевна!.. А вотъ и мой Денисъ Иванычъ шествуетъ ко мнѣ...

Рабачевъ.

А меня ужъ извините, я на минуту, мнѣ нужно въ домъ. Позвольте!

Ренева.

Позволяю! (Рабачевъ уходитъ въ домъ, въ калитку входитъ Дерюгинъ.)

Явленіе шестое.

Ренева и Дерюгинъ.

Дерюгинъ.

Былъ у васъ, барышня, сюда послали.

Ренева.

Что скажете?

Дерюгинъ (подаетъ письмо).

Вамъ отъ барина-съ.

Ренева

(быстро распечатываетъ и пробѣгаетъ.

Что такое?.. Ничего не понимаю! (Читаетъ вслухъ.) „Невѣдомое мнѣ до сей поры чувство охватило все мое существо! Дни и ночи я провожу въ смятеніи и думахъ: то блеснетъ лучъ надежды, то угаснетъ, и я снова во мракѣ — и страдаю! По долговременномъ размышленіи я, наконецъ, рѣшаюсь, и завтра буду имѣть честь явиться, дабы выслушать свой приговоръ. Съ чувствомъ наиглубочайшаго уваженія...“

Дерюгинъ.

Ишь ты какъ! Только это насчетъ чего же-съ онъ примѣрно?

Ренева.

Не знаю!.. Я васъ спрашиваю?

Дерюгинъ.

Мы не могимъ знать.

Ренева.

Да онъ здоровъ?

Дерюгинъ.

Онъ не то, чтобы вполнѣ, а ничего, кажись; всталъ съ постели это, похаживаетъ.

Ренева.

Нѣтъ, я не то спрашиваю! А что его голова, то есть, не помѣшался ли онъ?

Дерюгинъ.

Хм! Незамѣтно; а будто только что-то онъ держитъ въ головѣ такое особенное.

Ренева.

Да что же это, наконецъ? Ничего онъ не говорилъ вамъ?

Дерюгинъ.

Ни, ни — сикретъ! А только наказывалъ доложить вашей милости, что завтра самъ явится и будетъ у него объясненіе съ вами наединѣ.

Ренева.

Нѣтъ, онъ свихнулся! Какъ же? Жду, жду, чаконецъ пишу, спрашиваю коротко: покупаетъ онъ или нѣтъ? И вдругъ отвѣтъ: невѣдомое чувство, смятеніе и думы! И въ заключеніе еще какое-то объясненіе наединѣ!

Дерюгинъ.

Да вотъ завтра узнаемъ, барышня, надо до завтра ужъ подождать.

Ренева.

Только до завтра, — больше я не жду! Такъ ему и передайте.

Дерюгинъ.

Слушаю-съ?

Ренева.

Ну ужъ, благодарю, отыскалъ покупщика, Денисъ Иванычъ!

Дерюгинъ.

Ахъ, барышня, я и самъ не радъ, что связался: замучилъ онъ меня своей канителью!

Ренева.

И я увѣрена, что съ нимъ пива не сваришь, какъ говорится! Я еще разъ предлагаю вамъ: покупайте вы имѣнье.

Дерюгинъ.

Барышня, денегъ нѣтъ у насъ.

Ренева.

Есть у васъ деньги, Денисъ Иванычъ! Хотите, я сдѣлаю вамъ разсрочку? Не упускайте!

Дерюгинъ.

Гм!.. Коли ежели скидочку изволите...

Ренева.

Ну! Торговаться!.. Ступайте и подумайте; а завтра, чтобы и у васъ былъ готовъ отвѣтъ на случай, да и деньги.

Дерюгинъ.

Вашей милости мы рабы вѣрные, должны покоряться! Подумать можно. А пока, барышня, просимъ прощенья!

Ренева.

Прощайте! Такъ помните, — завтра!

Дерюгинъ.

Будемъ помнить-съ! (Уходитъ. Входитъ Рабачевъ.)

Явленіе седьмое.

Ренева и Рабачевъ.

Ренева.

Такъ вы и не скажете мнѣ?

Рабачевъ (задумчиво).

Чего? Что вамъ угодно?

Ренева.

Мнѣ все сдается, — вы не одни были, когда я пришла, что у васъ былъ кто-то и я спугнула. Можетъ быть и теперь здѣсь...

Рабачевъ.

Ну, былъ, былъ... и теперь здѣсь.

Ренева.

Женщина, конечно?

Рабачевъ.

Да.

Ренева.

Любимая?

Рабачевъ.

Любимая.

Ренева.

И очень любите?

Рабачевъ.

Очень.

Ренева.

Такъ вотъ какъ вы? Наконецъ-то, я узнала!.. Да нѣтъ, неправда, вы шутите; такой тонъ...

Рабачевъ.

Какъ хотите, такъ и думайте!

Ренева.

Я хочу думать, что ее нѣтъ... такой женщины. Ну, пусть она есть, пусть даже въ эту минуту она видитъ и слышитъ насъ, но, по крайней мѣрѣ, въ этотъ вечеръ она не должна существовать. Сегодня вы мой! Слышите?

Рабачевъ.

А если невозможно?

Ренева.

Ни слова!.. Ужели же это такая страшная жертва? Нѣтъ, этотъ вечеръ мы вмѣстѣ, вдвоемъ, и никто насъ не разлучитъ. Мы пустимся сейчасъ на лодкѣ туда... куда нибудь подальше! Прокатимся въ послѣдній разъ... Въ послѣдній разъ вы съ этой странной женщиной!.. Уѣду, тогда успѣете любить и наслаждаться, не уйдетъ ваше сонное счастье! — Собирайтесь! Я бѣгу къ лодкѣ и тамъ жду!.. (Уходитъ Оля показывается на крыльцѣ.)

Явленіе восьмое.

Рабачевъ и Оля.

Оля (съ крыльца).

Звала?

Рабачевъ.

Звала.

Оля.

Ты не пошелъ?

Рабачевъ.

Нѣтъ, иду.

Оля.

Куда? Куда?

Рабачевъ.

Кататься на лодкѣ.

Оля.

Да вѣдь какъ же... ты сказалъ мнѣ...

Рабачевъ.

Ничего это не значитъ. Въ послѣдній разъ потѣшу ее и — кончено!

Оля.

Боря, голубчикъ! Ради Бога, не ходи, умоляю тебя! Пожалѣй ты меня!

Рабачевъ.

Такъ, значатъ, ты мнѣ не вѣришь! Не вѣришь теперь, и послѣ, и дальше такъ будетъ. — Что жъ это выйдетъ у насъ за жизнь? Безъ конца мученье?

Оля.

Нѣтъ, клянусь тебѣ, я вѣрю, вѣрю; но страшно мнѣ что-то, страшно! Вотъ боюсь до смерти!

Рабачевъ.

Не ребячься, Оля, прошу тебя, не огорчай меня!

Оля.

Я вѣрю тебѣ, я понимаю, что ничего... Что жъ ты съ нимъ сдѣлаешь?

Рабачевъ.

Да что такое, не съѣстъ же вѣдь она меня, въ самомъ дѣлѣ. Покатаюсь, да такой же пріѣду. А ты, вотъ, сбѣгай домой, да, какъ всѣ уснутъ у васъ, приходи ко мнѣ.

Оля.

Приду, приду, милый! Какъ же не придти: развѣ утерпитъ сердце! Все будетъ думаться, гдѣ ты, да что ты.

(За сценой голосъ Реневой: „Борисъ Борисычъ, я жду!")

Рабачевъ.

Ну, прощай! Приходи же! (Убѣгаетъ.)

Оля

(съ крыльца, вслѣдъ Рабачеву).

Убѣжалъ! Воротить бы надо на минутку. (Кричитъ негромко.) Боря, Боря!.. Нѣтъ, не воротишь! Да нѣтъ, что же я! Вѣдь онъ знаетъ, знаетъ, что мнѣ разстаться съ нимъ — все равно, что съ жизнью. (Приподнимается на крыльцѣ и кричитъ громко:) Боря, Боря! Такъ ты и знай! Что съ тобой разстаться, что съ жизнью — мнѣ все равно!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Дѣйствующія лица:

Ренева.	Дерюгинъ.
Залѣшинъ.	Худобаевъ.
Рабачевъ.	Василькова, Оля.

Сцена — въ глубинѣ высокій берегъ рѣки, на которомъ разбросано нѣсколько деревьевъ; по обѣ стороны лѣсъ. Свѣтлая лунная ночь.

Явленіе первое.

Дерюгинъ, потомъ Худобаевъ.

Дерюгинъ (выходитъ слѣва; одинъ).

Ишь закатываютъ пѣсни на той сторонѣ; должно, ребята въ ночномъ! (Подходитъ къ берегу.) На рѣкѣ тихо, и плоты мои цѣлы. (Садится на бревно, въ размышленіи.) Что-то будетъ у насъ завтра? Да, пожалуй, что такъ выдетъ: отъ барина ничего настоящаго не дождешься, а развязывай-ка кису, Денисъ Иванычъ, да выкладывай! А, хоть и въ разсрочку, много денегъ, охъ, много! Стоитъ-то оно стоитъ... Вдвое стоитъ — что говорить, кладъ самъ въ руки дается, да денегъ-то отдавать, охъ!.. Ножъ это мнѣ вострый!.. Не ндравится! Забарствуетъ тогда Денисъ Иванычъ, узнаютъ его!.. Ну, и скручу жъ я васъ, другимилые, міряне православные, полно вамъ, ребятушки, баловаться; подвяжу я вамъ хвосты, это не то, что у господъ вы!.. (Зѣваетъ) Охъ, хо, хо! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! (Встаетъ и смотритъ направо.) Живой человѣкъ объявляется... Кто жъ бы это такой? (Идетъ навстрѣчу, показывается Худобаевъ въ тепломъ пальто, съ мѣховымъ воротникомъ, съ головой, обвязанной шарфомъ.) Баринъ! Да это вы? Не почиваете еще?

Худобаевъ.

Не могъ заснуть, безсонница! Но вообще я чувствую себя теперь довольно хорошо и бодро. Вышелъ освѣжиться! Доктора говорятъ, что деревенскій воздухъ располагаетъ ко сну.

Дерюгинъ.

Это дѣйствительно, потому воздухъ легкій.

Худобаевъ.

Ночь прекрасная; немного сыро, въ лѣвой ногѣ ощущаю ревматизмъ.

Дерюгинъ.

Ничего, сударь, одѣлись вы тепло, въ пору ходить зимой такъ! А далеконько-таки вы изволите гулять! Версты чай двѣ будетъ отъ дому.

Худобаевъ.

Не замѣтилъ; задумался. (Садится на бревно.)

Дерюгинъ.

Это такъ-съ: за этой думой можно уйти далеко. У насъ такъ-то мужичекъ есть, Панкратомъ зовутъ, случилось съ нимъ лѣтось, лошадь у него увели; вотъ и пошелъ онъ искать, да дорогой и задумайся, идетъ да думаетъ. Шелъ, шелъ такъ, да въ чужую губернію и зашелъ. Ну, обыкновенно, за бродяжничество въ острогѣ посидѣлъ тамъ, сколько ему слѣдуетъ, да ужъ на третій мѣсяцъ такъ-то по этапу и вернулся. И теперь смѣются ему: „а что, Панкратъ, лошадь нашелъ?“ Какъ шибко ругается за это, страсть!

Худобаевъ (про себя).

Н-да, многое еще надо сообразить.

Дерюгинъ.

Да что тутъ, сударь, соображать! Дѣло все на глазахъ. Надо рѣшеніе какое-нибудь отъ васъ.

Худобаевъ.

И рѣшимость есть, но меня нѣсколько форма затрудняетъ: въ какой формѣ?

Дерюгинъ.

А ежели безъ формы, безо всякой пока сдѣлать, ее на послѣ отложить?

Худобаевъ.

Нѣтъ, вы не знаете, о чемъ я думаю.

Дерюгинъ.

Конечно, сударь, мы люди темные, вы насъ простите! Мы брякаемъ такъ, отъ своего необразованія. Я полагаю такъ, что это вы насчетъ, то есть, купчей крѣпости?

Худобаевъ.

Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ не то!

Дерюгинъ.

А завтра надо намъ, сударь, являться; ужъ то ли, другое надо барышнѣ сказать.

Худобаевъ.

Завтра ... да ... непремѣнно завтра.

Дерюгинъ.

А мнѣ тоже что-то не поспалось: легъ это на сѣнѣ, песъ ее знаетъ, точно кусаетъ что-то; всталъ и пошелъ; да вотъ, кстати, лѣсъ тутъ свой на рѣкѣ посмотрѣть, — цѣлъ ли. Купилъ у плотовщиковъ, — а убрать не успѣлъ. Ну, и беретъ опаска. Народъ у насъ — выжига, свой же сосѣдъ не постыдится убрать, что плохо лежитъ. Спуститься, привязать хорошенько. (Скрывается.) Я тотчасъ-съ, а тамъ хоть и провожу васъ.

Худобаевъ.

Мнѣ кажется ... да ... нѣтъ сомнѣнія, вѣдь сама же намекнула: „можетъ быть, ваше счастье близко, здѣсь!..“ Какая милая женщина! Она теперь въ

сладкомъ снѣ, съ улыбкой на устахъ! Какая картина! (Напѣваетъ.)

„На зарѣ ты ея не буди,
„На зарѣ она сладко такъ спитъ!"

Дерюгинъ (показываясь).

Прикрутилъ крѣпко! Вотъ какъ, баринъ, пѣсенки распѣваетъ! Слава Богу, поправились!

Худобаевъ.

Ночь очень хороша, невольно что-то чувствуешь! И при томъ . . . да . . . мнѣ несравненно лучше, я очень бодръ!

Дерюгинъ.

Всяко дыханіе радуется, къ примѣру! Такая погода стоитъ! И уборка у насъ важная, что Богъ дастъ дальше! А какъ рыба плещется; нѣтъ, нѣтъ, да и ударитъ, ровно полѣномъ. Что ее здѣсь, этой рыбищи! Вотъ кабы неводъ хорошій, пудовъ пятьдесятъ зацѣпить можно.

Худобаевъ.

Но все-таки я чувствую, что сыро; надо домой (идетъ).

Дерюгинъ (слѣдуя за нимъ).

Да, ужъ поберегайтесь, сударь, а то опять бы не расклеиться! (Уходятъ. Слышенъ плескъ веселъ, но лодки за берегомъ не видно. Входитъ на берегъ Ренева, за ней Рабачевъ.)

Явленіе второе.

Ренева, Рабачевъ.

Ренева.

Фу!.. хорошо!.. Хорошо вѣдь?

Рабачевъ.

Хорошо!

Ренева.

Вотъ теперь сядемъ здѣсь, поговоримъ, отдохнемъ. (Садится на бревно.) Вы не думайте, мы еще покатаемся!.. Вы не устали грести?

Рабачевъ.

Нисколько не усталъ.

Ренева (оглядываясь).

Гдѣ это мы? Я этого мѣста что-то не помню. Мы не отсюда поплыли?

Рабачевъ.

Нѣтъ. (Встаетъ и указываетъ налѣво.) Вонъ ваша деревня, а поплыли мы вонъ ниже, отъ моей усадьбы.

Ренева

(встаетъ, одной рукой опирается на плечо Рабачева, а другой показываетъ вдоль по рѣкѣ).

А вонъ это? Гдѣ это огонекъ свѣтится?

Рабачевъ.

Это у купца Горбина во флигелѣ, тутъ вашъ покупщикъ Худобаевъ обитаетъ на дачѣ.

Ренева.

Вотъ онъ гдѣ? Ха, ха, ха! не спитъ! Что-то онъ дѣлаетъ? Вѣрно, банки ставитъ. Чѣмъ-то онъ меня завтра утѣшитъ?.. А вотъ еще близко огонекъ. Вдругъ мигнулъ и погасъ. Замѣтили?

Рабачевъ.

Замѣтилъ.

Ренева.

У кого это?

Рабачевъ.

У Василькова въ домѣ.

Ренева.

Ахъ, такъ вотъ гдѣ Васильковъ живетъ! Ми-

ленькая эта Оля у него. Забѣжала ко мнѣ разъ, да и пропала. Теперь я осмотрѣлась и узнаю мѣстность. (Указывая налѣво.) Тамъ дальше, за рощей, кажется, Тиновка, — Залѣшина?

Рабачевъ.

Да, тамъ.

Ренева.

Залѣшинъ!.. (Задумывается.) Когда-то и съ нимъ проводили мы ночи въ горячихъ бесѣдахъ!.. Почиваетъ онъ теперь послѣ сытаго ужина на душномъ пуховикѣ! А Богъ вѣсть, можетъ быть, и хандритъ!.. А ночь-то, ноченька! Да, хороша она; а все не то, что тамъ, далеко, подъ другими небесами!

Рабачевъ.

Хорошо и здѣсь, особенно тому, кто не видалъ другого.

Ренева.

Да; но здѣсь, когда хорошо, то все куда-то манитъ тебя, улетѣлъ бы; а тамъ бываютъ такія минуты, что никуда ужъ не хочется. Впрочемъ, мнѣ сегодня, вотъ сейчасъ, и здѣсь хорошо; такъ хорошо мнѣ, какъ давно не было: и грустно, и сладко! И никуда не манитъ... Одного бы мнѣ теперь...

Рабачевъ.

Чего же?

Ренева.

Чего? (Смотритъ на Рабачева, рѣшительно.) Чтобъ вы любили меня!

Рабачевъ (съ испугомъ).

Зачѣмъ вамъ? Что вы хотите отъ меня? Вѣдь вы забавляетесь и больше ничего!

Ренева.

Нѣтъ, въ эту минуту я васъ страстно люблю

Рабачевъ.

Что вы говорите? Это фантазія, минутное увлеченіе ...

Ренева.

Пускай минутное, но оно горячее, искреннее.

Рабачевъ.

Завтра уѣдете, и все исчезнетъ!

Ренева.

Завтра уѣду, а сегодня хочу жить! Что хорошо, то всегда коротко!.. Охъ!.. (встаетъ.) Поѣдемъ еще ... вонъ туда! Что это тамъ?

Рабачевъ.

Островъ.

Ренева.

А что тамъ сверкаетъ?

Рабачевъ.

Вода между ракитникомъ; тамъ все заливы. А вонъ дальше, бѣлѣетъ, — это песокъ; это онъ отъ луны кажется бѣлымъ.

Ренева (восторженно).

Вода, ракитникъ, бѣлый песокъ! Тамъ русалки, пусть онѣ насъ вмѣстѣ защекочутъ. Я сама хочу быть русалкой! Ѣдемъ!

Рабачевъ.

Нѣтъ, я домой. Пустите меня, — пора!

Ренева.

Она ждетъ?

Рабачевъ.

Ну да, ждетъ!

Ренева.

Нѣтъ же, нѣтъ, не будетъ этого, не пущу. Я

задушу васъ!.. Видите, я плачу! (Рыдаетъ.) Борисъ Борисычъ, что со мной?! (Убѣгаетъ.)

Рабачевъ (хватаясь за грудь).

Ахъ!.. А со мной-то что?.. (Слѣдуетъ за ней.)

(Залѣшинъ выходитъ слѣва, сильно выпивши.)

Явленіе третье.

Залѣшинъ, потомъ Оля.

Залѣшинъ.

А, что?.. Не пошелъ?.. „Не буду у нея больше, не пойду!“ Дудки, братъ! Либо ты меня, либо самъ себя обманывалъ!.. (Справа выходитъ Оля, закутанная въ платокъ, робко озираясь.) Кто идетъ?

Оля.

Ахъ!.. Кто это?

Залѣшинъ.

Я!.. Ужъ простите ... ну, что жъ, каковъ есть!.. А это вы, барышня! И знаю, куда, и знаю къ кому! Я все знаю!.. А вы не бойтесь меня, ничего, не скрывайтесь ... И скажу вамъ, — не ходите, подождите, его нѣтъ; а сейчасъ былъ; онъ гуляетъ и, пожалуй, долго прогуляетъ!.. Гуляли и мы! (Оля, пошатнувшись, едва не падаетъ. Онъ подхватываетъ ее подъ руку.) А это вотъ нехорошо. Стой, не шатайся! А вотъ мы сядемъ съ вами здѣсь, это будетъ лучше. (Ведетъ, сажаетъ ее на бревно, и садится рядомъ.)

Оля.

Охъ, охъ!.. Какъ у меня голова что-то!..

Залѣшинъ.

Ничего, пройдетъ! Кто тамъ гдѣ, а мы здѣсь. А ночь... она одна надъ всѣми. И фонарикъ этотъ небесный, онъ сверху свѣтитъ всѣмъ: и радостнымъ,

и печальнымъ. Геката... да, Геката! Давайте, поплачемъ, что ль, вмѣстѣ... Иль посмѣемся!.. Нѣтъ, смѣяться лучше... Видали вы уродовъ-то? Не видали? Такъ смотрите!.. Вотъ онъ передъ вами!.. Люди гуляютъ, а онъ бѣсится!.. Ничего до него не касается, посторонній онъ человѣкъ, а онъ ревнуетъ. Вы только это поймите! Каковъ уродъ? А! Эко безобразіе-то въ людяхъ бываетъ!

Оля (вскакиваетъ).

Постойте!.. мнѣ послышалось на рѣкѣ...

Залѣшинъ

(встаетъ и смотритъ на рѣку).

Ни-ни, ничего нѣтъ. Игра воображенія.... милая барышня...

Оля (опускаясь).

Дурно мнѣ, дурно.

Залѣшинъ (садится).

Ну, это ничего, это пройдетъ... Все войдетъ въ свою колею!.. Пустяки! Вотъ завтра взойдетъ солнце, новый день настанетъ...

Оля.

Солнце взойдетъ, день наступитъ, а если счастья то ужъ нѣтъ, такъ на что день, на что это солнце? Не надо его.

Залѣшинъ.

Ну, завтра и увидимъ, тогда и подумаемъ; потому утро вечера мудренѣй. (Встаетъ.) Эка штука какая, скажу вамъ! Вотъ поди жъ ты! Вѣдь вы мнѣ на счастье попались, милая барышня... барышня милая... (Стучитъ въ лобъ.) Тутъ-то вотъ, на чердакѣ-то у меня словно свѣтлѣй стало! А то чисто одержимый; къ чорту на кулички меня несетъ, вотъ куда!.. Такъ вотъ оно!.. Да, такъ! Коли, значитъ, слабый человѣкъ станетъ поднимать другого

слабаго, такъ берется у него тогда, не вѣсть откуда, сила! Такъ!.. (Садится.) А, вы, милая, вы, милая барышня... Вижу, вижу теперь, гдѣ и васъ... я васъ въ церкви только и видалъ... Вы зачѣмъ въ церковь? Молиться?

Оля.

Да, молиться.

Залѣшинъ.

Отлично! Возвѣстимъ печали своя! Я и забылъ, когда и молился... и сейчасъ могу. За васъ могу; а за себя... не умѣю.

Оля.

Что это со мной, у меня, какъ будто, все окостенѣло внутри?

Залѣшинъ.

Это... Это нехорошо...

Оля.

Вы никому не скажете, что видѣли меня?

Залѣшинъ.

Я-то? Я-то, пустой человѣкъ, да буду про другихъ разсказывать! Чудно! Я и съ собой-то не разберусь, не соображу никакъ!

Оля.

А то, все равно, хоть всему свѣту разскажите! (Вдали раздается сторожевой церковный звонъ.) Ахъ! Это на погостѣ!

Залѣшинъ.

Вотъ гдѣ покой-то, вотъ гдѣ спятъ-то крѣпко!

Оля.

Послушайте!.. Вотъ что!.. Вотъ что я хотѣла у васъ спросить...

Залѣшинъ.

Спрашивайте.

Оля.

Про смерть ... какъ вы думаете, страшно умирать?

Залѣшинъ.

Умирать-то?.. Хм!.. Я и самъ вотъ на охотѣ про то же размышлялъ. Ничего, мнѣ кажется, только бы покороче, поскорѣй чтобы!

Оля.

Какъ это, живешь и вдругъ куда? Гдѣ человѣкъ очутится? Вотъ что страшно-то, что не знаешь!

Залѣшинъ.

Матерія темная для насъ, смертныхъ. Обидно-то, что кто ушелъ-то туда, такъ не возвращается и не сказываетъ! Да что за разговоръ мы затѣяли? Вѣдь не сейчасъ же мы въ неизвѣстность!..

Оля.

Нѣтъ, я такъ это. Ударилъ колоколъ, пришло въ голову ... Ахъ! (Закрываетъ лицо платкомъ.)

Залѣшинъ.

Да Богъ съ вами, что это вы? Плакать, что ли? Ну, плачьте, пожалуй, — это лучше. То есть, говорятъ, что, будто, лучше; а по-моему — что въ слезахъ хорошаго! А ужъ отчаяваться и вовсе не годится... въ молодыхъ лѣтахъ. Мы... ну мы — дѣло другое. А у васъ еще все впереди. Такъ горе-то какъ тучка, мимолетомъ, налетитъ и пройдетъ, опять разъяснится. Зачѣмъ серьезничать преждевременно!

Оля (вскакивая).

Ахъ! Не утѣшайте, не жалѣйте меня! Не хочу я! Какъ мнѣ душно, душа рвется.

Залѣшинъ.

Ну, не надо, не буду.

Оля.

Не нужно вѣрить никому, не нужно надѣяться; меньше горя будетъ.

Залѣшинъ.

То есть, оно, пожалуй, съ одной стороны...

Оля (подумавъ).

Что мнѣ въ голову пришло! Вѣдь я напрасно плачу, я глупа. Погуляетъ да и домой придетъ. Вѣдь прежде гулялъ же онъ до разсвѣта. Подожду, такъ и дождусь.

Залѣшинъ.

Да, конечно, давно бы такъ.

Оля (помолчавъ).

Скоро наша свадьба. Онъ завтра поѣдетъ къ отцу... Вѣдь отецъ согласится?

Залѣшинъ.

Еще бы!

Оля.

Ну, сейчасъ и свадьба.

Залѣшинъ.

И чудесно!

Оля.

Онъ хочетъ новый домъ выстроить, окнами на рѣку... Веселенькій домикъ будетъ. Я и отца къ себѣ перевезу. Мы будемъ смѣяться, а старикъ ворчать на насъ. Отецъ меня очень любитъ; какое онъ мнѣ хорошенькое платье подарилъ къ Троицыну дню! (Прислушивается.) Чу! Слышите теперь?

Залѣшинъ.

Теперь слышу, плыветъ кто то. (Подходятъ къ берегу.)

Оля.

Это они, — онъ съ ней!

Залѣшинъ.

Можетъ быть.

Оля (убѣгая въ кусты).

Они, они!

Залѣшинъ.

Они ... да!.. И близко ужъ!.. (Отходитъ.) Куда жъ она убѣжала?.. А мнѣ-то тутъ что дѣлать, какую фигуру изъ себя изображать? Нѣтъ, ужъ коли сталъ дуракомъ, такъ дурачься одинъ на одинъ съ собой, про себя; а людей тѣшить своей глупостью ... нѣтъ, ужъ зачѣмъ же! (Уходитъ. Входятъ Ренева и Рабачевъ.)

Явленіе четвертое.

Ренева и Рабачевъ.

Ренева.

Ну, что, милый Борисъ Борисычъ, довольны ли вы прогулкой?

Рабачевъ.

Да что говорить! Вашъ теперь, возьмите меня себѣ!

Ренева.

Что жъ, можно. (Садится на бревно.)

Рабачевъ.

„Можно!..“ Нѣтъ, это не то слово, это не такъ. Непремѣнно! Я васъ не оставлю, теперь мы не разлучны. Я брошусь за вами, куда вамъ угодно. Я оставлю все; я буду учиться, я буду достоинъ васъ. Я хочу видѣть свѣтъ.

Ренева.

Объ этомъ завтра, милый Борисъ Борисычъ. А теперь подите, сядьте подлѣ меня, я хочу поиграть вашими кудрями.

Рабачевъ.

Нѣтъ, что за игра! Теперь ужъ мы неразлучны! Говорите! Неразлучны?

Ренева.

Хорошо, хорошо; но до завтра мы все-таки разстанемся.

Рабачевъ.

Нѣтъ. Вы лучше бъ ужъ меня не трогали; а то вы разбудили такую силу, отъ которой ужъ вамъ не уйти. Намъ ужъ или жить вмѣстѣ, или умирать вмѣстѣ.

Ренева (съ испугомъ).

Какъ умирать? Зачѣмъ умирать?

Рабачевъ.

Да такъ! Если вы не хотите быть моей навсегда, такъ смерть насъ повѣнчаетъ.

Ренева.

Что вы говорите!

Рабачевъ.

Да, схвачу васъ сейчасъ, да вмѣстѣ въ воду!

Ренева (отступая).

Вы съ ума сошли?

Рабачевъ.

Нѣтъ, такъ; такъ и будетъ.

Ренева.

Кто-то идетъ. Вонъ народъ! До завтра, до завтра! Не идите за мной! Вонъ народъ! (Убѣгаетъ.)

Рабачевъ (вслѣдъ ей).

До завтра? Хорошо, я подожду до завтра, я перенесу эту разлуку; но и завтра я буду такой же, какъ и теперь. (Садится на бревно.) Такъ вона, любовь-то, вотъ страсть-то настоящая! (Опускаетъ голову на руки. Оля выходитъ изъ лѣсу.)

Явленіе пятое.

Рабачевъ, Оля.

Рабачевъ (поднимая голову).

Оля?

Оля.

Я.

Рабачевъ.

Пришла?

Оля.

Да, ты велѣлъ; я ждала тебя, долго, только ужъ теперь прощай!

Рабачевъ.

Ты здѣсь была?

Оля.

Здѣсь.

Рабачевъ.

Видѣла?

Оля.

Все видѣла. (Молчаніе.)

Рабачевъ.

Да говори же что-нибудь, скорѣй, говори! Только не слезы ...

Оля.

Нѣтъ, слезъ не будетъ

Рабачевъ.

Ну! Вѣдь я жду! (съ жаромъ). Да проклинай же ты меня!

Оля.

Нѣтъ, зачѣмъ! Дай тебѣ Богъ радости и счастья.

Рабачевъ.

Да, ну! А ты какъ! Съ тобой что будетъ?

Оля.

Со мно-йто? Да я еще не обдумала хорошенько. Да что и думать-то! Дѣло обыкновенное.

Рабачевъ.

Что же? Что же?

Оля.

Я замужъ пойду.

Рабачевъ.

Не можетъ быть.

Оля.

Боря, послѣ того, что я видѣла, что случилось сейчасъ, все можетъ быть.

Рабачевъ.

За кого же ты пойдешь?

Оля.

За кого отдадутъ, кто посватается.

Рабачевъ.

Такъ, не любя; какъ же это?

Оля.

Да какая любовь, Боря! Любви нѣтъ. Ужъ я какъ вѣрила, что ты меня любишь; а гдѣ жъ эта любовь? Отчего же мнѣ нейти? Мнѣ все равно теперь, мнѣ нечего жалѣть, нечего беречь, у меня

ничего нѣтъ. Мнѣ какъ-то легко, и, какъ будто, я веселая. Только эта легкость какая-то особенная: какъ будто все съ меня свалилось, ничего у меня нѣтъ, ни горя, ни радости, ну, ничего, и души нѣтъ.

Рабачевъ (хватаясь за голову).

Нѣтъ, Оля, плачь лучше! Пусть душа страдаетъ; а такъ хуже.

Оля.

Да ничего, ты не бойся! А какъ это пришлось странно: здѣсь, на этомъ берегу, мы въ первый разъ встрѣтились съ тобой, и теперь тутъ же разстаемся на вѣки. Помнишь?

Рабачевъ.

Помню.

Оля.

Только тогда было утро, а теперь ночь; какъ коротокъ намъ день-то былъ; какъ скоро онъ прошелъ.

Рабачевъ.

Ахъ! Да, прошелъ.

(Слышенъ звукъ сторожевого колокола.)

Оля.

Чу! Слышишь зовутъ меня? Пора мнѣ.

Рабачевъ.

Что ты говоришь, Оля? Опомнись.

Оля.

Да, пора, пора. Прощай, женихъ мой ненагляднный! Прощай, Боря, голубчикъ, дорогой мой! (Бѣжитъ направо.)

Рабачевъ (идетъ за ней).

Оля, Оля!

Оля (останавливается).

Нѣтъ... ничего, ничего... не надо. (Ударъ колокола.) Слышишь? (Уходитъ.)

Рабачевъ.

Прощай, Оля! Не такъ бы прощаться-то надо; что-то холодно это. Да что жъ дѣлать-то, у нея души нѣтъ, и у меня отнята. Выпросилъ ли я у нея прощенье-то? Простила она меня, кажется! Золото, золото я теряю, что-то найду! Пойду коротать скучную ночь до веселаго утра!

(Уходитъ налѣво. Справа выходитъ Дерюгинъ.)

Явленіе четвертое.

Дерюгинъ (одинъ, прислушиваясь).

Ишь ты какъ плещетъ, ишь какъ бултыхнулась! (Подходитъ къ берегу.) Съ нами крестная сила! Ужъ не водяной ли шутитъ? Ну, а коли рыба, такъ ужъ рыбища рѣдкостная. Завтра же утромъ скомандую своимъ парнямъ въ этомъ самомъ мѣстѣ неводомъ закинуть!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Дѣйствующія лица:

Ренева.	Рабачевъ.
Залѣшинъ.	Даша.
Залѣшина.	Ильичъ.
Худобаевъ.	Степанида.
Дерюгинъ.	

Декорація 2-го дѣйствія; въ комнатѣ слѣды сбора въ дорогу: на полу чемоданъ, на столѣ сумка, плэдъ и картоны.

Явленіе первое.

Даша (укладываетъ картонъ). **Ренева** (входитъ).

Ренева.

Все готово, Даша?

Даша.

Кажется все-съ. (Смѣется.) Одного вотъ нѣтъ, денегъ не несутъ; за ними дѣло.

Ренева.

Деньги будутъ; съ минуты на минуту жду Худобаева. А не онъ, такъ Денисъ. Мнѣ чтобы сегодня непремѣнно уѣхать.

Даша.

А, пожалуй, и до завтра останемся. Ужъ дѣлать нечего; ждали больше.

Ренева.

Нѣтъ, сегодня же; я не хочу здѣсь оставаться дольше.

Даша.

Что же такъ, барышня?

Ренева

Такъ мнѣ нужно.

Даша.

А какъ же, барышня, Борисъ-то Борисычъ? Онъ влюбленъ въ васъ до страсти. Я это сразу замѣтила: какъ говоритъ съ вами, такъ все вспыхиваетъ.

Ренева.

Да я знаю, что онъ ко мнѣ неравнодушенъ; и даже очень; но зачѣмъ же напрасно возмущать людей? Я не хочу. Пусть послѣ меня останется здѣсь миръ и тишина; пусть ихъ живутъ, какъ жили.

Даша.

А жаль, баринъ-то хорошій и такой молодецъ!

Ренева.

Да, онъ молодцоватъ; но у него странный характеръ: онъ какъ-то безпокоенъ и даже страшенъ бываетъ, — онъ можетъ испугать. Такъ что мнѣ сегодня не хотѣлось бы даже и видѣть его; лучше безъ лишнихъ объясненій.

(Входятъ Ильичъ и Степанида.)

Явленіе второе.

Ренева, Даша, Ильичъ и Степанида.

Ренева.

А, старички! Даша, поди, пожалуйста, въ переднюю, подожди тамъ. Кто придетъ — доложишь. (Даша уходитъ.) Что скажете?

Степанида (съ поклономъ).

Матушка наша, барышня, отъѣзжать изволите!

Ренева.

Ѣду. Жаль мнѣ васъ бѣдныхъ; какая старина!

Степанида.

Стары мы, барышня, оченно мы стары; ужъ и передъ добрыми людьми совѣстно даже, что чужой вѣкъ живемъ, а на все воля Божья!

Ренева.

Поживите; вамъ все-таки не скучно, вы вдвоемъ.

Степанида.

Вдвоемъ, вдвоемъ, барышня, да ужъ оченно ругатель онъ у меня, и такой-то злющій сталъ тебѣ!..

Ильичъ (огрызаясь).

Ты добра!

Ренева.

Ничего; поссоритесь и помиритесь.

Степанида.

Это-то что, помиримся! А вотъ пропитанье-то не знаемъ, гдѣ теперича добывать себѣ, чѣмъ свой хлѣбъ оправдывать, гдѣ намъ голову преклонить. (Подталкиваетъ Ильича.) Что жъ стоишь столбомъ! Говори барышнѣ.

Ильичъ.

Говори ты, у тебя языкъ длиннѣй.

Степанида.

Вотъ онъ, передъ вашею милостью, барышня, облаялъ! Ахъ, ты, полоумный!

Ильичъ.

Молчи, дурова лапотница!

Степанида.

Безсовѣстный! Самъ старый сычъ!

Ильичъ.

Замолчишь ты?... Какъ же будетъ, барышня, у насъ, какъ вы отъѣдете, стало быть и намъ отправляться со двора долой, — куда глаза глядятъ? Потому какъ продажа эта въ настоящее время...

Ренева.

Что вы, что вы! Вы останетесь по старому; я распоряжусь, я сдѣлаю условіе съ покупщикомъ.

Степанида (толкая Ильича).

Кланяйся въ ножки барышнѣ.

Ильичъ.

Постой, не толкай!

Ренева.

Ахъ, пожалуйста, не надо! За что это вы? Вы, кажется, заслужили!

Ильичъ.

Усерднѣйше благодаримъ, барышня! А что заслужили, это дѣйствительно, мы заслужили.

Ренева (уходя налѣво).

Пойдемте, я дамъ вамъ кое-что изъ вещей!

Степанида (слѣдуя за ней).

Чурбанъ! Какъ слѣдуетъ поблагодарить не умѣетъ! (Передразнивая.) „Мы заслужили!“ (Уходятъ.)

Даша (пробѣгая черезъ сцену).

Слава Богу, пріѣхали!

(Входитъ Худобаевъ во фракѣ, со шляпой въ рукѣ.)

Явленіе третье.

Худобаевъ, потомъ Дерюгинъ и Ренева.

Худобаевъ.

Да, минута, можно сказать, единственная въ жизни человѣка! У меня нѣсколько дрожитъ сердце, но буду твердъ. Форма же объясненія и самое изложеніе, мнѣ кажется, хороши; лучше не могъ придумать: „Человѣкъ — это странникъ, плывущій по морю житейскому!“ Очень живописно! Очень удачное сравненіе!

(Входитъ Дерюгинъ.)

Дерюгинъ.

Барышня, вѣрно, сію минуту пожалуютъ. Насчетъ здоровья, сударь, смѣю васъ спросить?

Худобаевъ.

Н-да... Немножко въ боку что-то и спина, отчасти; но вообще хорошо, много лучше. Я бодръ!..

(Ренева входитъ и окидываетъ взглядомъ Худобаева. Дерюгинъ молча кланяется.)

Худобаевъ (расшаркиваясь).

Имѣю честь кланяться, Анна Владиміровна!

Ренева.

Здравствуйте, садитесь.

Худобаевъ.

Благодарю-съ. (Садится. Дерюгинъ садится у дверей.)

Ренева.

Прежде всего, поправились ли вы? Я слышала, что вы пострадали отъ нашей поѣздки на луга.

Худобаевъ.

Да-съ, очень быстрая ѣзда. Признаюсь, я не могу выносить, не люблю. Вынужденъ былъ нѣкоторое время остаться дома.

Ренева.

Простите. Это я виновата! я тогда васъ пригласила.

Дерюгинъ.

Помилуйте, барышня, гдѣ же имъ за вами поспѣвать! Имъ ежели легкой рысцой...

Худобаевъ.

Нѣтъ-съ, не извольте безпокоиться: я оправился, вполнѣ окрѣпъ, совершенно здоровъ-съ!

Ренева.

Зачѣмъ же это вы во фракѣ? Что за церемоніи?

Худобаевъ.

Такъ-съ, такой случай!... Минута, можно сказать, для меня торжественная!

Ренева.

Извините, не понимаю. Что же вы покупаете мое имѣніе?

Худобаевъ.

Н-да... нѣтъ-съ... У меня, видите ли, есть соображеніе, то есть, я бы желалъ... (Откашливаясь.)

Ренева.

Пожалуйста, только скорѣй объясняйтесь, — я такъ спѣшу въ дорогу.

Худобаевъ.

Н-да-съ... но именно я бы желалъ наединѣ...

Ренева.

Что за тайны! Впрочемъ, извольте: Денисъ Иванычъ, выйдите на минуту.

Дерюгинъ.

Слушаю-съ! (Кашлянувъ въ руку, выходитъ.)

Явленіе четвертое.

Ренева и Худобаевъ.

Ренева.

Говорите — я васъ слушаю.

Худобаевъ.

Н-да-съ... именно, — минута торжественная для меня и я первый разъ въ жизни рѣшаюсь! Я долго думалъ-съ!

Ренева.

Но только короче и яснѣй, прошу васъ, сообщайте ваши думы, если это идетъ къ дѣлу.

Худобаевъ.

Вы изволили сказать, что уѣзжаете отсюда?

Ренева.

Ѣду сегодня же.

Худобаевъ.

Н-да!... И имѣете рѣшимость продать ваше имѣніе?

Ренева.

Кажется, это вамъ извѣстно болѣе, нежели кому другому!... Что же мы будемъ толковать, о чемъ уже сто разъ говорили!

Худобаевъ.

Нѣтъ-съ, но вашъ отъѣздъ и эта продажа могли бы устраниться, могли бы совершенно не состояться въ случаѣ...

Ренева.

Въ случаѣ, если я сегодня внезапно умру, да?

Худобаевъ.

Нѣтъ-съ; и при другихъ обстоятельствахъ...

Ренева.

Послушайте, вы меня рѣшительно ставите въ тупикъ!

Худобаевъ.

Сейчасъ-съ, позвольте, сейчасъ будетъ ясно... Н-да-съ... я много думалъ!... Вообще человѣкъ... его можно сравнить съ странникомъ, который волею судебъ плыветъ по океану; онъ переноситъ различныя треволненія, страждетъ; но, наконецъ, обрѣтаетъ тихую пристань, источникъ чистаго счастія и успокоенія.

Ренева.

Что за риторика! Къ чему все это?

Худобаевъ.

Позвольте-съ, позвольте! Вы сейчасъ увидите! Я много думалъ... Н-да... Странникъ!... Вотъ

и я-съ: тридцать пять лѣтъ безпорочной службы, — не мало тяжестей и лишеній; въ заключеніе, — я не могу, конечно, пожаловаться, — служба меня вознаградила: я имѣю ордена, полную пенсію; при томъ же, благоразумною бережливостью я составилъ накопленіе, — у меня около 50 тысячъ денегъ. Но... но все же я еще тотъ странникъ, пловецъ, не обрѣтшій еще тихой пристани.

Ренева.

Нѣтъ, извините, я теряю всякое терпѣніе!

Худобаевъ.

Позвольте, сейчасъ-съ! И вотъ я случайно пріѣзжаю сюда, для поправленія разстроеннаго по службѣ здоровья, и вдругъ... встрѣчаю... Я долго думалъ! И мнѣ кажется, я именно здѣсь нахожу...

Ренева.

Свою пристань?

Худобаевъ.

Да-съ.

Ренева.

Что жъ, и прекрасно, желаю вамъ!..

Худобаевъ.

Но все будетъ зависѣть отъ васъ-съ, Анна Владиміровна.

Ренева.

Отъ меня?

Худобаевъ.

Единственно отъ васъ-съ; вы, такъ сказать, можете рѣшить мою судьбу: или я получу блаженство земное или останусь вѣчнымъ пловцомъ, вѣчнымъ странникомъ!

Ренева.

Да что же вамъ, наконецъ, угодно отъ меня?

Худобаевъ.

Анна Владиміровна, я уже имѣлъ честь письменно изложить вамъ...

Ренева.

Да, я получила ваше письмо, но оно для меня такъ же странно, какъ и ваше настоящее объясненіе.

Худобаевъ.

Мое письмо, въ немъ именно мои чувства; при первомъ же знакомствѣ, съ перваго взгляда на васъ, Анна Владиміровна, я сказалъ себѣ: вы — моя судьба! Анна Владиміровна, чувства мои глубоки и искренни и въ сію минуту я прошу... Н-да... прошу...

Ренева.

Чего?

Худобаевъ.

Я прошу вашей руки. (Ренева съ удивленіемъ смотритъ на него.) Съ своей стороны, я сдѣлаю все зависящее отъ меня для вашего счастія!

Ренева.

Что же, именно? Вы желаете взять меня и въ придачу мое имѣніе; что же за все это вы сами можете предложить мнѣ?

Худобаевъ.

Мой чинъ, мои ордена, — они дадутъ вамъ положеніе въ обществѣ; потомъ я могу вамъ преподать нѣкоторыя нравственныя правила, необходимыя для молодой женщины.

Ренева.

Немного. (Встаетъ.) Нѣтъ, батюшка мой, я не тихая пристань, вы ошиблись, — я бурное море! И вашъ челнокъ, нагруженный нравственными правилами, сразу бы разбился вдребезги, да и отъ васъ

самихъ не осталось бы ничего, кромѣ чина да орденовъ вашихъ. Нѣтъ, въ несчастную минуту вамъ пришла эта мысль въ голову!

Худобаевъ.

Я долго думалъ!... Это было вполнѣ искренно, но если... то я прошу извинить, что посмѣлъ.

Ренева.

Извиняю, ради вашихъ немочей! А теперь — послѣднее слово: покупаете вы имѣніе?

Худобаевъ.

Имѣнье-съ... собственно имѣнье... н-да... нѣтъ, видите ли, я еще не сообразилъ, такая сумма!

Ренева.

Ахъ, да! Вы думали взять его въ приданое, но ошиблись въ ожиданіяхъ.

Худобаевъ.

Нѣтъ-съ, вовсе нѣтъ!...

Ренева.

Засимъ, между нами все кончено. Извините меня, мнѣ некогда; я желаю вамъ обрѣсти гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ вашу тихую пристань.

Худобаевъ.

Нѣтъ-съ, отнынѣ я — вѣчный странникъ!

Ренева.

Въ такомъ случаѣ пріятныхъ вамъ странствій желаю.

Худобаевъ.

Благодарю-съ!... Я ухожу; но не могу умолчать: я страдаю и еще долго буду страдать.

Ренева.

Сочувствую!... Компрессы, почаще компрессы на вашу больную голову!

Худобаевъ.

Имѣю честь кланяться!

Ренева.

Прощайте, всего хорошаго!

Худобаевъ
(выходя очень взволнованный).

Нѣтъ-съ... вѣчный странникъ!

Ренева.

Еще одно приключеніе! Внесемъ его въ дневникъ подъ заглавіемъ: „Странникъ въ челнокѣ".

(Входитъ Дерюгинъ.)

Явленіе пятое.

Ренева и Дерюгинъ.

Дерюгинъ.

Анна Владиміровна, да что жъ это съ бариномъ-то нашимъ? Выскочилъ отъ васъ, какъ ошпаренный, слова не сказалъ; на тройкѣ я его привезъ, парадно, — такъ и на лошадей не глянулъ, задумалъ на своей парѣ безъ оглядки!... Али ужъ съ радости, что покупку сдѣлалъ выгодно?

Ренева.

Онъ вовсе не купить хотѣлъ, а взять въ приданое.

Дерюгинъ.

Это, то есть, какъ же въ приданое?

Ренева.

Такъ, за мной; онъ хотѣлъ жениться на мнѣ!

Дерюгинъ.

И связался жъ я; одной возки что было!

Ренева.

Но съ нимъ кончено; теперь я съ вами буду дѣло имѣть: значитъ, вы покупаете имѣніе?

Дерюгинъ.

Да ужъ, видно, въ такомъ разѣ, что дѣлать, надо васъ выручать, барышня! Но только и вы насъ пожалѣйте, а мы завсегда рабы ваши вѣрные!

Ренева.

Что вамъ еще?

Дерюгинъ.

Сбавьте, барышня, скиньте тысченку-другую; вѣрьте нашей совѣсти, непомѣрная тягость! При томъ же покупаю, а не знаю, что еще будетъ отъ сыновей; а деньги ихъ пойдутъ, — мнѣ гдѣ взять!..

Ренева.

Извольте, я сбавлю одну тысячу; четырнадцать тысячъ въ два срока: — семь тысячъ сейчасъ и семь черезъ полгода.

Дерюгинъ.

Махина денегъ! Не зарѣзаться бы и съ имѣньемъ этимъ, — пойдешь съ сумой!..

Ренева.

Что это, — опять запѣлъ Лазаря!

Дерюгинъ.

Такое дѣло, матушка, дѣло большое! И главная причина, вдругъ это... не подумамши хорошенько!

Ренева.

Деньги готовы?

Дерюгинъ.

Да ужъ сколотимся... деньги... дойти только до дома.

Ренева.

Хорошо. Вы довезете меня до города, тамъ мы сдѣлаемъ актъ, какой будетъ нуженъ. Сейчасъ давайте деньги и лошадей, — я готова.

Дерюгинъ.

Барышня, да что жъ вы такъ-то? И проститься съ нами, какъ слѣдуетъ, вамъ не угодно. А я, было и рыбки послалъ наловить. Сейчасъ парни мои ловятъ. Ушицу хотѣлъ приготовить, и другое что, и вашу милость, барышня, попросить.

Ренева.

Нѣтъ ужъ, Денисъ Иванычъ, благодарю, спѣшу очень; когда-нибудь послѣ пріѣду къ вамъ въ гости.

Дерюгинъ.

Просимъ милости, барышня! А то бы изволили малость подождать; и кони подкормятся, рѣзвѣй докатятъ.

Ренева.

Не жду часа; отправляйтесь

Дерюгинъ.

Есть воля ваша, — подаю! На этой же тройкѣ, не перепрягая, только валдайчикъ подвязать.

Ренева.

Отлично; идите.

Дерюгинъ

Только до дома мнѣ. Ну а рыбку, коли ужъ хорошая попадется, на ваше счастіе, барышня, такъ хоть на дорогу вамъ уложу. Вчера ночью какая трепеталась!

Ренева.

Хорошо, хорошо, только скорѣй!

Дерюгинъ.

Живой рукой-съ. (Уходитъ.)

Ренева (одна).

Охъ! сдѣлано, кончено... Какъ я устала съ этими хлопотами! Пойти собираться!.. (Уходитъ налѣво. Входитъ Залѣшинъ и Авдотья Васильевна.)

Явленіе шестое.

Залѣшинъ и Авдотья Васильевна.

Авдотья Васильевна.

Слава Богу, образумились! Хоть въ люди-то можно показаться, а то срамъ на себя напустили.

Залѣшинъ.

Образумился, образумился, Авдотья Васильевна,— радуйся! Провожу сосѣдку и буду жить дла вашего удовольствія: будемъ по субботамъ блины печь, баню топить...

Авдотья Васильевна.

Да, конечно, чего намъ не жить, все у насъ есть! А блины да баня, что вы смѣетесь? Развѣ это не христіанское дѣло?

Залѣшинъ.

Выпаримся, выпаримся; весь чадъ изъ головы выйдетъ.

Авдотья Васильевна.

Первое средство: папенька завсегда послѣ запоя... Любо-дорого смотрѣть на васъ, Семенъ Семенычъ, какъ вы такъ-то.

Залѣшинъ.

Какъ „такъ-то“?

Авдотья Васильевна.

Да, коли вы умный!

Залѣшинъ.

О, я очень, очень деликатенъ и тонокъ! Вы только постигните, раскусите меня хорошенько, Авдотья Васильевна!

Авдотья Васильевна.

А развѣ не раскусила? Ума у васъ палата и характера вы добраго! Вотъ только, какъ задурите...

Залѣшинъ.

Человѣкъ не машина, Авдотья Васильевна, и на грѣхъ мастера нѣтъ.

Авдотья Васильевна.

А никто ужъ васъ такъ не пожалѣетъ и не побережетъ, окромя какъ жена!

Залѣшинъ.

Никто, никто, мое сокровище!

Авдотья Васильевна.

Потому что кому вы нужны? Вѣдь вы только про себя что-то воображаете; а ужъ повѣрьте, — что никто, кромѣ меня, на васъ не польстится.

Залѣшинъ.

Понимаю, понимаю.

Авдотья Васильевна.

Да, понимать и чувствовать должны. Вотъ вы похудѣли за эти дни; а кто васъ пожалѣетъ?

Залѣшинъ.

Дѣйствительно.

Авдотья Васильевна.

Кабы не я, такъ бы и некому.

Залѣшинъ.

Да и вы не жалѣйте! Скоро опять въ настоящую мѣру войду.

Авдотья Васильевна.

Кабы не я — вы бы не догадались и къ Аннѣ Владиміровнѣ побывать; такъ бы она и уѣхала. Хоть она и гордилась, не была у насъ; а все-таки, честь честью...

Залѣшинъ.

Именно, мой другъ. Да что она не выходитъ?

Авдотья Васильевна.

Ахъ, вѣдь вы слышали, что уѣзжать собирается; значитъ, укладка идетъ.

(Входитъ Ренева.)

Явленіе седьмое.

Залѣшинъ, Авдотья Васильевна и Ренева.

Авдотья Васильевна.

Погордились, погордились, Анна Владиміровна.

Ренева.

Простите! Я и собиралась, да какъ-то не удалось. Семенъ Семенычъ, вы только встрѣчать меня да провожать являетесь.

Залѣшинъ.

И меня простите; мнѣ тоже какъ-то не удалось.

Ренева.

Что же вы дѣлали, гдѣ пропадали?

Залѣшинъ.

Чертилъ.

Ренева.

Это что же значитъ?

Залѣшинъ.

Вотъ видите ли, гдѣ людямъ есть развлеченье, есть постоянная работа для ума, тамъ они и живутъ по-человѣчески; а мы здѣсь, въ глуши, прозябаемъ, прозябаемъ, да вдругъ и зачертимъ.

Авдотья Васильевна.

Ахъ, ужъ и не говорите!

Ренева.

Вѣдь это, я думаю, вредно для здоровья.

Авдотья Васильевна.

И я то же говорю.

Залѣшинъ.

Ничего; напротивъ, — это намъ на пользу. Надо жъ въ чемъ-нибудь, если не человѣческую, то хоть животную жизнь проявлять; а то растительные процессы совсѣмъ одолѣютъ, — это еще хуже.

Ренева.

Да, пожалуй.

Залѣшинъ (указывая въ окно).

Вонъ и теленокъ стоялъ-стоялъ смирно, да вдругъ и запрыгалъ бокомъ, бокомъ, нескладно таково! Все-таки ему развлеченіе. А вотъ собака на него залаяла: „стой, говоритъ, смирно, порядку не теряй!“

Авдотья Васильевна.

Такъ это вы меня съ собакой ровняете! Покорно благодарю. А ужъ я полагала, Анна Владиміровна, что его испортили злые люди. Вы не думайте... это бываетъ.

Ренева.

Въ самомъ дѣлѣ, васъ не испортилъ ли кто?

Залѣшинъ.

Что меня портить? Я съ самаго рожденія порченный.

Ренева.

Я васъ попрошу, Семенъ Семенычъ, передать мой поклонъ моему любезному кавалеру Борису Борисычу Рабачеву.

Залѣшинъ.

Да онъ самъ, чай, явится.

Авдотья Васильевна.

Дома ихъ нѣтъ, мы заѣзжали.

Ренева.

Не знаю... Не имѣетъ, вѣроятно, желанія; да и къ чему? Дальнія проводы, лишнія слезы.

Залѣшинъ.

Простое дѣло-то: проспалъ — легъ поздно. Я вчера видѣлъ его невѣсту.

Ренева.

Какъ, развѣ онъ женится?

Залѣшинъ.

Да, ужъ это, кажется, дѣло рѣшенное. По крайней мѣрѣ, она мнѣ говорила, что свадьба скоро, что они хотятъ домъ новый строить.

Ренева.

Вотъ какъ? (Задумывается. Слышенъ почтовый колокольчикъ.) Вотъ и лошади. Прощайте, улетаю. (Громко.) Даша, ѣдемъ!..

Авдотья Васильевна.

Счастливаго пути, Анна Владиміровна, всего хорошаго!..

Ренева.

Благодарю! Не поминайте лихомъ!

Авдотья Васильевна.

Помилуйте, какъ можно!..

Залѣшинъ.

За что лихомъ? Спасибо! Освѣтили насъ.

(Входитъ Даша, одѣтая по дорожному, въ рукахъ у нея пальто, различные платки и шляпка Реневой; Ильичъ и Степанида выносятъ чемоданъ.)

Явленіе восьмое.

Ренева, Залѣшинъ, Авдотья Васильевна, Даша, Ильичъ, Степанида, потомъ Дерюгинъ.

Ильичъ.

Не такъ берешься, лопатница.

Степанида.

Простите-извините, господинъ дворянинъ, ваше благородіе!

Даша.

Тамъ еще узлы и коробки остались.

Ильичъ.

Все мигомъ вынесемъ. (Входитъ Дерюгинъ.)

Дерюгинъ.

Барышня, у насъ въ деревнѣ не благополучно!

Ренева.

Что такое, что случилось?

Дерюгинъ.

На рѣкѣ, — такое дѣло? Вотъ поди жъ ты?

Ренева.

Говорите толкомъ.

Дерюгинъ.

Парни мои неводокъ закинули; анъ и грѣхъ вышелъ!

Ренева.

Да что же, что?

Дерюгинъ.

Вытащили, да не то, что нужно.

(Вбѣгаетъ Рабачевъ, одежда и волосы въ безпорядкѣ, глаза блуждаютъ.)

Явленіе девятое.

Ренева, Залѣшинъ, Авдотья Васильевна, Даша, Ильичъ, Степанида, Дерюгинъ и Рабачевъ.

Залѣшинъ.

Вотъ онъ! Я говорилъ, что придетъ.

Рабачевъ.

Да, я пришелъ... Я шелъ сюда, а тамъ на берегу, на пескѣ видѣлъ ее.. Она лежитъ на берегу на пескѣ... бѣлая...

Залѣшинъ.

Ахъ, несчастный! Что съ нимъ? (Дерюгинъ что-то шепчетъ на ухо Залѣшину.) А!.. Вотъ что! Ахъ несчастный!

Рабачевъ.

Я посмотрѣлъ на нее, долго смотрѣлъ... Я хотѣлъ бѣжать отъ нея... Я бѣжалъ, а она не двигаясь шла за мной... Или я еще все тамъ, на берегу, подлѣ нея, или она здѣсь подлѣ меня... (Опускается на стулъ, хватаясь за голову.)

Ренева.

Что-то случилось страшное. Выдьте на минуту, выдьте всѣ! Ему нужно успокоиться; я съ нимъ поговорю!

(Залѣшинъ и Дерюгинъ выходятъ направо, остальные налѣво.)

Явленіе десятое.

Ренева и Рабачезъ.

Ренева.

Что съ вами? Кто за вами идетъ? Успокойтесь!

Рабачевъ (встаетъ).

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я съ ума сошелъ... Она тамъ, на берегу... лежитъ бѣлая... Пойдемте къ ней, посмотрите на нее.

Ренева.

Хорошо, мы пойдемъ. — Вы скажите, что случилось? Кто тамъ?

Рабачевъ.

Боже мой! Кто! Да она, — Оля моя... Оля Василькова.

Ренева

Что же съ ней?

Рабачевъ.

Да она въ рѣкѣ... сейчасъ вытащили... она на берегу лежитъ...

Ренева.

Да что же... отчего же?

Рабачевъ.

Мы ее погубили. Помните въ тотъ вечеръ, какъ вы пріѣхали, мы съ ней были въ саду у васъ.

Ренева.

Такъ это вы были?

Рабачевъ.

Да. На другой день вы сказали ей прямо въ глаза, что вы видѣли двухъ счастливцевъ, и что вамъ было бы очень пріятно и весело разбить это чужое счастье. Съ той поры она и затосковала, и все твердила мнѣ: „она разобьетъ наше счастье“.

Ренева.

Но я вѣдь не знала...

Рабачевъ.

Вчера еще она ворковала о счастіи; мы хотѣли на-дняхъ обвѣнчаться; новенькій домикъ хотѣли выстроить... Вы пришли ко мнѣ.

Ренева.

Ахъ, не мучайте меня, говорите скорѣе!

Рабачевъ.

Она, бѣдная, испугалась, спряталась; а я пошелъ съ вами. Мы катались на лодкѣ, намъ было весело; а она въ смертной тоскѣ бродила по берегу.

Ренева.

Мнѣ больно слушать.

Рабачевъ.

Вамъ больно слушать; а каково ей было переживать тѣ часы, пока она додумалась до самоубійства? Пойдемте!

Ренева.

Куда? Зачѣмъ?

Рабачевъ.

Отдайте мнѣ ее, воротите.

Ренева.

Это невозможно.

Рабачевъ.

А невозможно, такъ пойдемте къ ней! Я не знаю, кто изъ насъ виноватъ, кто убійца. Мы будемъ судиться передъ ней. Если вы виноваты, такъ я васъ утоплю въ той же рѣкѣ и на томъ же самомъ мѣстѣ. Пойдемте!

Ренева.

Нѣтъ, постойте! Ваше обвиненіе слишкомъ серь-

езно и тяжко, чтобъ я могла принять его! Я желаю, я могу оправдаться.

Рабачевъ.

Такъ говорите, я хочу знать правду, всю правду.

Ренева.

На нашу съ вами встрѣчу, и на все, что потомъ произошло между нами, я смотрѣла, какъ на счастливую случайность, на веселое приключеніе, о которомъ остается болѣе или менѣе пріятное воспоминаніе, и только. Мнѣ казалось, что съ моимъ отъѣздомъ у васъ пойдетъ по старому, что я ничего не нарушу. Когда вчера я увидала у васъ дикіе порывы страсти, я убѣжала отъ васъ, я не хотѣла болѣе встрѣчаться съ вами, я думала, что ваша вспышка сама собой погаснетъ. Эти порывы, эта экзальтація никогда не ведутъ къ добру. Надо умѣть жить. Какъ же вы не замѣтили съ перваго взгляда, что я на серьезную страсть не способна.

Рабачевъ.

Да, вамъ хотѣлось, чтобъ я, всей душой любя мою несчастную Олю, умѣлъ еще любить и васъ, на день, на два, на полчаса... Какъ же вы не замѣтили съ перваго взгляда, что я серьезный человѣкъ?

Ренева.

А если вы серьезный человѣкъ, какъ же вы, любя страстно свою невѣсту, могли черезъ полчаса увлечься другой женщиной?

Рабачевъ

(пораженный садится на стулъ).

Да... да... да... Ахъ, я сумасшедшій! Я ищу виноватаго; а онъ здѣсь, на глазахъ. (Громко.) Идите сюда люди добрые, пожалуйте, всѣ, всѣ, кто тамъ есть — идите сюда!

(Входятъ: Залѣшинъ и Дерюгинъ справа, слѣва — Авдотья Васильевна, Даша, Ильичъ и Степанида.)

Явленіе одиннадцатое.

Ренева, Рабачевъ, Залѣшинъ, Авдотья Васильевна, Дерюгинъ, Даша, Ильичъ и Степанида.

Рабачевъ.

Люди добрые!.. Тамъ... на берегу, на пескѣ лежитъ мертвая дѣвушка, чистая душа, ни въ чемъ неповинная; ее убили. А убійца — я!.. (Падаетъ на колѣни.) Кланяюсь вамъ всѣмъ, кланяюсь всему свѣту бѣлому... Кланяюсь матери-сырой-землѣ!.. Простите меня!.. (Встаетъ.) Самъ я виноватъ, самъ я себя и казню. (Убѣгаетъ.)

Дерюгинъ (смотритъ вслѣдъ ему).

Барышня, онъ побѣжалъ не дорогой, онъ побѣжалъ садомъ; а тамъ яръ, обрывъ поболѣ двадцати саженъ. Тутъ не то, что человѣкъ, а и камень разобьется вдребезги!

Ренева.

Ахъ! Бѣгите, бѣгите за нимъ!

(Дерюгинъ убѣгаетъ въ садъ. Всѣ остаются въ ожиданіи. Дерюгинъ возвращается.)

Дерюгинъ.

Нѣтъ ужъ, молитесь за него! Добрый былъ баринъ, Борисъ Борисычъ, а христіанской смертью умереть Богъ не привелъ.

Каталогъ изданій

Книгоиздательскаго Товарищества

„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. [4] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. *С. Н. Южакова.* 10,000 рис., карть и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полукож. перепл. по 6 руб.	132	—
Географическій атласъ. 84 л. карть и 16 л. плановъ городовъ въ 8°. — 15 в. по 40 к., въ роск. полукож. перепл.	7	80

Изящная литература.

Всемірная библіотека. Собр. соч. лучш. иностр. и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Крыловъ, И. А. [1. 10] Редакція *В. В. Каллаша.* Худож. прил. — 4 т. по 75 к. въ изящн. кол. перепл.	5	—
Пушкинъ, А. С. [4. 8. 10] Редакц. *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша.* 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл.	9	—
Кольцовъ, А. В. Редакція *А. И. Введенскаго.* 1 томъ. Цѣна 1 руб., въ изящн. кол. перепл. . .	1	50
Лермонтовъ, М. Ю. [4. 8. 10] Редакц. *А. И. Введенскаго.* 15 худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл.	5	—
Гоголь, Н. В. Редакція *В. В. Каллаша.* 36 худож. прил. — 9 т. 9 р., въ изящн. кол. пер.	13	50
Танъ В. Г. Съ портретомъ автора. 10 том. 10 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	15	—
Ольга Шапиръ. Съ портретомъ автора. 10 том. Цѣна 15 руб., въ перепл.	20	—
Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей *П. В. Быкова.* 20 томовъ 20 руб., въ изящн. кол. перепл.	30	—
Помяловскій, Н. Г. [8. 10] Портр. и біогр. автора, составл. *Н. А. Благовѣщенскимъ. 10-е изданіе.* — 2 т. 3 р., въ изящн. кол. перепл.	4	—
Островскій, А. Н. [4. 8. 10] Ред. *М. И. Писарева.* Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 т. 19 р. 20 к., въ изящн. кол. перепл.	25	20
Потѣхинъ, А. А. [4. 8. 10] Ред. *автора.* Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. пер.	18	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Невѣжинъ, П. М. Съ портрет. и факсимиле автора 12 том. 18 руб., въ изящн. перепл. . .	24	—
Аксаковъ, С. Т. Редакція *А. Г. Горнфельда.* Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. пер.	9	—
Н. Я. Соловьевъ. Съ портр. автора. 2 т. по 1 р. 25 к., въ перепл.	3	50
Чарльзъ Диккенсъ. Пер. съ англ., со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго.* 30 том. по 75 к., въ пер.	37	50
Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. *М. В. Лучицкой.* 20 том. по 75 коп., въ перепл.	25	—
Элиза Оржешко. Перев. съ польск., подъ ред. *С. С. Зелинскаго.* 12 том. по 75 коп., въ перепл.	15	—
Гюи де-Мопасанъ. Переводъ съ франц., со вступ. стат. *З. А. Венгеровой.* 15 т. 15 р., въ пер.	22	50
Эдгаръ По. Перев. съ англ., съ критико-биограф. очерк. *М. А. Энгельгардта.* 3 т. 3 руб., въ пер.	4	50
Эмиль Зола. Перев. съ франц., подъ ред. и со вступит. статьями *Е. В. Аничкова* и *О. Д. Батюшкова.* 30 т. по 1 р. 50 к., въ перепл.	60	—
Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями *И. Ѳ. Анненскаго.* 1 т. 6 р., въ изящн. перепл.	7	25

Современная библіотека.

Стихотворенія П. Я. (Якубовича-Мельшина). 2 т. I т. ц. 1 р. 50 к; II т. ц. 1 р. 25 к.	2	75
Дьявушки. Сборн. разсказ. *Б. А. Лазаревскаго* .	1	—
Колымскіе разсказы. Сборн. разск. *В. Г. Тана*	1	—
На тумбѣ. Сборн. разск. *В. Г. Тана*	1	—
Жертвы Дракона. Романъ *В. Г. Тана.* . .	—	80
Княжна. Романъ *А. В. Амфитеатрова*	1	50
Жаръ-цвѣтъ. Фант. ром. *А. В. Амфитеатрова.*	1	50
Черныя маски. Пьеса *Леонида Андреева* . .	—	50
Анфиса. Пьеса *Леонида Андреева*	—	75
Братья Карамазовы. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго* За 3 тома.	3	—
Преступленіе и наказаніе. Ром. *Ѳ. М. Достоевскаго.* За 2 тома.	2	—
Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Сборникъ стиховъ *К. Д. Бальмонта*	1	25
Цари Биржи. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко*	1	50
Стихотворенія. *Д. С. Мережковскаго*	1	50
Король биржи. Романъ *Э. Штильгебауэра* . .	1	25
Райскій уголокъ. Романъ *Э. Штильгебауэра.*	1	25
Каспаръ Гаузеръ. Романъ *Я. Вассермана.*	1	75

Восемь племенъ. Книга для юношества *В. Г. Тана,* съ 24, прилож. въ худож. обложкѣ	1	50

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Соч. по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

	Р.	К.
Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* 4. 7 Общ. ред. ***Г. Гельмольта.*** Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 т.	54	—
Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра ***Г. Шурца.*** Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова.* 15 в. по 50 к., въ перепл.	8	60
Исторія нѣмецкой литературы *съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени.* 1. 2. 9 Соч. профф. ***Фр. Фогта*** и ***М. Коха.*** Пер. проф. *А. Л. Погодина.* 15 в. по 50 к., въ перепл. . . .	8	60
Какъ англичане критикуютъ свои государств. расходы. Соч. акад. ***Ив. Ив. Янжула.*** Цѣна 1 р. 25 к., въ роск. полук. пер.	1	75
Въ поискахъ лучшаго будущ. Соч. акад. ***Ив. Ив. Янжула.*** 2-ое изд. Ц. 3 р., въ изящн. пер.	3	75
Главныя теченія польской политич. мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. ***А. Л. Погодина.*** Цѣна 3 р., въ изящн. перепл. . .	3	75
Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* 8. Соч. проф. ***К. Вермана.*** Пер. подъ ред. *А. И. Сомова.* 60 в. по 40 к. или 3 т. въ перепл.	27	—
Сокровища искусства. 100 геліогравюръ разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ худож. пер.	82	—

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

	Р.	К.
Вселенная и человѣчество. 4. Сочин. проф. ***Г. Крэмера.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 в. по 40 к. или 5 т. въ перепл. . .	55	—
Мірозданіе, *общедост. астрономія.* 3. 4. 5. 10 Соч. д-ра ***В. Мейера.*** Пер. съ доп. и указ. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 15 в. 7 р. 50 к., въ перепл.	8	60
Исторія земли. 1. 2. 4. 6 Сочиненіе проф. ***М. Неймайра.*** Пер. съ дополн. по геолог. Россіи и указат. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 30 вып. 12 р. 80 к., въ 2 перепл. . .	15	—
Жизнь природы. Соч. д-ра ***Вильгельма Мейера.*** Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 29 худож. прил. — 15 в. по 50 к., въ роскош. перепл.	8	60
Земля и жизнь. Соч. проф. ***Ф. Ратцеля.*** Пер. подъ ред. проф. *П. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худ. прил. — 30 в. по 50 к. или 2 т. въ перепл.	17	—
Жизнь растеній. 1. 4. 6 Соч. проф. ***А. Кернера фонъ-Марилауна.*** Пер. съ дополн., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 30 в. 12 р. 80 к. или 2 т. въ пер.	15	—
Происхожденіе животнаго міра. 4. 5. 6. Соч. проф. ***В. Гаакс.*** Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 15 в. 6 р., въ перепл.	7	—
Жизнь животныхъ Брэма. 4. 5. 6. 10 Перев. подъ ред. профф. ***А. С. Догеля*** и ***И. Ф. Леграфта.*** 60 выпуск. по 35 коп., въ 3 перепл.	24	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Человѣкъ. [1. 4] Соч. проф. ***І. Ранке.*** Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 30 в. 12 р. или 2 т. въ перепл.	14	20
Народовѣдѣніе. [8. 9] Соч. проф. ***Фр. Ратцеля.*** Пер. съ доп. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к. или 2 т. въ перепл.	15	—
Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. ***Э. Геккеля.*** Пер. подъ ред. проф *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ описс. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополн. вып. 50 к. въ изящн. перепл.	23	50
Африка. [8. 10] Соч. проф. ***В. Сиверса*** и ***Ф. Гана.*** Пер. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 15 в. по 50 к., въ перепл.	8	50
Азія. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. подъ ред. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл.	8	50
Сѣверная Америка. Соч. д-ра ***Э. Декерта.*** Перев. проф. *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп., въ перепл.	8	—
Южная и Средняя Америка. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. проф *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп Въ роск. полукож. перепл.	8	—
Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***В. Кюкенталя.*** Пер. съ дополн. проф. *А. Н. Краснова.* 15 в. по 50 к., въ перепл.	8	50
Европа. Соч. проф. ***А. Филиппсона.*** Пер. съ дополн. ст. о Россіи *В. П. Воронцова.* 15 вып. по 50 коп., въ перепл.	8	50
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. [8. 10] Соч. проф. ***К. Э. Бока.*** Пер. съ нѣм. Рис. и худ. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. перепл	6	—
Новый способъ лѣченія. Сочин. *М. Платена.* Перев. подъ ред д-ра мед. А. П. Зеленкова. Около 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл.	25	—

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. [1. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 258 рис. Въ перепл.	1	75
2) по зоол. птицъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 238 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
3) по зоолог. рыбъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 208 рис. Въ перепл.	1	75
4) по зоол. низшихъ животныхъ [4. 8. 10] Текстъ проф ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. кол. перепл	1	75
5) по географіи растеній. [8. 10] Текстъ д-ра		

Подробные иллюстрированн каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
М. Кронфельда. Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
6) по географіи Европы. 5. 6. 7. 10 Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 233 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	50
7) по географіи внѣевр. странъ. 5. 6. 7. 10 Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл.	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. 8. 10 ***Отд. зоол.*** 55 табл. Большой альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. 8. 10 Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. ***В. В. Эвальда.*** 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. 6. 8. 10 Пер. подъ ред. проф. ***Н. А. Гезехуса.*** 1000 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. 9 Пер. подъ ред. и съ дополнен. проф. ***В. В. Скобельцына.*** 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред. и съ дополн. профф. ***В. И. Добровлянскаго*** и ***А. В. Ключарева*** и др. 629 рис. и 9 прил. — 10 вып. по 50 коп., въ полукож. перепл.	6	—
Горное дѣло и металлургія. 6 Пер. съ дополн. подъ ред. профф. ***И. В. Мушкетова*** и ***В. И. Баумана.*** 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Технологія металловъ. 8. 9. 10 Пер. съ дополн. подъ ред. проф. ***А. Н. Митинскаго.*** 1600 рис. и 6 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—
Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. 8. 10 Переводъ подъ ред. проф. ***В. В. Эвальда.*** 600 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. ***С. А. Ганешина.*** 680 рис., 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл.	6	—
Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. ***Н. Н. Митинскаго.*** 764 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

	Р.	К.
Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. ***И. А. Гезехуса.*** 285 рис. и 3 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл.	6	—

Маньчжурія. Соч. ***А. Домбровскаго и В. Ворошилова.*** Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Цѣна 1 р. 60 к.

Сибирь и ея экономическая будущность. Соч. ***Кл. Оланьона,*** съ предисл. *Фр. Ласси.* 15 иллюстрир. прилож. Цѣна 2 руб., въ изящн. коленкор. пер. — 2 р. 50 к.

Жизнь бабочекъ.[1] Соч. проф. ***Штандфусса.*** Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* 200 рис. Цѣна 2 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. — 3 р. 25 к.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Соч. ***Т. А. Богдановичъ.*** Составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прил. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. кол. пер. — 1 р. 75 к.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. ***Стэда.*** Пер. съ англ., подъ ред. съ пред. и дополн. ***Д. И. Шрейдера.*** Цѣна 3 р. 75 коп., въ роскошн. переплетѣ — 5 руб.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья *по способу составленія патрона-слѣпка.* Соч. ***Бержъ.*** Перев. съ франц. подъ ред. *Е. Н. Янжулъ.* 139 рис. Роскош. изданіе. Цѣна 2 руб.

„Законный" бракъ. *(Проблемы брака, материнства, школы.)* Сборникъ статей ***Архимандрита Михаила.*** Цѣна 60 коп.

---

[1] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ* ***М-ства Нар. Просв.*** *для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній М-ства.*

[2] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*

[3] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ* ***М-ства Земл. и Гос. Им.*** *для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[4] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній въ библ. кад. корпусовъ.*

[5] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Пр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для безпл. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. чит. и библ.*

[6] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ* ***М-ства Земл. и Гос. Им.*** *для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[7] *Изданіе* ***одобрено*** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи по учр. Имп. Маріи для учен. библ., ср. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*

[8] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. гор. уч-щъ.*

[9] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ* ***М-ства Земл. и Гос. Им.*** *для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.*

[10] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

Duke University Libraries
D02782097Z